

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 46

Нижний Новгород

2019

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 46. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – 194 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

М.А. Викулина (*зам. главного редактора*),
А.Ю. Курмелев (*отв. секретарь*), М.А. Ариян, О.В. Байкова (Киров),
К.Э. Безукладников (Пермь), М.К. Бронич, Н.К. Гарбовский (Москва),
Н.А. Голубева, М.А. Грачев, А.В. Иванов, В.И. Карасик (Волгоград),
С.Б. Королева, Л.П. Крысин (Москва), И.В. Леушина, Н.В. Макшанцева,
М.И. Никола (Москва), Ж.В. Никонова, О.А. Обдалова (Томск),
О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Л.В. Рацибурская, Т.Н. Синеокова,
В.В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар
(Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 46

Nizhny Novgorod

2019

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 46. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2019. – 194 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina (*Deputy Editor-in-Chief*), A. Kurmelev (*Executive Secretary*),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich,
N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, A. Ivanov,
V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina,
N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), Zh. Nikonova, O. Obdalova (Tomsk),
O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Ю.А. Дымант (<i>Воронеж</i>) Пограничные явления в автопереводах Владимира Набокова ...	11
Е.А. Княжева (<i>Воронеж</i>) О разработке модели оценочной деятельности в области перевода	20
И.В. Кокурина, Н.Ю. Хорецкая (<i>Иваново</i>) Особенности перевода на немецкий язык текстов по истории государства и права России	32
А.Н. Кочетков (<i>Нижний Новгород</i>) «Короткое дыхание» Николая Бахтина: «Разговор о переводах»	42
Ю.С. Курилкина (<i>Рязань</i>) Семантический синкретизм превентивных высказываний в русском языке	51
О.Н. Обухова, О.В. Байкова (<i>Киров</i>) Этнокультурные маркеры в традиционных культурах малых народов России: теоретические аспекты исследования	61
О.В. Петрова (<i>Нижний Новгород</i>) Теория перевода, теория текста и рынок	69
Т.С. Рыжкова, П.В. Янькова (<i>Иркутск</i>) Невербальные средства коммуникации для выражения дружелюбного отношения (на материале английского языка) ...	79
Е.А. Сакулина, А.А. Веревкина (<i>Нижний Новгород</i>) Специфика перевода немецкоязычного публицистического текста о гастрономических особенностях Баварии (на примере главы гастрономического справочника К. Мучелькнаус «Где в Баварии вкуснее всего»)	88

Ю.В. Туфанова, Т.Б. Маклакова, М.Н. Чупановская (Иркутск) Функционально-прагматический потенциал молчания в ситуации извинения	98
--	----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

М.И. Баранова (<i>Нижний Новгород</i>) Испанское литературное наследие в романе Роландо Инохосы <i>Estampas del valle y Otras Obras</i>	109
--	-----

Г.И. Родина (<i>Арзамас</i>) Топос «дальние страны» в произведениях Г. Зудермана	119
--	-----

И.В. Сергодеев (<i>Снежинск</i>) Признак незамкнутости поэтического текста в интертекстуальном освещении (на примере стихотворения С. Плат <i>Pursuit</i>)	129
---	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.Ю. Акатьев, Г.В. Курицына (<i>Нижний Новгород</i>) Дистанционные технологии в организации контроля качества образования в вузе	138
---	-----

А.Ю. Арсентьева (<i>Калуга</i>) Инновационная технология «портфолио» в методике обучения иностранным языкам в современной школе	147
--	-----

А.Ю. Ивлева (<i>Саранск</i>) Нужно ли переводчику высшее лингвистическое образование?	163
--	-----

М.Ю. Родионова (<i>Нижний Новгород</i>) Формирование профессиональных компетенций на занятиях по письменному переводу	171
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Голубева (*Нижний Новгород*)

Исследование иронии в современной германистике. Рецензия на монографию: Плисов Е.В., Кузьмичева А.А. Ирония в словаре и речи (на материале немецкого языка): Монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2019. 174 с. 181

Т.Н. Федуленкова (*Владимир*)

Дифференциальные признаки афоризма. Рецензия на монографию: Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с. 186

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Yulia Dymant (<i>Voronezh</i>) Fuzzy Boundaries between Primary and Secondary Text Features in Vladimir Nabokov's Self-Translations	11
Yelena Knyazheva (<i>Voronezh</i>) Towards Developing a Model of Translation Quality Assessment Process	20
Inna Kokurina, Natalia Khoretskaya (<i>Ivanovo</i>) Translation of Texts on the History of State and Law in Russia from Russian into German	32
Alexander Kochetkov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Nikolai Bakhtin's ' <i>Short Breath: A Talk about Translations</i> '	42
Yulia Kurilkina (<i>Ryazan</i>) Semantic Syncretism of Preventive Utterances in the Russian Language	51
Olga Obukhova, Olga Baykova (<i>Kirov</i>) Ethnocultural Markers in Traditional Cultures of Ethnic Communities in Russia: Theoretical Aspects	61
Olga Petrova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Translation Theory, Text Linguistics, and Market Requirements	69
Tatyana Ryzhkova, Pauline Yan'kova (<i>Irkutsk</i>) Non-Verbal Means of Communication for Expressing Friendliness	79
Elena Sakulina, Aleksandra Verevkina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Translating German Non-Fiction Texts about Special Features of Bavarian Cuisine	88
Yuliya Tufanova, Tatyana Maklakova, Mariya Chupanovskaya (<i>Irkutsk</i>) The Functional and Pragmatic Potential of Silence in Expressing Apology	98

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Maria Baranova** (*Nizhny Novgorod*)
Spanish Literary Heritage in ‘*Estampas del valle y Otras Obras*’ by Rolando Hinojosa 109
- Galina Rodina** (*Arzamas*)
The “Faraway Lands” Topos in the Works of Hermann Sudermann 119
- Ilya Sergodeev** (*Snezhinsk*)
Non-Closure of Poetic Texts from the Perspective of Intertextuality (Reading “Pursuit” by Sylvia Plath) 129

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

- Dmitry Akatiev, Galina Kuritsyna** (*Nizhny Novgorod*)
Distance Learning Technologies in Organizing Quality Control of University Education 138
- Anna Arsenyeva** (*Kaluga*)
Using the Portfolio as an Innovative Technology in Teaching Foreign Languages in Modern Schools 147
- Alina Ivleva** (*Saransk*)
Does a Translator / Interpreter Need a College Degree in Linguistics? 163
- Maria Rodionova** (*Nizhny Novgorod*)
Developing Professional Competencies while Teaching Written Translation 171

REVIEWS

- Nadezhda Golubeva** (*Nizhny Novgorod*)
Studying Irony in Modern Linguistics: A review of “Irony in Dictionaries and Speech (in the German Language),” a monograph by E.V. Plisov and A.A. Kuzmicheva. N. Novgorod: Minin University, 2019. 174 p. 181

Tatyana Fedulenkova (*Vladimir*)

Major Class Features of Aphorisms: A review of “Aphorisms in the Context of Russian Culture,” a monograph by A.V. Korolkova. Smolensk: Smolensk State University Press, 2018. 226 p.

186

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1“19”:811.111’255.2

ПОГРАНИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АВТОПЕРЕВОДАХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Ю.А. Дымант

Воронежский государственный университет

В статье рассматривается проблема соотношения свойств первичности и вторичности в тексте автоперевода. На примере использования средств художественной выразительности в текстах автопереводов Владимира Набокова показаны случаи проявления нечёткой границы между первичностью и вторичностью, которые наблюдаются, когда в результате текстовых модификаций, вызванных сменой кода и адресата, с одной стороны, и влиянием языковой личности автора, с другой, в тексте автоперевода меняется набор языковых функций.

Ключевые слова: первичные и вторичные тексты, автоперевод, функции языка, модель Р.О. Якобсона, В. Набоков.

Fuzzy Boundaries between Primary and Secondary Text Features in Vladimir Nabokov’s Self-Translations

Yulia Dymant

The paper examines the relationship of primary and secondary text features in texts of self-translation. Analysis of conative and poetic functions in Vladimir Nabokov’s self-translations demonstrates that fuzzy boundaries between primary and secondary text features in self-translation are observed when the author introduces expressive means, because he aims at a different audience and writes in a different language. As a result, a different set of language functions can be observed in texts of self-translation.

Key words: self-translation, primary and secondary texts, Vladimir Nabokov, language functions, Jakobson’s model of communication.

Может ли кто-либо понимать художественное произведение лучше, чем его автор? Ответ на этот вопрос представляется очевидным: автор в точности знает, что именно и как он хотел сказать читателям. Может ли кто-то перевести художественное произведение лучше, чем это сделает сам автор? Сомнений и здесь не возникает: писатель-билингв – это, пожалуй, идеальный переводчик, так как перед ним не стоит проблема интерпретации смысла исходного текста. Следует ли из этого, что автоперевод будет максимально соответствовать оригиналу, в полной мере передавая его содержание,

структуру, стилистические особенности? Однозначно ответить на этот вопрос уже не так просто. Многие авторы, бравшиеся за перевод собственных произведений, приходили к выводу, что создать «то же самое на другом языке» невозможно, и вносили в текст изменения, обусловленные как чисто языковыми и культурными различиями, так и рядом других причин [1; 2].

Так, к примеру, поэт Евгений Баратынский, владевший французским языком, как родным, свои русские стихотворения переводил на французский исключительно прозой. Отчасти это было связано с национальной литературной традицией: во Франции в то время было принято при переводе заменять стихотворную форму на прозаическую. Однако при этом практически все его стихотворения в процессе автоперевода претерпевали серьёзные изменения, в том числе и в плане содержания. Баратынский как бы дорабатывал собственные стихи, а некоторые даже подвергал кардинальной переработке, так что в результате получалось скорее новое произведение на схожую тему [3]. И данный пример не единственный в своём роде [4; 5].

Закономерно возникает вопрос: если автор-переводчик, обладая абсолютной свободой, довольно сильно модифицирует оригинал, не перестаёт ли такой текст быть переводом и не становится ли он принципиально другим произведением, первичным текстом? В поисках ответа мы обратились к произведениям русско-американского писателя Владимира Набокова и проанализировали, какого рода модификации происходят при автопереводе и чем данные модификации вызваны. В частности, мы сопоставили три версии автобиографии писателя: изначальную *Conclusive Evidence*, написанную на английском языке, её автоперевод на русский, получивший название «Другие берега», и последующую дополненную и исправленную английскую версию *Speak, Memory*.

Отметим, что Владимир Набоков известен своими строгими взглядами как на литературу, так и на перевод. Он был убеждён, что перевод должен передавать тончайшие нюансы значений каждого слова исходного текста и погружать читателя в атмосферу оригинала. Такой подход был, в частности, реализован писателем при переводе на английский язык романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который он сопровождал подробнейшими комментариями, призванными дать читателям максимально полное представление о

культурно-историческом контексте романа и его художественных особенностях. Строгость требований, предъявляемых Владимиром Набоковым к качеству перевода, проявлялась и в том, что писатель активно вмешивался в процесс перевода собственных романов с русского на английский и с английского на русский, а также прибегал к автопереводу, как в случае с автобиографией.

Сопоставительный анализ трёх текстов (*Conclusive Evidence*, «Другие берега» и *Speak, Memory*), однако, показал, что в случае автоперевода Владимир Набоков, подобно многим другим авторам-билингвам, существенно модифицирует текст. Несоответствия между исходным текстом и текстом автоперевода наблюдаются, в частности, на уровне содержания, способа описания ситуации, авторской модальности и степени экспрессивности, что не позволяет, вопреки ожиданиям, говорить о полном соответствии оригиналу. В то же время было бы неверно говорить об автопереводе как об абсолютно другом, новом тексте, ведь цель создания, общая сюжетная канва, основное содержание и форма текста остаются неизменными, да и сам Владимир Набоков называл «Другие берега» переводом английской книги [6]. Текст автоперевода, таким образом, представляется нам неким пограничным явлением, сочетающим в себе черты как первичного, так и вторичного текста, т. е. как переводного, так и оригинального материала.

На следующем этапе наша задача состояла в том, чтобы найти объяснение выявленным несоответствиям между исходным и переводным текстами. С этой целью мы прибегли к лингвистическому анализу текста и в качестве инструмента использовали классическую модель коммуникации, предложенную Р.О. Якобсоном [7]. Данная модель позволяет, определив на уровне текста доминирующие языковые функции (реферативная, эмотивная, конативная, фатическая, поэтическая и метаязыковая) в каждом из модифицированных фрагментов, соотнести их на уровне коммуникативной ситуации с компонентами коммуникативного акта (контекст, адресант, адресат, контакт, сообщение и код). Учитывая, что текст перевода должен быть функционально равноценен оригиналу [8], а в классической ситуации перевода меняются только адресат и код, мы можем сделать вывод, что связанные с данными формантами модификации проявляются в тексте на уровне реализации конативной, фатической и метаязыковой функций. Такие

изменения вполне закономерны и указывают на вторичность автоперевода. Изменения в тексте, связанные с реализацией референтивной, поэтической и эмотивной функций, соответственно, обусловлены фактором адресанта и при переводе свидетельствуют о вольном обращении с оригиналом, т. е. являются признаком первичности [9]. В то же время в рассмотренных нами трёх версиях автобиографии Владимира Набокова, помимо чётко определяемых ситуаций, также наблюдаются неоднозначные случаи, связанные с проявлением одной из функций или комбинации нескольких функций, когда определить первопричину модификации не представляется возможным. Следовательно, здесь речь идёт уже о пограничных явлениях, указывающих на нечёткость границы между первичностью и вторичностью автоперевода.

Далее мы подробно рассмотрим те случаи проявления нечёткой границы, когда Владимир Набоков использует в русскоязычной версии средства художественной выразительности, отсутствующие в англоязычных текстах. С одной стороны, такие модификации вызваны сменой адресата и кода и необходимостью воздействовать на новую аудиторию, однако при этом в тексте автоперевода появляются новые элементы, на что указывает реализация сочетания конативной и поэтической функций, не представленных в оригинале.

Основные отличия, которые прослеживаются в этой связи между тремя текстами, заключаются в том, что русскоязычная версия ориентирована в большей степени на воздействие, более эмоциональна, передаёт личные переживания автора, в то время как англоязычные ориентированы на сообщение, в них представлено нейтральное описание событий и даны пояснения элементов историко-культурного контекста для англоязычных читателей. В следующем фрагменте, например, Владимир Набоков делает описание пейзажа в автопереводе более образным, чем в оригинале:

«Conclusive Evidence»	«Другие берега»	«Speak, Memory»
<i>Beyond the park, there were fields, with a continuous shimmer of butterfly wings over a shimmer of flowers – <i>daisies, bluebells, scabious, and others</i> –</i>	<i>В некошеных полях за парком воздух переливался бабочками среди чудного обилья ромашек, скабиоз, колокольчиков, – все это скользит у меня сейчас</i>	<i>Beyond the park, there were fields, with a continuous shimmer of butterfly wings over a shimmer of flowers – <i>daisies, bluebells, scabious, and others</i> –</i>

<p><i>which now rapidly pass by me in a kind of colored haze like those lovely, lush meadows, never to be explored, that one sees from the diner on a transcontinental journey. At the end of this grassy wonderland, the forest rose like a wall</i> [6. P. 188].</p>	<p><i>цветным маревом перед глазами, как те пролетающие мимо широких окон вагона-ресторана бесконечно обольстительные луга, которых никогда не обследовать пленному пассажиру. А за полями поднимался, как темная стена, лес</i> [6. С. 189].</p>	<p><i>which now rapidly pass by me in a kind of colored haze like those lovely, lush meadows, never to be explored, that one sees from the diner on a transcontinental journey. At the end of this grassy wonderland, the forest rose like a wall</i> [10. P. 62].</p>
--	---	--

В данном случае за счёт активного использования эпитетов («в некошенных полях», «воздух переливался бабочками», «среди чудного обилья ромашек», «бесконечно обольстительные луга», «пленный пассажир») в русскоязычной версии реализуется сочетание конативной и поэтической функций, в то время как в англоязычных версиях представлено нейтральное описание (*fields, shimmer of butterfly wings, lush meadows*) и реализуется только референтивная функция.

Объясняется такая разница тем, что у автора, самостоятельно выполняющего перевод, свободы гораздо больше, чем у «обычного» переводчика в классической ситуации перевода. Подтверждением этому служит сопоставление авторского перевода с переводом *Speak, Memory* на русский язык, выполненным С.Б. Ильиным и опубликованным под названием «Память, говори» (что сразу же делает очевидной разницу между переводом и автопереводом, так как сам Владимир Набоков давал другое название каждой последующей версии). Приведём в качестве примера следующий фрагмент.

<p><i>Presently the valet would come to drop the blue voluminous blinds and draw the flowered window draperies</i> [6. P. 116].</p>	<p><i>Приходил камердинер, звучно включал электричество, неслышно опускал пышно-синие шторы, с перестуком колец затягивал цветные гардины и уходил</i> [6. С. 117].</p>	<p><i>Presently the valet would come to drop the blue voluminous blinds and draw the flowered window draperies</i> [10. P. 39].</p>
---	---	---

В данном случае в связи со сменой кода Владимир Набоков вносит в текст первичные элементы («звучно», «неслышно», «с

перестуком колец»), реализующие сочетание конативной и поэтической функций. В отличие от нейтральных англоязычных версий, в которых реализуется только референтивная функция, текст автоперевода оказывается в художественном плане более выразительным, автор стремится создать не только визуальный, но и звуковой образ. В то же время в случае с переводом С.Б. Ильина в качестве оригинала выступал уже стилистически нейтральный текст *Speak, Memory*, и, следовательно, в тексте перевода эта нейтральность сохраняется: «Приходил камердинер, опускал пышно-синие шторы, затягивал цветные гардины» [11].

Ещё одним примером рассматриваемых в данной статье пограничных случаев являются используемые автором устойчивые выражения и слова, обладающие коннотациями исключительно русской лингвокультуры. Владимир Набоков наполняет «Другие берега» русским колоритом, заменяя в тексте автоперевода нейтральные фразы на стилистически окрашенные, иногда даже просторечные: *belt* – «**кушак** извозчика»; *cigarette* – «**папироска** собственной набивки»; «**Бог** **весть** в какие ранние годы»; «**кабы** зорче тогда гляделось мне в них»; «**Сыздетства** утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно...» и т. д. В этих случаях модификация на уровне языковых средств приводит к появлению в русском тексте первичных элементов, реализующих конативную функцию в сочетании с поэтической, которые отсутствуют в оригинале.

Нередко подобные модификации в тексте автоперевода проявляются в явной русификации, особенно если речь идёт о реалиях и прецедентных феноменах. Так, например, в английском варианте Владимир Набоков пишет: *having to depend on the torpid trot of dejected izvozchik [cab] horses to get him to his pupils* [б. С. 114], прибегая к транскрипции русского слова «извозчик» и поясняя его в скобках. В русской же версии автор использует разговорный вариант слова: «он всецело зависел от несчастных, шлепающих рысцой **ванек**» [б. С. 115]. Таким образом, в русскоязычном тексте реализуется конативная функция в сочетании с поэтической, что проявляется в референциальном выборе автора. Обусловлены такие изменения, с одной стороны, сменой кода и возможностями русского языка. При этом выбранные адресантом языковые единицы наполнены историко-культурными коннотациями, понятными

русскоязычному адресату, и, следовательно, в данном случае немаловажным фактором оказывается и ориентация на адресата. Тем не менее такого рода модификации оказываются возможными только в ситуации автоперевода и продиктованы особенностями языковой личности автора, и, следовательно, в данных случаях речь также идёт об отсутствии чёткой границы между первичным и вторичным.

Весьма красноречиво в этом отношении высказывается и сам Владимир Набоков в предисловии к «Другим берегам»: «Книга *Conclusive Evidence* писалась долго (1946–1950), с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад – музыкально недоговорённый русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный» [6. С. 7]. Соответственно, при работе над автопереводом Владимир Набоков получил возможность преодолеть диктат английского языка и восполнить «недостаток» оригинала.

Стоит отметить, что в тексте автоперевода Владимир Набоков также использует возможности синтаксиса русского языка, чтобы подчеркнуть атмосферу с помощью ритмической структуры текста. Например, в следующем фрагменте писатель создаёт ощущение затянутости происходящего с помощью неоднократного повторения местоименного наречия «вот».

<p><i>Slowly, with grim misgivings, Mademoiselle climbs in, clutching at her helper in mortal fear lest the sleigh move off before her vast form is securely encased. Finally, she settles down with a grunt and thrusts her fists into her skimpy plush muff. At the juicy smack of their driver's lips the horses strain their quarters, shift hooves, strain again; and then Mademoiselle gives a backward jerk of her torso as the heavy sleigh is wrenched out of its world</i></p>	<p>Медленно, грузно, томимая мрачными предчувствиями, путешественница, держась за помощника, усаживается в утлые сани. Вот она всунула кулаки в плюшевую муфту, вот чмокнул Захар, вот переступили, напрягая мышцы, вороные Зойка и Зинка, и вот Mademoiselle подалась всем корпусом назад – это дернулись сани, вырываясь из мира вещей и плоти, чтобы плавно потечь прочь,</p>	<p><i>Slowly, with grim misgivings, “Madmazeiya”, as her helper calls her, climbs in, clutching at him in mortal fear lest the sleigh move off before her vast form is securely encased. Finally, she settles down with a grunt and thrusts her fists into her skimpy plush muff. At the juicy smack of their driver's lips the two black horses, Zoyka and Zinka, strain their quarters, shift hooves, strain again; and then Mademoiselle gives a</i></p>
--	--	---

<p><i>of steel, fur, flesh, to enter a frictionless medium where it skims along a spectral road that it seems barely to touch</i> [6. P. 130].</p>	<p>едва отрешенной от трения снежной стежи [6. С. 131].</p>	<p><i>backward jerk of her torso as the heavy sleigh is wrenched out of its world of steel, fur, flesh, to enter a frictionless medium where it skims along a spectral road that it seems barely to touch</i> [11. P. 45].</p>
--	---	--

В то время как в оригинале повествование ведётся достаточно ровно и нейтрально, в тексте автоперевода за счёт экспрессивного синтаксиса реализуется конативная функция в сочетании с поэтической (у читателей создается ощущение ритма). В последней версии Владимир Набоков также заменяет *Mademoiselle* на *Madmazeiya*, поясняя, что так называл гувернантку-француженку кучер (в данном случае реализуются уже метаязыковая и фатическая функции). Данная замена связана с фактором адресанта: по-видимому, Владимир Набоков вспомнил эту деталь уже после опубликования первых двух версий. Представленные в данном примере модификации, связанные с реализацией сочетания конативной и поэтической функций, обусловлены как сменой адресата и кода, так и фактором адресанта: Владимир Набоков, выступая как носитель русского языка, пишет на русском языке для русскоязычных читателей, чем отчасти объясняется разница при описании контекста и смена авторской модальности.

Таким образом, представляется возможным квалифицировать модификации, связанные с использованием в тексте автоперевода средств художественной выразительности, как пограничные явления, свидетельствующие о нечёткости границы между первичностью и вторичностью в автопереводе. Об этом позволяет говорить тот факт, что реализация сочетания конативной и поэтической функций, появляющихся в тексте, обусловлена как сменой адресата и кода, так и особенностями языковой личности адресанта (первичной и вторичной).

Библиографический список

1. Сикалюк Ю.И. Способы воспроизведения индивидуального стиля И. Франко в автопереводах (на материале немецкого и украинского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2016. 229 с.
2. Federman R. The Writer as Self-Translator // Beckett Translating / Translating Beckett. Pennsylvania State University Press, 1987. P. 7–16.
3. Фризман Л.Г. Прозаические автопереводы Баратынского // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1970. С. 201–216.
4. Финкель А.М. Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 104–125.
5. Beaujour E.K. Translation and Self-Translation // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. N.Y.: Garland, 1995. P. 714–725.
6. Набоков В.В. Другие берега: Мемуары – Nabokov V. Conclusive Evidence (двухязычное издание). М.: Захаров, 2004. 448 с.
7. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Электронный ресурс Интернет: http://plr.iling-ran.ru/upload/book_files/roman_yakobson.pdf.
8. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения. 1978. С. 137–156.
9. Дымант Ю.А. Первичность и вторичность текста автоперевода в свете функциональной модели Р.О. Якобсона // Вестник Московского ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2016. № 3. С. 87–100.
10. Nabokov V. Speak, Memory: an Autobiography Revisited. N.Y.: Random House, Inc., 1989. 142 p.
11. Набоков В.В. Память, говори (перевод С. Ильина) // Электронный ресурс Интернет: http://royallib.com/book/nabokov_vladimir/pamyat_govori_per_s_ilin.html.

Сведения об авторах

Дымант Юлия Александровна
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры теории перевода
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного университета
E-mail: yu.dymant@gmail.com

УДК 81'25

О РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛИ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ПЕРЕВОДА

Е.А. Княжева

Воронежский государственный университет

В статье представлен подход к исследованию проблемы оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности, связанной с процессом принятия решения. Исторически отсутствие единства мнений по теории вопроса и по конкретным практическим результатам объясняется сменой парадигм, в рамках которых выдвигались зачастую взаимоисключающие «правила хорошего перевода». На современном этапе данная ситуация представляет очевидный исследовательский интерес и может быть проинтерпретирована на основе взаимодействия объективных и субъективных факторов, обуславливающих содержание и характер оценочных суждений. Смещение фокуса исследования в области оценки качества перевода с её результата на процесс требует включения таких параметров, как цель, мотив и условия осуществления оценочной деятельности. Центральным звеном в разрабатываемой нами модели оценки качества перевода является оценивающая сторона, обозначаемая как *субъект оценки*. В данной работе основное внимание уделено действию такого объективного фактора, как сфера предметной деятельности субъекта оценки, которая обуславливает конкретную постановку задачи и использование соответствующего инструментария, что в итоге определяет конечный результат.

Ключевые слова: оценка качества перевода, процесс принятия решения, сфера перевода, субъект оценки, цель оценки, результат оценки.

Towards Developing a Model of Translation Quality Assessment Process Yelena Knyazheva

The paper approaches the problem of assessing quality of translation as an intellectual activity based on a decision-making process. Theoretical controversy of the issue and practical assessment results are historically accounted for by paradigm shifts which, more often than not, lead to introduction of alternative “rules of translation”. The current paradigm involves a complex interaction of objective and subjective factors which determine the content and character of assessment decisions and, therefore, presents a promising research area. The current focus on the *process* of assessing the quality of translation rather than its *result* requires bringing into consideration such parameters as goals, motives, and the environment of the assessment process. The central element in the presented model of translation quality assessment is *the assessment actor*: the person responsible for decision making. Special attention is given to the assessment actor’s particular area of professional activity which certainly plays a role in defining assessment goals and choosing a particular set of tools (criteria, parameters, and procedures) and thus determines the assessment result.

Key words: translation quality assessment, decision-making process, sphere of translation, assessment actor, assessment goal, assessment result.

В настоящее время есть все основания считать, что оценка качества перевода уже давно вышла за пределы традиционной переводческой критики как раздела переводоведения. И дело здесь не только в том, что перевод оценивают и профессионалы и непрофессионалы, причём оценка последних, хотя и существует в действительности, зачастую не принимается специалистами всерьёз [1. С. 313]. В диахронии проблема противоречивости и полярности суждений о переводе, как правило, рассматривается в контексте смены парадигм и вечного поиска «правил хорошего перевода». В синхронии эта ситуация связана с взаимодействием объективных и субъективных факторов, обуславливающих содержание и характер оценочных суждений, и представляет, таким образом, очевидный исследовательский интерес.

В течение достаточно долгого времени в теории перевода доминировали взгляды о том, что при изучении теоретических и практических аспектов перевода единственным объектом, доступным для наблюдения, является текст [2. С. 152–153]. Однако сегодня фокус исследований явно смещается на перевод как коммуникативную деятельность, что в свою очередь не могло не повлиять на подход к проблеме оценки качества перевода [3. С. 61]. Отсутствие единства мнений по теории вопроса, а зачастую и по конкретным практическим результатам, оказалось для нас решающим стимулом подойти к рассмотрению проблемы оценки качества перевода как интеллектуальной деятельности, связанной с процессом принятия решения [4; 5].

Необходимо также сказать и о том, что дискуссионность самого понятия «качество перевода» находит прямое отражение не только в обширной теоретической литературе. Данная проблематика всегда вызывает интерес, а порой и яркий эмоциональный отклик у представителей переводческой профессии, переводческой бизнес-среды и сферы образования. С нашей точки зрения, для понимания и анализа текущего состояния дел в теории и практике оценки перевода необходимо, как ни странно это может показаться, попытаться отойти от традиций прескриптивного подхода или, по крайней мере, не сбиться всё на тот же «поиск правил». Причём в данном случае мы имеем в виду не только «правила хорошего перевода», т. е. «как надо переводить», но и «правила оценки перевода», т. е. «как надо оценивать». В данной работе мы попытаемся следовать именно этой

линии и представить некоторые результаты моделирования оценочной деятельности, исследуемой нами в русле коммуникативно-функционального подхода. Представляется, что данный этап исследования может способствовать изучению проблемы оценки качества перевода как процесса принятия решения, который и определяет её конечные результаты.

Моделирование как метод научного познания и его применение в теории перевода. В процессе научного познания исследование реальных процессов и объектов часто осуществляется с помощью моделирования, причём один и тот же объект может быть представлен целым рядом различных моделей, отражающих тот или иной аспект или же наиболее важные качества и характеристики данного объекта или процесса.

В теории языка и в теории перевода моделирование используется достаточно давно и весьма плодотворно. На сегодняшний день существует ряд моделей, отображающих как процесс перевода в целом в рамках психолингвистического подхода, так и какой-либо его отдельный аспект в лингвистической, коммуникативно-функциональной и дискурсивной парадигме. Отметим, что данная проблематика получила подробное освещение в научной и учебной литературе, например, в работах таких авторов, как В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, Ю.Н. Марчук, Л.Л. Нелюбин, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, В.В. Сдобников, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер. Более ранние попытки моделирования перевода сопровождались их неизбежным критическим анализом, причём интересно, что основные претензии к той или иной модели сводились если не к отрицанию, то к сомнению в её универсальности [6]. Однако со временем пришло осознание того, что было бы странно ожидать от одной отдельно взятой модели исчерпывающего описания такого сложного объекта, как перевод. «Множественность описаний перевода, выражающаяся в построении самых различных моделей, свидетельствует о сложности этой деятельности и принципиальной невозможности построить объёмную картину перевода на основании изучения какого-либо одного, пусть очень важного, его аспекта» [7. С. 242]. Из этого следует, что сложившаяся ситуация с моделированием в области перевода вполне закономерна. Каждая модель, представляя ту или иную переводческую концепцию, связана с одним из аспектов перевода

и / или переводческими действиями, направленными на преодоление переводческих трудностей различного характера. Более того, на каждом этапе развития переводческой деятельности и формирования соответствующей конвенциональной нормы данные аспекты получили объяснение, соответствующее текущему состоянию науки в данной области. Исследуя ситуацию с моделированием перевода в современной теории, Т.А. Волкова отмечает, что в настоящее время наблюдается сосуществование двух противоположных тенденций. С одной стороны, это своеобразная интеграция моделей перевода в виде «приращения» моделей и теорий, позволяющая увидеть взаимосвязь различных концепций, а с другой – «дробление» моделей «как модулей для конструирования множества ситуаций, концепций, сценариев в практике перевода и обучении переводу» [8. С. 38].

Разработка коммуникативно-функционального подхода к переводу и оценке его качества, осуществлённая В.В. Сдобниковым, связана с включением таких заимствованных из теории коммуникации параметров, как источник, сообщение, рецептор, обратная связь, процессы кодирования и декодирования [9. С. 8]. Причём в отличие от лингвистической модели, коммуникативно-функциональная модель перевода отражает, прежде всего, практический опыт и ориентирована на учёт предпочтений и ожиданий участников и инициатора перевода, цели перевода и его стратегии. Важным положением концепции В.В. Сдобникова является то, что объект оценки – т. е. перевод – рассматривается как двуязычная коммуникация. Основными факторами, определяющими специфику коммуникативной ситуации с участием перевода, являются цели коммуникации, характер отношений между коммуникантами и условия осуществления данной деятельности [9. С. 68].

В основе разрабатываемой нами концепции лежит мысль о том, что оценка качества перевода может рассматриваться не только как результат, но и как процесс принятия решения, на который влияет целый ряд факторов, как объективных, так и субъективных. Отдавая себе отчёт в том, что этот процесс, как правило, скрыт от непосредственного наблюдения, мы, тем не менее, считаем возможным осуществить пошаговое моделирование оценочной деятельности: моделирование коммуникативной ситуации,

включающей оценочную деятельность и отображение основных действий субъекта оценки в процессе принятия решения.

Оценка качества перевода как объект моделирования. Выше мы уже отмечали, что, по сложившейся традиции, оценка качества перевода представляет собой некий необходимый (в силу тех или иных причин) результат, который может быть спорным и не лишённым противоречий. Это подтверждается как практическим опытом взаимодействия переводчиков, редакторов, инициаторов и конечных получателей перевода, так и экспериментальными исследованиями, демонстрирующими различия в оценках студенческих переводов со стороны преподавателей перевода, преподавателей переводящего языка и представителей переводческой отрасли [5. С. 96–97]. Данная ситуация объясняется тем, что суждения субъектов оценки, т. е. оценивающей стороны, обусловлены определённой системой приоритетов, которая формируется под воздействием ряда факторов, как объективного, так и субъективного характера. Таким образом, речь идёт о сложном объекте, всестороннее исследование которого мы связываем с использованием методов и принципов моделирования.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в нашем случае в качестве объекта моделирования выступает не сам перевод, а **оценка качества перевода**. В первую очередь нам представляется целесообразным выделить наиболее существенные характеристики деятельностного аспекта оценки качества перевода и далее на этой основе перейти к моделированию данной коммуникативной ситуации. Исходя из теории деятельности А.Н. Леонтьева, необходимо включить в рассмотрение такие параметры, как мотив деятельности, её цель, конкретная задача и условия её осуществления [10].

Центральным звеном в нашей модели является оценивающая сторона (ОС), обозначаемая как **субъект оценки**, которая и выносит оценочное суждение, обусловленное влиянием ряда факторов. С одной стороны, это та сфера, представителем которой является субъект оценки (более подробно об этом будет сказано ниже), и это фактор объективный. С другой стороны, это собственная интерпретационная позиция оценивающей стороны, которая формируется на основе теоретических знаний и собственного практического опыта. И, несмотря на то, что это скорее субъективный

фактор, его действие часто оказывает определяющее влияние на конечный результат.

По нашим наблюдениям, система приоритетов субъекта оценки во многом определяется его профессиональной или предметной деятельностью. В нашей модели данная позиция получила рабочее обозначение как **сфера оценки перевода**, и в настоящее время мы считаем возможным проводить разграничение между учебной, индустриальной, научной и любительской сферами. Границы между ними вполне очевидны, но вместе с тем они подвижны и проницаемы. Как показывает практический опыт, один и тот же перевод может оцениваться с разных сторон и в разной **перспективе** [11. С. 43; 12. С. 116]. Из этого следует, что сфера оценки перевода и сфера собственно перевода – это понятия связанные, но отнюдь не тождественные. Если говорить о **переводе**, то на сегодняшний день можно выделить перевод индустриальный, который осуществляется представителями переводческой отрасли, перевод учебный, который практикуется в процессе обучения будущих переводчиков, и перевод любительский, который в первую очередь оценивается его получателями. Что касается **оценки перевода**, то здесь основная граница проходит между **профессиональной** и **непрофессиональной средой**, к которой принадлежат оценивающие перевод лица. К профессиональной среде относятся индустриальная, учебная и научная сферы, а непрофессиональная среда представлена аудиторией конечных получателей перевода.

О проницаемости границ между сферами перевода и сферами оценки перевода свидетельствует следующая ситуация, наблюдаемая на практике и напрямую связанная с таким формантом данной коммуникативной ситуации, как **объект оценки**, т. е. сам перевод. Так, если в учебной сфере **субъектом оценки** перевода может быть как преподаватель, так и студент, что определяется конкретной учебной ситуацией, то её объект не ограничивается лишь учебным переводом, так как в процессе обучения могут быть использованы любые переводы в зависимости от конкретных учебных задач. Представители научной сферы – лингвисты и переводоведы – могут использовать и используют учебный перевод, равно как перевод индустриальный и любительский, в качестве материала исследования. Представители индустриальной сферы обычно не занимаются оценкой учебного перевода за теми редкими исключениями, когда их

привлекают для участия в экспериментальных исследованиях. Тем не менее, здесь можно говорить и о некоторой пограничной зоне – оценке переводов выпускников переводческих отделений, которых тестирует переводческая фирма при приёме на работу. В индустриальной сфере субъектами оценки перевода могут быть как сами переводчики и редакторы, так и заказчик или его представители. Помимо этого, к данной группе добавляется оценка со стороны конечного получателя, что напрямую связано с характером исходного текста и его целевой аудиторией в принимающей культуре. Это особенно очевидно, когда речь идёт о переводе художественной литературы, кинофильмов и сериалов, компьютерных игр и других видов развлекательного контента. Сегодня эту информацию можно получить в большом объёме благодаря современным возможностям компьютерно-опосредованного общения. Конечные получатели перевода, т. е. представители непрофессиональной среды, оценивают как профессиональный, так и любительский перевод, интересующий их по тем или иным причинам.

Как известно, одним из основных параметров коммуникативной ситуации является цель общения, и в нашей модели этому параметру соответствует **цель оценки перевода**. Так, например, в учебной сфере преподаватель оценивает переводы студентов с дидактической целью, связанной с формированием необходимых умений, навыков и компетенций на разных этапах обучения. В индустриальной сфере редактор оценивает переводы с целью определения готовности конечного продукта и его соответствия поставленным задачам, производственным стандартам и пожеланиям заказчика, но помимо этого оценка также может осуществляться и с целью определения уровня исполнителя. В научной сфере оценка любого перевода осуществляется в целях проводимого исследования, что напрямую связано с областью научных интересов автора. Что касается цели оценки перевода со стороны представителей непрофессиональной среды, то наблюдаемая здесь картина достаточно неоднородна. Тем не менее, в самом общем плане можно проследить две основные тенденции. Во-первых, мотивация конечного получателя оценить перевод связана с потребностью общения на интересующую его тему, а во-вторых, со стремлением реально улучшить результат перевода (последнее наиболее ярко проявляется в отзывах пользователей о переводе компьютерных игр). В данном контексте уместно вспомнить

о концепции В.И. Карасика и проводимом им разграничении личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса [13. С. 199]. Таким образом, модель коммуникативной ситуации «Оценка качества перевода», представленная на рисунке 1, предусматривает вариативность конкретного наполнения её компонентов. Данное уточнение является существенным, так как от этого во многом зависит характер и результаты оценочной деятельности.

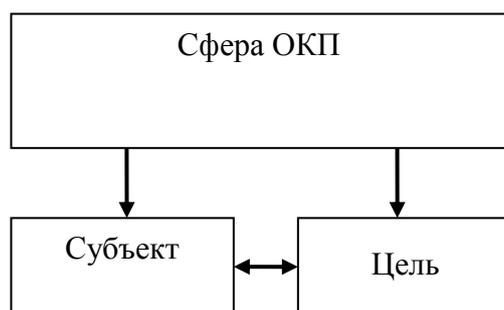

Рис. 1. Общая модель КС «Оценка качества перевода»

Теперь перейдём к следующему этапу моделирования оценочной деятельности и рассмотрим те действия, которые осуществляет субъект оценки. Если говорить о представителях профессиональной среды, то их действия заключаются в выборе метода оценки, определении оценочных критериев и параметров, на основе которых осуществляется процедура оценки и далее оформляется конечный результат. Что касается **метода** оценки перевода, то, как уже было отмечено выше, эта позиция в большей степени связана с оценкой представителей профессиональной среды. Здесь можно говорить об использовании сопоставительного, формально-количественного, измерительного и аналитического методов, которые выбираются и используются субъектом оценки в соответствии с научной парадигмой и интерпретационной позицией, носителем которой он является.

Критериальные ориентиры оценки, как уже было отмечено ранее, напрямую связаны с концептуальной основой для их отбора. Так, в учебной сфере это в первую очередь классические нормативные требования (как формализованные, так и понимаемые интуитивно) плюс интерпретационная позиция субъекта оценки (в данном случае преподавателя перевода). В сфере индустриального перевода основой для отбора критериев является переводческое

задание, целевое назначение перевода и всё те же нормативные требования, однако здесь приоритеты устанавливаются в соответствии с требованиями заказчика. В научной сфере основой для отбора оценочных критериев является научная парадигма, носителем которой является исследователь, а также собственная концепция автора. В любительской сфере критерии в основном понимаются интуитивно и основаны на индивидуальных представлениях об идеальном переводе как своеобразном эталоне.

Достаточно универсальными параметрами оценки для всех перечисленных выше сфер и представляющих их субъектов оценки являются переводческие ошибки. Однако здесь нам хотелось бы ввести следующее уточнение: в данном случае неизбежно возникает вопрос о том, что понимается под переводческой ошибкой и какого рода ошибки, с точки зрения субъекта оценки, являются наиболее критичными в каждом конкретном случае. Причины, характер и степень критичности переводческих ошибок получили освещение в работах Е.В. Аликиной, Д.М. Бузаджи и В.К. Ланчикова, Н.К. Гарбовского, М. Дебрэнн, Ю.В. Красикова, М.А. Куниловской, О.В. Петровой, В.В. Сдобникова, А.Б. Шевнина.

Процедуры оценки перевода в упоминаемых нами сферах обнаруживают как определённые сходства, так и различия, и это выглядит следующим образом. В учебной сфере процедура оценки представляет собой проверку переводов, основанную на сопоставлении перевода с исходным текстом с использованием классических нормативных критериев, к которым относятся полнота передачи содержания и соблюдение норм ПЯ. В сфере индустриального перевода практикуемые процедуры оценки, такие как редакторская правка или экспертная оценка чужих переводов, также основаны на сопоставительном анализе исходного и переводного материала. Для представителей научной среды процедура оценки предполагает анализ текстового материала, рассуждения по поводу сделанных наблюдений и обоснование выводов. Что касается любительской оценки, то здесь также сложно говорить о какой-либо процедуре, поскольку она представляет собой преимущественно обмен впечатлениями от переводного текста.

Результаты оценочной деятельности обычно имеют определённый **формат**, который также зависит от сферы и цели оценки перевода. В учебной сфере оценка может иметь как

вербальную форму, представляющую собой суждение преподавателя о результате перевода, так и форму оценки в баллах. В индустриальной сфере оценка также может осуществляться вербально, однако распространённой формой является таблица *Excel*, в которой представлены фрагменты исходного текста, результаты редакторской правки и квалификация допущенных переводчиком ошибок. В некоторых крупных фирмах, где регулярно практикуется внутренний аудит, результаты оценки оформляются письменно в принятом формате. Помимо этого, некоторыми фирмами практикуется оценка чужого перевода в виде экспертного заключения (которое может быть заверено нотариально). Что касается оценки конкретного исполнителя, то она может быть также выражена в форме более высокой или низкой оплаты его труда или дальнейшего служебного продвижения. В научной среде конечный результат оценки качества перевода может быть представлен в виде научной работы – доклада, статьи, монографии.

Таким образом, общая модель оценочной деятельности субъекта ОКП – представителя профессиональной среды – выглядит следующим образом (см. рис. 2):

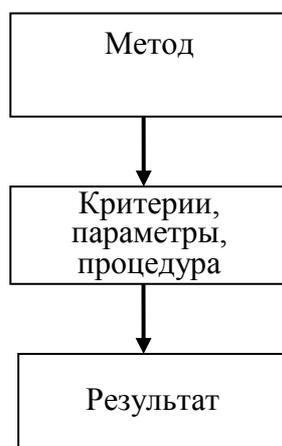

Рис. 2. Общая модель оценочной деятельности субъекта ОКП

Наиболее распространенным форматом общественной оценки перевода является выражение собственного мнения по поводу хорошего или плохого перевода в виде публикации в сети Интернет. Поэтому в данном случае говорить об осознанном выборе инструментария оценки, под которым мы понимаем критерии, параметры и процедуру, не представляется возможным.

Подводя итоги, хотелось бы сказать следующее. Несмотря на то, что предлагаемая нами модель носит гипотетический характер, моделирование оценочной деятельности позволяет сделать вывод о том, что различия в оценочных подходах обусловлены целым комплексом причин. Как результат, так и процесс принятия решения субъектом ОКП во многом определяется сферой его профессиональной деятельности, которая рассматривается нами как объективный фактор, обуславливающий систему оценочных приоритетов. Нам представляется, что подобный подход поможет интерпретировать конечные результаты оценки, как впрочем, и саму ситуацию разброса мнений как закономерное явление, связанное с многоаспектным характером объекта исследования. Мы также выражаем надежду на то, что в дальнейшем это может способствовать если не примирению альтернативных подходов, то хотя бы взаимопониманию и взаимоуважению представляющих их оппонентов.

Библиографический список

1. Шлепнёв Д.Н. Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 354 с.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 154 с.
3. Сдобников В.В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 112 с.
4. Княжева Е.А. О некоторых возможностях использования методов системного анализа в целях оценки качества перевода // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 145–152.
5. Княжева Е.А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: Монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 248 с.
6. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М.: Высшая школа, 1985. 232 с.
7. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
8. Волкова Т.А. От модели перевода к стратегии перевода: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 304 с.

9. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 464 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Бокова О.В. Основные понятия немецкоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / Отв. ред и сост. М.Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2013. 258 с.
12. Аликина Е.В. Оценка качества устного последовательного перевода в реальной и учебной ситуации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып 13. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ. 2011. С. 114–123.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. 477 с.

Сведения об авторе

Княжева Елена Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории перевода
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного университета
E-mail: knel@cs.vsu.com

УДК 811.112.2'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТОВ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

И.В. Кокурина, Н.Ю. Хорецкая

Ивановский государственный университет, Иваново

В статье рассматриваются некоторые трудности, связанные с переводом текстов по истории государства и права России рубежа XIX–XX веков. Особенность этих текстов заключается в том, что они объединяют в себе признаки как юридических, так и исторических текстов, поэтому при работе над переводом таких источников требуется учёт этой специфики. На примере анализа двух статей по указанной тематике иллюстрируются основные переводческие проблемы.

Ключевые слова: перевод, юридикация текста, историзм, архаизм, безэквивалентная лексика.

Translation of Texts on the History of State and Law in Russia from Russian into German

Inna Kokurina, Natalia Khoretskaya

The article discusses some difficulties connected with translating texts on history of the state and law in Russia at the turn of the 19th and the 20th centuries. Such texts combine features of both legal and historical texts, which must definitely be taken into account in the process of translation, and the authors provide examples of dealing with this challenge by analyzing two articles on the aforementioned topic.

Key words: translation, juridification of texts, historicism, archaism, culture-specific items.

В современном мире процессы глобализации и упрощение обмена информацией дают специалистам из различных областей дополнительные возможности для сотрудничества. Поэтому перевод профессиональной коммуникации учёных представляется в наше время особенно актуальным.

Традиционно активными были научные связи между юристами России и Германии. Однако в основном именно российские учёные проявляли интерес к истории и структуре законодательства Германии. При создании многих законодательных актов современной России, например, Гражданского кодекса, отечественные юристы ориентировались на аналогичные законы Германии.

Но благодаря столетнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции также и у немецких коллег вновь возник интерес к истории государства и права России на рубеже XIX–

XX веков. Во многом это объясняется тем, что законодательство Российской империи и России в период Временного правительства даёт, кроме всего прочего, возможность понять причины трагических исторических событий той эпохи. Этот факт послужил причиной востребованности переводов на немецкий язык статей и научных материалов российских специалистов в области теории и истории государства и права. При этом хотелось бы подчеркнуть, что перевод подобных текстов имеет свои особенности. С одной стороны, трудность работы с такими текстами объясняется повышенной степенью так называемой «юридизации» переводимых текстов (т. е. способностью текстов отражать отношения правового характера) [1; 2. С. 8]. С другой стороны, процесс перевода осложняется наличием исторических терминов, безэквивалентной лексики и информации, отражающей жизнь страны и общества в названную эпоху. Следует также отметить, что история государства и права России на рубеже XIX–XX веков представляет особый интерес, поскольку именно в это время проходило реформирование традиционного устаревшего и в большей части достаточно жесткого законодательства Российской империи. В ходе этих реформ ученые-юристы в России провели анализ европейского законодательного опыта и возможности адаптации прогрессивных аспектов законодательства к национальной специфике российского общества.

Хотелось бы более подробно остановиться на отмеченных особенностях на примере перевода на немецкий язык двух статей кандидата филологических наук, заведующего кафедрой истории и теории государства Ивановского государственного университета Е.Л. Поцелуева («Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания», «Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году»). Указанные статьи были опубликованы в немецком переводе в ежегоднике *Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte* в 2016 и 2017 годах соответственно [3; 4].

Поскольку анализируемые оригиналы статей на русском языке объединяют в себе признаки как текстов исторического плана, так и текстов юридической направленности, то, безусловно, перевод потребовал учёта особенностей этих двух видов текстов.

Опираясь на результаты исследований трудностей перевода текстов с исторической тематикой, следует отметить, что важным моментом при переводе подобных текстов является учет

лингвистических, культурологических, исторических, философских аспектов [5. С. 67]. При этом от переводчика требуется понимание культурно-исторического фона источника, а также умение отразить этот фон в зеркале переводимого языка. Для этого видится необходимым описание фактов исторической действительности средствами, которые обеспечат адекватное восприятие переводимых понятий получателем иноязычной культуры.

К числу основных трудностей, возникающих при переводе текстов исторической направленности, можно отнести следующие.

1. Перевод исторических реалий (безэквивалентных историзмов) и исторических терминов. Сюда традиционно относятся основные факты истории, имена национальных героев и героев народного эпоса. Поскольку очень значительная часть таких слов не имеет в переводящем языке однозначных соответствий, то переводчики часто вынуждены выбирать свою переводческую стратегию, которая может быть обусловлена различными факторами лингвистического и прагматического характера [6. С. 10].

2. Перевод исторических терминов. В работе с такими лексемами необходимо точное представление об описываемом историческом событии и о ходе истории в целом.

3. Передача имён собственных (личные имена, географические наименования), для перевода которых существуют свои отдельные приёмы.

4. Перевод архаизмов. Данный пласт лексики требует при переводе чёткого представления о процессах старения и обновления слов.

5. Перевод иноязычных вкраплений, которые или могут быть введены в текст перевода без пояснения, или их значение может доводиться до читателя иным путём [7].

6. Перевод идиоматических выражений. Основная трудность здесь заключается в сохранении стилевой окраски и учёте общей информации крупного отрезка текста, которая поможет понять смысл и характер идиомы [8. С. 32].

Свои особенности для перевода имеют и юридические тексты. Очевидно, что на первый план в этом смысле выходит юридическая терминология. Именно передача терминов в конкретной правовой системе является камнем преткновения для переводчиков [9]. Решение проблемы часто кроется в предварительном тщательном

анализе межкультурных соответствий юридических терминов [10]. Достаточно часто в юридической терминологии можно наблюдать национально-культурный компонент. Это объясняется тесной связью юриспруденции с социально-экономической стороной жизни общества и его культурно-историческими традициями [11. С. 230].

При переводе текстов юридической тематики переводчикам также следует обращать внимание на особенности грамматической стороны русских юридических текстов. Так, по замечаниям Н.Б. Исолахти, в такого рода текстах преобладают, как правило, глаголы в настоящем и будущем времени [12]. Юридические тексты также отличаются наличием большого количества пассивных конструкций [13. С. 217].

Особую роль играет и синтаксическая сторона юридических текстов, отличающаяся «полнотой и разнообразием синтаксических структур, типов логических связей, преобладанием структур со значением условия и причины, обилием однородных членов предложения и однородных придаточных» [13. С. 219].

Исследователи юридического текста отмечают, что такие тексты могут передавать и эмоциональную информацию, вытекающую из архаичной окраски юридических терминов [9]. Такой «эмоциональный оттенок юридического текста связан с его высоким статусом в обществе и отражает отношение к нему людей» [13. С. 218].

На конечный продукт перевода будет влиять степень юридизации текста и его тип [2].

Таким образом, при работе над переводом юридического текста следует учитывать ряд факторов, среди которых особой строкой значится юридическая терминология, а также ряд грамматических и синтаксических особенностей.

Учёт отмеченных особенностей исторических и юридических текстов позволил прийти к следующим результатам в процессе анализа переводов статей с русского языка на немецкий.

Итак, к основным историческим реалиям с элементами юридизации, вызывающим трудности при переводе статей из области теории и истории государства и права России на рубеже XIX–XX столетий, можно отнести прежде всего:

а) наименования единиц административного деления Российской империи того времени;

- б) названия нормативно-правовых актов;
- в) номинации различного рода законодательных, судебных и карательных учреждений;
- г) виды преступлений и наказаний.

Остановимся на этом более подробно.

Бесспорно, не все исторические реалии являются безэквивалентными историзмами. Так, для перевода территориально-административных единиц Российской империи можно обнаружить соответствующие эквиваленты в словарях. Например:

«Российская империя делилась в основном на губернии, губернии на *уезды*, а последние на *волости*» – *Das Russische Kaiserreich wurde vor allem in Gouvernements geteilt, Gouvernements in Ämter, und die letzten in Roden.*

Однако следует отметить, что приведённые в переводе понятия (уезды – *Ämter*, волости – *Roden*) невозможно считать полными эквивалентами, поскольку по своим территориальным характеристикам, численности населения и внутреннему устройству российские административные единицы были крупнее и обладали своей национальной спецификой в управлении и организации. Кроме того, немецкая лексема *Amt* является многозначной и лишь в исключительно редких случаях используется для номинации территориальной единицы, что может привести к неправильному пониманию содержания предложения.

Другого рода сложности представляет перевод исторических нормативно-правовых актов. Рассматривая законодательство Российской империи, Е.Л. Поцелуев называет различные своды законов: Соборное уложение 1649 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное уложение 1903 года. В современном русском языке слово «уложение» можно считать архаизмом, поскольку оно вытеснено синонимом «кодекс». Однако изначально уложением считался свод всех законов, действующих на территории государства, и лишь с течением времени стали разграничивать уложения, относящиеся к отдельной отрасли права. Немецкий эквивалент *Gesetzbuch* передаёт основное значение указанной лексемы, поскольку означает также собрание законов определённой области права, однако в переводе теряется архаичность и яркая соотнесённость с описываемой эпохой. Интересным представляется тот факт, что Уголовное уложение 1903 года в начале

XX века было переведено на немецкий язык и в 1908 году вышло в свет под названием *Das neue russische Strafgesetzbuch (Ugolovnoje Uloženje): allerhöchst bestätigt am 22. März 1903*. Транслитерация, представленная в скобках в данном издании, была заимствована и использована в качестве уточнения при переводе статьи Е.Л. Поцелуева на немецкий язык: *Das russische Strafgesetzbuch (Ugolovnoje Uloženje) vom 22. März 1903*. При переводе названия более древнего свода законов Российского царства (Соборное уложение 1649 года) была также использована уточняющая транслитерация, которая повторяла вариант, присутствующий в немецкой печати (*das Gesetzbuch 'Sobornoje Uloženje' von 1649*). Аналогичным образом переводится также номинация Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: *das Gesetzbuch (Uloženje) über Kriminal- und Besserungsstrafen von 1845*.

Среди других законодательных актов, представляющих определённые трудности для перевода, можно назвать также различные уставы, например: Устав о проступках, Судебно-полицейский устав, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. При переводе наименований законов, отражающих специфику жизни и политических событий того времени, сложность могут представлять также громоздкие синтаксические конструкции: закон «О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоёванной революцией свободе» – *das Gesetz „Über die Maßnahmen gegen die Personen, die die Verteidigung des Staats, seine Sicherheit und durch die Revolution errungene Freiheit bedrohen“*; закон «О наказании лиц, виновных в призыве во время войны к неисполнению касающихся железных дорог службы законов или законных распоряжений власти» – *das Gesetz „Über die Bestrafung der Personen, die am Aufruf zur Nichterfüllung der die Eisenbahn betroffenen Gesetze oder der gesetzlichen Verordnungen der Behörden in der Kriegszeit schuldig sind“*.

Интересным для перевода представляется также принятый в 1879 году закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» – *das Gesetz „Über die Grundlagen, die als Leitfaden bei der Reorganisation der Gefängnisabteilung und bei der Revision des Gesetzbuches über Strafen dienen können“*. Как видно, в

немецком варианте перевода название закона частично модернизируется и утрачивается архаичный стиль изложения.

Яркую национальную специфику представляют также названия различного рода законодательных, судебных и карательных учреждений. Так, для работы над новым Уголовным уложением в конце XIX века в России было учреждено «Особое присутствие соединённых департаментов Государственного совета» – *Besonderes Tribunal (Prisutstvije, wörtlich: Anwesenheit) der vereinigten Departements des Staatsrats*. Для сохранения национально-исторического колорита в варианте перевода используются также частично транслитерация и толкование.

Среди судебных и карательных учреждений той эпохи можно назвать волостные суды – *Rodegerichte*, военно-исправительные тюрьмы – *militärische Besserungsanstalten*, исправительно-арестантские отделения – *Besserungsarrestabteilungen*.

При описании судебных реформ и уголовно-правовой политики конца XIX – начала XX веков встречаются номинации различных видов преступлений и наказаний. Примером такой лексики может служить следующее словосочетание: «наказание шпицрутенами, плетью и кошками» – *Strafe durch Spießrutenlauf, Auspeitschung Katzen-Auspeitschung*. Следует заметить, что в русском языке при номинации наказания акцент делается на существительных, обозначающих карательный инструмент, тогда как в немецком варианте внимание сосредоточено на самом процессе. При этом как в русском оригинале, так и в варианте перевода даётся сноска, поясняющая устаревшее понятие «наказание кошками». Другим примером, иллюстрирующим жестокие наказания того времени, является «наложение клейма и штемпельных знаков на лицо» – *Brandmarkung und Brandstempelung von Personen*.

Также и обозначения видов преступлений характеризуют особенности исторических событий того времени и поэтому представляют определённые трудности при переводе, например: «поставка и отпуск недоброкачественного оружия, боеприпасов, продовольствия, медикаментов» – *Auslieferung und Zustellung von minderwertigen Waffen, Munition, Lebensmitteln, Medikamenten*, «членовредительство самостоятельно или с помощью другого индивида» – *Selbstverstümmelung oder Verstümmelung durch Kameraden*, «самозванство» – *Usurpation des falschen Namens*. Человек

мог признаваться «виновным в учинении совместного с другими участниками скопища, действовавшим из вражды религиозной, племенной, экономической, политической или вследствие нарушающих общественное спокойствие слухов» – *der Schuldige an der Zusammenrottung wegen der religiösen, wirtschaftlichen, politischen oder rassistischen Feindschaft oder wegen der die öffentliche Ruhe verletzenden Gerüchte*.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что к переводу текстов из области истории и теории государства и права определённой эпохи нужен свой особый подход, поскольку тексты такого плана содержат признаки как текстов исторической, так и юридической направленности. Целесообразным видится также составление специального глоссария с отражением основных исторических и юридических понятий. Следует подчеркнуть, что такие тексты заслуживают отдельного рассмотрения и изучения, поскольку при переводе «сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, традиции, установки» [14. С. 189].

Библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т.2: П-Я. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
2. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8–40.
3. Potseluev E. Das russische Strafgesetzbuch (Ugolovnoje Uloženje) vom 22. März 1903: Ursachen des Verabschiedung und Geschichte der Ausfertigung // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte. Institut für Juristische Zeitgeschichte Hagen. Herausgegeben von Thomas Vormbaum. Berlin / Boston: Walter de Gruyter GmbH. 2016. Band 17. S. 211–236.
4. Potseluev E. Strafrechtliche Politik der Provisorischen Regierung Russlands im Jahr 1917 // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte. Institut für Juristische Zeitgeschichte Hagen. Herausgegeben von Thomas Vormbaum. Berlin / Boston: Walter de Gruyter GmbH. 2018. Band 18. S. 70–102.

5. Габунина З., Гусман Тирадо Р. Культурологический аспект перевода художественного исторического текста // Сопоставительная филология и полилингвизм. Казань: КГУ, 2003. С. 67–71.

6. Чепель Н.П. Прагматические аспекты перевода исторических реалий с русского языка на английский язык: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

7. Виноградов В.А. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.

8. Кубашичева С.К. К вопросу о специфике и практике перевода идиоматических выражений английского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 2. С. 30–32.

9. Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: филологические науки. 2015. № 5 (68). Орел: Изд-во Орловск. гос. ун-та. С. 123–127.

10. Киндеркнехт А.С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2 (52). Орел: Изд-во Орловск. гос. ун-та. С. 242–246.

11. Барина И.А. О национально-культурной специфике перевода юридического текста // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. № 4. Том 13. СПб.: Изд-во Русская христианская гуманитарная академия. С. 227–232.

12. Исолахти Н.Б. Некоторые аспекты асимметрии языка закона и публицистики // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сб. науч. тр. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 89–100.

13. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учеб. пособие. СПб.: СОЮЗ, 2001. 288 с.

14. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 192 с.

Сведения об авторах

Кокурина Инна Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской и романской филологии
Ивановского государственного университета
E-mail: inna-kokurina@mail.ru

Хорецкая Наталья Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры германской и романской филологии
Ивановского государственного университета
E-mail: nataliasch@mail.ru

УДК 81'255.2

**«КОРОТКОЕ ДЫХАНИЕ» НИКОЛАЯ БАХТИНА:
«РАЗГОВОР О ПЕРЕВОДАХ»**

А.Н. Кочетков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается отношение Николая Бахтина к поэтическому переводу, сравниваются высказанные Н. Бахтиным мнения с переводческой позицией современных переводчиков Катулла.

Ключевые слова: Николай Бахтин, перевод, «Разговор о переводах», Катулл.

**Nikolai Bakhtin's 'Short Breath: A Talk about Translations'
Alexander Kochetkov**

The article discusses the attitude of Nikolai Bakhtin to poetic translation and compares the opinions expressed by N. Bakhtin with the position of modern translators of Catullus.

Key words: Nikolai Bakhtin, translation, *A Talk about Translations*, Catullus.

Цель статьи – проанализировать особенности трактовки перевода в «Разговоре о переводах» Николая Бахтина (1926) [1. С. 83–88], «типическом и, пожалуй, вершинном» [2], ввести в современный переводческий дискурс работу философа и литературоведа, пока недостаточно знакомую в переводоведении, а также сравнить подходы к переводу поэтического текста Н. Бахтина с мнениями современных поэтов, переводивших Катулла в XXI в.

Николай Бахтин, философ, филолог, поэт, критик, принадлежит к Серебряному веку; он более известен в европейской академической среде, в России последовательное научное изучение его наследия началось в начале нынешнего столетия; импульс к прочтению работ ученого дала публикация избранных статей Н. Бахтина «Философия как живой опыт», которые собрал и написал к ним тщательный комментарий и послесловие С. Федякин [3]. В книге «читателю открывается одно из самых трагичных мировоззрений в истории: Н.М. Бахтин описал духовный путь человечества как бесконечный поиск абсолютной свободы, с неизбежностью приводящий к обратному: к созданию и постоянному совершенствованию той системы духовного принуждения, каковой является, по Бахтину, человеческая культура» [1. С. 2]. С. Федякин точно определяет жанр

работ Н. Бахтина: «Похоже, обычные слова были тесны для него, к тому же как литератор Николай Бахтин обладал коротким дыханием: несколько статей, эссе, диалогов и – отклики на книги других авторов. Все это, собранное вместе, дает портрет доселе неизвестного русского мыслителя, мыслителя дерзкого и “несвоевременного”. Ни в своем отношении к искусству слова, ни в анализе состояния современного ему мира идей он не желает “шагать в ногу” со временем» [3. С. 227].

Поскольку изучение творчества Николая Бахтина еще не стало у нас индустрией (в отличие от исследования трудов его младшего брата М.М. Бахтина), приведу несколько высказываний современников ученого. Г. Адамович пишет о Н. Бахтине: «Слово “талант” к нему в сущности мало подходит, и если на этом слове остановиться, трудно решить, какой у него, собственно говоря, был талант – писательский, ораторский, научный? ... Бог создал его как будто в единственном, неповторимом экземпляре... Но какое-то золотое сияние от его речей в памяти все-таки осталось... некоторые беседы Бахтина производили порой и там (в Англии – прим. А.К.) ошеломляющее впечатление» [4. С. 220–222]. Оценка Н. Бахтина М.И. Лопатто: «Бахтин относится к тем умам, которые ищут всю жизнь, не останавливаются ни на одном открытии, не пытаются развивать идеи и не удовлетворены собой. Они стеснительны, не приемлют публичный успех. В то время как другие пожинают плоды своих открытий, такие умы, как Бахтин, не оставляют имени, они оставляют рассеянные повсюду откровения» [3. С. 225].

Философы и филологи проводят сопоставительные исследования работ Николая и Михаила Бахтиных, пытаются определить «силы притяжения и отталкивания» между ними [5], «случайные и неслучайные созвучия в жизни братьев» [6]. Очевиден интерес Николая Бахтина к философии культуры, философской антропологии, аспектам дружности, телесности, вопросам, которые интенсивно и плодотворно изучаются в современном литературоведении [7].

Существует несколько свидетельств интереса Н. Бахтина к переводу: в юности читал Гомера в немецком переводе, «рукопись его последней работы – о непереводе Пушкина – каким-то чудом “добралась” до его брата» [2].

«Разговор о переводах» Николая Бахтина – «фрагмент длительного спора с самим собой. Здесь нагляднее всего проявился стиль его мышления: отрывочность, стремление продумать до конца одну из “альтернатив”, отодвинув подобную же проработку противоположного мнения на неопределенный срок» [3. С. 237].

Обсуждение вопросов поэтического перевода в «Разговоре о переводах» происходит в форме диалога. Приведем отрывок из определения диалога в «Философском словаре»: «имманентная форма существования мышления, движения культуры, противоположность монолога. Он всегда выступает как осмысление предмета мышления в процессе соотнесения с полюсами дуальной оппозиции. Этот процесс совпадает с поиском меры между ними, фокуса преодоления полюсов оппозиции, нахождения меры нового смысла между ними... Смысл человеческого общения – в установлении некоторого консенсуса, сосуществования, необходимого для некоторой социальной общности» [8]. «Разговор о переводах» Н. Бахтина в определенной мере иллюстрирует приведенные характеристики диалога. «Собственное художественно-философское творчество Бахтина ... представлено по преимуществу жанром философского разговора, достаточно традиционного для отечественной философской публицистики середины XIX – начала XX в. ... у Бахтина форма философского разговора используется не только в размышлениях о сугубо возвышенных материях, но и в беседах на филологические темы» [6].

В «Разговоре о переводах» принимают участие Поэт, Филолог, Философ и Дама. Каждый участник диалога получает четкую авторскую характеристику: Поэт – «весьма современный», Филолог – «конечно, педант», Философ – «тоже педант, и несговорчив до крайности», Дама – «приятная во всех отношениях». Авторские определения указывают на функцию каждого участника разговора, подобно театральным маскам древних греков и римлян, которые отражали характер персонажей.

Предмет «Разговора о переводах» – недавний перевод Катулла, выполненный Поэтом.

Поэт, предвидевший возражения Филолога по поводу «слишком свободного отношения к тексту», «кощунственной модернизации», «отсутствия почтительной точности», объясняет свою позицию поэтическим слышанием сквозь текст, что не позволяет ему быть

точным в смысле, который в него вкладывает Филолог, для которого, по словам Поэта, быть точным значит «подменить согласие во внутреннем, глубинном ритме – поверхностным совпадением в словах и образах. Это значит: искусственно разбить божественное единство на кусочки, каждому из этих кусочков подыскать точно (лексически точно!) соответствующий ему кусочек в нашем языке, а потом вновь составить – уже мертвое, уже неорганическое целое». Поэт исходит «из неразложимого и волнующего ощущения целого» и пытается «закрепить именно это ощущение» [1. С. 83–84]. Следующий этап перевода Поэта – предварительный набросок («поиск совпадения в частности, в оттенках»), приближение перевода к оригиналу. «Когда я видел, у Катулла, капризную легкость, небрежность и улыбку, и когда те же самые слова, те же самые образы на нашем языке приобретали вдруг застылую торжественность иератического жеста – я считал себя не в праве быть верным словам и образам... Я дерзко отбрасывал их, брал другие слова и другие образы, такие же легкие, близкие и волнующие для нас, какими были когда-то те, отброшенные мною, для самого поэта и его современников» [1. С. 84]. Одновременно Поэт признает, что первоначально руководствовался «благословенными советами» «милого филолога», но Поэт нашел подлинного Катулла, когда он отбросил все советы и ощутил «текучую, божественную сладость катулловых элегий» [1. С. 84].

Филолог, не считающий текст Поэта переводом, ставит под сомнение слова Поэта: «Уверены ли вы, что давая нам отвесть этой сладости, вы не воплощаете себя, только себя? И не был ли для вас Катулл лишь случайным поводом, чтобы открыть в себе самом источник этой сладости?» [1. С. 84].

Поэт ясно осознает для внутреннего опыта границу между *своим* и *чужим* и высказывает сомнение, что и сам Филолог с его «громоздким аппаратом филологического опыта», переводящий Каллимаха, не может быть совершенно уверен в том, «что принадлежит Каллимаху и что – лишь ваша иллюзия “по поводу” Каллимаха» [1. С. 85]. Здесь отметим, что если Поэт выбирает для перевода Катулла, которого считают истинным основателем художественной лирики в Риме, то Филолог переводит Каллимаха, александрийского поэта. Выбор Каллимаха для перевода Филологом показателен, так как чтение этого поэта требует большой

филологической эрудиции, что хорошо иллюстрирует позицию Филолога-переводчика, а переводческие принципы Поэта-переводчика в этом случае вряд ли применимы.

Поэт убежден, что различие в подходах к переводу у него и Филолога лишь в «способе создавать свои иллюзии» [1. С. 85]. Однако Филолог твердо убежден, что «дословность – единственный твердый критерий при переводе»: «Отбросьте эту спасительную дословность – и вам уже не на что будет опереться: настезь распахнутые двери любому произволу, любой фантазии, под предлогом верности “духу, а не букве”» [1. С. 85 – выделено Н. Бахтиным – прим. А.К.]. В ответ Поэт критикует «спасительную дословность» Филолога и сравнивает его кропотливое воспроизведение оригинала с гетевским Вагнером (*sich in den Geist der Zeiten zu versetzen* – «Уносится в дух былых столетий»). Поэт считает, что переводчик должен «модернизировать» старых поэтов для приближения их к современникам, в то время как точная добросовестность перевода удаляет их от читателей сегодняшних. «Вы не замечаете, что временная одежда поэта, которая *приближала* его к современникам, теперь, будучи воспроизведена с добросовестной точностью, лишь *удаляет* его от нас» [1. С. 85–86 – выделено Н. Бахтиным – прим. А.К.]. Для Поэта Катулл – сверстник, он воспринимает его так же, как его воспринимали современники, переводческий пафос Филолога – «пафос расстояния» [1. С. 86]. «Я вижу трепетное биение жизни там, где для вас – торжественно-классический жест. Поэтому я свободней вас, я не боюсь неточностей и с легкостью перерядил Катулла в близкую нам современную одежду» [1. С. 86]. «Эшаподаж комментариев и схолий», по Поэту, только закрывает подлинник от современного читателя, но он необходим, чтобы «с головой броситься с него в живую воду» [1. С. 86].

На замечание Поэта о необходимости замены капризно-небрежных образов Катулла иными Филолог возражает: «Но ведь эти образы, эти душевные движения и жесты (из которых каждый стал, по-вашему, чуждым) – ведь это и есть поэзия Катулла, это и есть Катулл!» [1. С. 86].

Филолог предлагает: «Но станьте сами этим Новым Катуллом, если вы способны заменить каждый его образ ... А старого Катулла оставьте в покое» [1. С. 86]. И в заключение: «Дайте нам, хоть в

самом бледном сколке, его *самого* и предоставьте *относиться* к нему как угодно... Я искал Катулла в вашем переводе, а нашел ваше *отношение* к такому поэту, *отношение* к которому наших современников соответствует, как вам кажется, *отношению* к Катуллу его современников!» [1. С. 87 – выделено Н. Бахтиным – прим. А.К.].

Философ, вступивший в разговор, выражает иной взгляд на перевод: «Я не знаю, *каков* должен быть перевод, и вопрос о “спасительной”, или даже “единоспасающей” дословности меня, признаюсь, очень мало волнует. Но *нужен* ли вообще перевод (все равно – плохой или хороший), об этом вы даже не говорили. По-видимому, для вас это – вопрос, раз и навсегда решенный. Для меня – нет» [1. С. 87 – выделено Н. Бахтиным – прим. А.К.]. Философ задается вопросом «Что такое перевод?» и говорит, что он всегда внутренне воссоздает поэта в себе, когда читает его произведение, которое «и есть собственно не что иное, как бесконечная, неисчерпаемая потенция такого рода воссозданий. И вот, когда одно из таких “внутренних воссозданий” упорядочивается и закрепляется в слове (притом на другом языке) – это и есть перевод» [1. С. 87]. Не соглашаясь с Филологом, Философ отмечает, что перевод «по своей сущности закрепляет именно одно из отношений... Замечательно то, что *одно* из отношений, будучи раз закреплено, начинает жить самостоятельной жизнью, само становится *бесконечной* потенцией возможных внутренних воссозданий» [1. С. 87 – выделено Н. Бахтиным – прим. А.К.].

Философ, считающий, что человечество испытывает «чудовищный интеллектуальный зуд», делает неожиданный для участников разговора вывод: «Перевод не нужен уже просто потому, что это *подделка* (хотя бы и крайне искусная). И если переводы умножаются с каждым днем, то в этом сказывается стремление нового времени вместо ограниченной и интенсивной культуры – к бессмысленному и пустому расширению. Вместо того, чтобы подлинно знать немного, мы предпочитаем заполнять зияющую пустоту нашей скуки дешевыми подделками всех культур, всех веков, всех литератур» [1. С. 87–88].

Вступившая в разговор Дама (ремарка Н. Бахтина: *явно встревоженная*) не поняла, какие должны быть переводы, если они нужны вообще. Дама, не читавшая Катулла, но читавшая Поэта и

расслышавшая в переводе Поэта новое и неожиданное, просит разрешения называть это Катуллом. Дама, не разделяющая позицию Филолога, «ревнителя “подлинности” и “реальности”», напоминает о «непонятном волнении», которое он сам ощущал при чтении *переводной* «Илиады» Гнедича. «Конечно, потом, когда вам открылся подлинный Гомер, вы узнали радости, перед которыми побледнел тот, детский восторг. Но память о “непонятном волнении” все-таки осталась» [1. С. 88]. Дама просит оставить ей и таким, как она, «непонятное волнение» «поддельного Катулла» Поэта. И последнее замечание Дамы Филологу: «Но ведь филологи могут читать и подлинник, правда?..» [1. С. 88].

У переводов Катулла в России давняя история: его переводили А. Фет, С.В. Ширвинский, А.И. Пиотровский; традиция переводов Катулла не прерывается и сегодня. М.Л. Гаспаров пишет: «Катулла и переводили больше, и читали шире. Так было в XIX в., так осталось и в наши дни. Но за популярность есть расплата: упрощённость. Чем общедоступнее образ поэта, тем он беднее и схематичнее, тем меньше он похож на сложную и противоречивую полноту исторического подлинника. Катулл вошёл в сознание нового времени как открыватель романтической, духовной любви, впервые нашедший слова для этой, казалось бы, врождённой человеческой потребности. Только этим он и был интересен» [9].

Приведем мнение современного поэта М.А. Амелина: «Вообще-то с переводом стихов, а тем более древних, не все так просто. Во-первых, есть нестареющие поэтические произведения, в которых каждое поколение читателей находит созвучное и близкое, поэтому по-хорошему через каждые сорок-пятьдесят лет должен появляться новый переводчик и толкователь, скажем, того же Катулла. Во-вторых, я глубоко убежден, что поэзию должны переводить поэты, а не филологи, которые высушивают ее и выморачивают. Хотя бывают и приятные исключения. В-третьих, переводчику необходима единая концепция переводимого поэта: что хочет передать, на какую почву пересадить? зачем вообще это делать? Кроме того, стоит говорить только о большом корпусе стихотворений, на котором можно увидеть концепцию переводчика. Пиотровский, например, сделал из Катулла запоздалого романтика, созвучного своему времени, 20-м годам, закату Серебряного века... Мне не хотелось, чтобы из Катулла получился очередной литпамятник, поэтому я пытался вернуть его в

живую языковую стихию, как если бы русский был для него родным, и выработать, насколько это возможно, некий гипотетический катулловский стиль» [10]. Отметим, что мнение М.А. Амелина совпадает с позицией Поэта в «Разговоре о переводах» Николая Бахтина. Другое мнение современного переводчика Валентина Валевского также резонирует с мнением Поэта «Разговора о переводах»: «Как известно, перевод с одного языка на другой литературного текста также является искусством, но любая интерпретация древних или современных произведений, кроме всего прочего, относится к области лингвистики, которая является наукой. Без науки, изучающей языки, сделать качественный перевод невозможно... стремление переводить слишком дословно произведения античной поэзии губит внутренний символизм стиха, поскольку символический язык той эпохи может быть непонятен для современного читателя и при прямом переводе может даже потеряться весь внутренний смысл переводимого произведения» [11].

Представленные особенности трактовки перевода (и отношения к нему) в «Разговоре о переводах» Николая Бахтина отражают персистентные, сохраняющиеся веками (с некоторыми модификациями), взгляды на поэтический перевод. Поэт («весьма современный»), отрицающий точность, предлагает ощущать целое произведение и закреплять ощущение. Филолог («конечно, педант»), возражающий Поэту, считает, что последний воплощает самого себя. Философ («тоже педант, и несговорчив до крайности»), сомневающийся в необходимости вообще каких бы то ни было переводов, считает любой перевод подделкой, которая заполняет пустоту скуки. Дама («приятная во всех отношениях») выступает за сохранение «непонятного волнения» «поддельного» Катулла.

Приведенные в статье мнения современных переводчиков Катулла согласуются со взглядами некоторых героев «Разговора о переводах» Николая Бахтина. Одновременно здесь уместно процитировать Михаила Бахтина, писавшего, что «каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своей социально напряженной жизнью» [12].

В заключение отметим, что внимательное прочтение других работ ученого дает основания полагать, что мнения, высказанные участниками «Разговора о переводах», отражают «альтернативы» самого Николая Бахтина.

Библиографический список

1. Бахтин Н. Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. 240 с.
2. Барскова П. Николай Бахтин или Пафос Расстояния // Электронный ресурс Интернет: <http://www.zhza.ru/nrk/2002/2/bars.html>.
3. Федякин С. Послесловие и комментарии // Бахтин Н. Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. С. 225–238.
4. Адамович Г. Памяти необыкновенного человека // Бахтин Н. Философия как живой опыт. М.: Лабиринт, 2008. С. 220–222.
5. Шестаков В.П. Жизнь на агоне: культурологические идеи Николая Бахтина // Электронный ресурс Интернет: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhizn-na-agone-kulturologicheskie-idei-nikolaya-bahtina>.
6. Осовский О.Е. Один из уехавших: жизнь и судьба Николая Бахтина // Электронный ресурс Интернет: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/books/britannia/293-316.pdf>.
7. Живолупова Н.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины XIX–XX века. Н. Новгород: Дятловы горы, 2016. 736 с.
8. Философский словарь: Диалог // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philosophydic.ru/dialog>.
9. Гаспаров М.Л. Поэзия Катулла // Электронный ресурс Интернет: <http://www.philology.ru/literature3/gasparov-86.htm>.
10. Интервью с переводчиком Катулла (о тонкостях перевода) // Электронный ресурс Интернет: <https://lingvoforum.net/index.php?topic=32380.0>.
11. Валевский В. О латыни и моих переводах произведений Катулла // Электронный ресурс Интернет: <https://www.stihi.ru/2011/04/20/3401>.
12. Бахтин М.М. Слово в романе // Электронный ресурс Интернет: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php.

Сведения об авторе

Кочетков Александр Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kochet@lunn.ru

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ ПРЕВЕНТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.С. Курилкина

*Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище,
Рязань*

В статье рассматривается явление семантического синкретизма превентивных конструкций в русском языке, анализируются высказывания, в которых семантика предостережения осложняется значениями напутствия, наставления, совета, сопровождает доминирующие значения просьбы, требования, запрета, приказа.

Ключевые слова: превентив, семантика предостережения, семантический синкретизм, императив, волеизъявление.

Semantic Syncretism of Preventive Utterances in the Russian Language

Yulia Kurilkina

The article looks at the phenomenon of semantic syncretism of preventive structures in the Russian language, analyzes utterances in which the semantics of caution is either complicated by the meaning of parting words, instructions, and advice, or provides the subordinating meanings of request, requirement, interdiction, or command.

Key words: prevention, semantics of prevention, semantic syncretism, imperative, expression of will.

Превентив в русском языке характеризуется богатством семантических оттенков. Благодаря гибкости своей семантической структуры превентив обладает способностью сочетаться с другими императивными значениями в пределах одного высказывания. Это является основным источником семантического синкретизма, характерного для многих превентивных конструкций.

В настоящей статье рассматриваются высказывания, в которых семантика предостережения осложняется значениями **напутствия, наставления, совета** или сопровождает доминирующие значения **просьбы, требования, запрета, приказа**. В качестве дифференциальных признаков выступают фактор контроля (ФК), фактор интереса (ФИ), фактор направленности предостережения (ФН), фактор отношений между коммуникантами (ФО). В ходе исследования использовались материалы академического «Словаря современного русского литературного языка» под редакцией В.И. Чернышева (год издания – 1958), который остается по

настоящий момент наиболее полным нормативным толковым словарем русского литературного языка.

Предостережение, сопровождающее напутствие

Превентивное высказывание приобретает оттенок напутствия, когда употребляется в ситуации расставания коммуникантов на какое-то время и играет роль пожелания говорящего адресату, отправляющемуся в путь. Семантика напутствия накладывается на значение предостережения и в случае, когда адресату предстоит в ближайшем будущем выполнить какое-либо важное дело.

Классификационные признаки:

1. ФК: действие подконтрольно воле адресата.
2. ФИ: в выполнении / невыполнении действия заинтересованы:
а) адресат; б) говорящий и адресат одновременно; в) говорящий.
3. ФН: превентив с оттенком напутствия направлен на предотвращение: а) действия адресата; б) невыполнения адресатом действия.
4. ФО: отношения между говорящим и адресатом доброжелательные; в плане субординации коммуниканты равны.

Особенность семантической структуры превентивных высказываний данного типа – отсутствие смыслового компонента последствий, т. к. для говорящего субъекта важно само действие, процесс его протекания, а не только его результат. Это нашло отражение и в морфолого-синтаксической организации превентивных высказываний с оттенком напутствия, которые реализуют следующие **структурные модели:**

1. *Смотри/те (гляди/те) + императив НСВ:*
– Ну что же, до свидания.
– Так ты **смотри – звони, пиши...** (А.Т. Твардовский. «За далью даль»);

Наталья Петровна: «**Смотрите же, возвращайтесь скорей**» (И.С. Тургенев. «Месяц в деревне»).

2. *Смотри/те (гляди/те) + не + императив НСВ:*
Донья Долорес: «Прощайте, дон Бальтазар; **смотрите не оставайтесь слишком долго у алькада**» (И.С. Тургенев. «Неосторожность»).

– **Смотрите, не забывайте нас,** – промолвила Лиза и спустилась с крыльца (И.С. Тургенев. «Дворянское гнездо»).

3. *Смотри/те (гляди/те) + не + императив СВ:*

Шпигельский: «... Вот мы с вами сюда приехали ..., сделано по-вашему. **Смотрите же! Не ударьте лицом в грязь**» (И.С. Тургенев. «Месяц в деревне»).

Данный структурный тип употребителен в ситуациях, когда адресату предстоит выполнить важное дело. Часто для выражения напутствия с предостережением используются фразеологические обороты.

4. Превентивные высказывания, сопровождаемые существительным «напутствие» или глаголом «напутствовать»:

– Ты **смотри!** по сторонам **не заглядывайся!** за это, брат, тоже не похвалят! – *напутствовал* его Лукьяныч (М.Е. Салтыков-Щедрин. «Кандидат в столпы»).

– Только, пожалуйста, **осторожнее, не разбейте** себе голов, – проводили нас с кордона обычным *напутствием* (О.В. Перовская. «Ребята и зверята»).

Предостережение, сопровождаемое наставлением

Наставление – это «назидательное указание» [1. С. 522–523]. Говорящий объясняет адресату, как нужно действовать в той или иной ситуации, чтобы избежать неправильного выполнения какого-либо действия и нежелательных последствий.

Классификационные признаки:

1. ФК: действие подконтрольно воле адресата.

2. ФИ: в правильном выполнении действия заинтересованы: а) адресат; б) говорящий; в) говорящий и адресат; г) говорящий и другие лица.

3. ФН: превентив с оттенком наставления направлен на предотвращение невыполнения или неправильного выполнения действия.

4. ФО: отношения между коммуникантами дружеские или нейтральные; при этом говорящий ставит себя выше адресата.

Структурные модели:

1. *Смотри/те (гляди/те) + не + императив НСВ:*

– На, возьми, читай!.. Только **смотри, не лотоши!** Чтобы все господа присутствующие вникнуть могли (И.С. Тургенев. «Степной король Лир»).

– Да больше тридцати копеек за осьмуху, **смотри, не давай**, а то она, ведьма, рада... (Л.Н. Толстой. «Казачья»).

2. *Смотри/те (гляди/те) + императив СВ + наречие:*

– Только **смотрите покрупнее буквы ставьте**, – промолвила княгиня, подавая мне измаранный лист (И.С. Тургенев. «Первая любовь»).

– Пойдем в мелочную: видишь, отворена уж. Ты **торгуйся**, да, **смотри, по мелочам** (Н.Г. Помяловский. «Очерки бурсы»).

3. В контексте предостережению предшествует существительное «наставление»:

«При расставании ... дана была полтина меди на расход и лакомства и ... умное *наставление*: “**Смотри** же, Павлуша, **учись, не дури, не повесничай**, а больше всего угождай учителям и начальникам”» (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»).

Предостережение, выступающее в качестве совета

Возможность такого семантического сочетания создается благодаря тому, что в определенной ситуации глагол «советовать» имеет значение «предостерегать от чего-либо, рекомендовать не делать чего-либо» [2. С. 80]. Посредством превентивного высказывания, содержащего совет, говорящий выражает свое желание, чтобы адресат проявил осторожность, так как это является целесообразным в сложившейся ситуации. В данном случае совет инициален, дискурсно не обусловлен. В этом заключается отличие от обычного совета.

Классификационные признаки:

1. ФК: складывающаяся ситуация не зависит от воли адресата, но он может взять контроль в свои руки.

2. ФИ: заинтересованным лицом является адресат.

3. ФН: предостережение-совет направлено на предотвращение надвигающейся опасности или возможной неприятности, источником которой является кто-то из окружающих людей или факт (событие) объективной действительности.

4. ФО: говорящего и адресата связывают дружеские отношения, но при этом говорящий ставит себя выше адресата.

Структурные модели:

1. *Смотри/те + будь/те острожен/жна/жны:*

– **Смотри**, однако, Вера, **будь осторожна**. Он, конечно, прекрасный молодой человек... но ты знаешь, в твои лета... Оно не годится. Могут подумать (И.С. Тургенев. «Месяц в деревне»).

– Только все-таки **будь осторожен**, а то ведь у них язычок тоже хорошо действует (Н.Г. Гарин-Михайловский. «Студенты»).

2. Превентивному высказыванию предшествует глагол «советовать» или существительное «совет»:

«Пошел к зеркалу. Вот так лицо. ... Но это ничего, а вот глаза. Нехорошие. Опять с блеском. **Совет: берегитесь** этого блеска» (М.А. Булгаков. «Записки на манжетах»).

– Начальство догадывается [о дуэли], и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам **советую быть осторожнее** (М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

Предостережение, сопровождающее просьбу

Семантическая специфика данного типа превентивных конструкций обусловлена тем, что соблюдение осторожности адресатом в какой-либо ситуации важно, в первую очередь, для говорящего, поэтому он обращается к собеседнику с просьбой проявить эту осторожность.

Классификационные признаки:

1. ФК: действие (ситуация), о котором идет речь в превентивном высказывании, подконтрольны воле адресата.

2. ФИ: в предотвращении нежелательных последствий поведения адресата заинтересованы: а) говорящий; б) говорящий и адресат.

3. ФН: предостережение-просьба направлено на предотвращение: а) действия адресата; б) возникновения неприятной ситуации вследствие объективных обстоятельств; в) неосторожного выполнения действия адресатом.

4. ФО: отношения между коммуникантами дружеские или нейтральные; говорящий не ставит себя выше адресата.

Структурные модели:

1. *Пожалуйста + не + императив СВ:*

– Ну, так я ж тебе скажу прямее, – сказал он, поправившись, – только, **пожалуйста, не проговорись** никому (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»).

2. *Сделай/те милость / ради бога + будь/те осторожен/жна/жны/ осторожнее:*

«Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо, не играй своим будущим» (Из письма П.А. Вяземского А.С. Пушкину).

– Наталья Тимофеевна! – сказал он ей. – Вы, **сделайте милость, осторожнее...** (Г.И. Успенский. «Нравы Растеряевой улицы»).

– **Ради бога, будьте осторожны.** Волынцев догадывается (И.С. Тургенев. «Рудин»).

3. *Ради бога + берегись/тесь:*

«**Ради бога, берегись ты**» (Из письма А.С. Пушкина Н.Н. Пушкиной).

4. *Ради бога + не + императив СВ:*

– И только, **ради бога, не потеряйтесь**, – прибавил он уже совсем еле слышно (В.П. Катаев. «Белеет парус одинокий»).

5. *Смотри/те + только + не + императив СВ* (элемент «смотри/те» может быть опущен):

– Пожалуй, я тебе дам девчонку, она у меня знает дорогу, **только ты смотри! не завези** ее, у меня уже одну завезли купцы (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»).

– Когда-нибудь я принесу тебе одну занимательную книжку... **Только не порви** (Н.Г. Гарин-Михайловский. «Детство Тёмы»).

6. Превентивная конструкция сопровождается глаголом «просить» в форме наст. вр., 1 л., ед. ч. (перформатив):

– **Я прошу** тебя... Послушай, **будь осторожен!** Ты сделаешь это ради меня? Да? (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

Таким образом, семантика просьбы в превентивных высказываниях имеет собственные лексические показатели, каковыми являются частица «пожалуйста», вводные слова «ради бога», «сделай/те милость», выделительно-ограничительная частица «только».

Предостережение, сопровождающее требование или приказ

Требование – это «настоятельная просьба, желание, выраженное в категорической форме» [3. С. 850–851]. Приказ «представляет собой распоряжение, повеление» [4. С. 507–508]. Отличие между ними заключается в степени категоричности: требование менее категорично, приказ обсуждению не подлежит, предусматривает обязательное исполнение. Кроме того, превентивные высказывания,

оформляющие приказ содержат прагматическую презумпцию «за невыполнение требования адресат будет наказан» [5. С. 125].

Превентивные конструкции данного семантического типа отражают ситуацию, когда говорящий отдает распоряжение адресату и предостерегает его от неповиновения, так как невыполнение приказа повлечет за собой неприятные для адресата последствия.

Классификационные признаки:

1. ФК: выполнение действия подконтрольно воле адресата.
2. ФИ: в удовлетворении адресатом требования и выполнении приказа заинтересован говорящий; адресат заинтересован в том, чтобы избежать неприятного последствия в виде наказания.
3. ФН: превентивные высказывания, выражающие требование или приказ, направлены на предотвращение а) невыполнения действия адресатом, т. е. на предотвращение неповиновения; б) неприятной для адресата ситуации в результате возможных действий говорящего.

4. ФО: важную роль играет субординация, говорящий ставит себя выше адресата, так как имеет более высокий социальный статус.

Высказывания, совмещающие семантику требования и предостережения, строятся по следующим **структурным моделям**:

1. *Смотри/те (гляди/те) + императив СВ:*

Дон Бальтазар: «Ну, прощай, Сангре. Я пойду к себе в кабинет и буду ждать тебя. **Смотри же расскажи** мне все в подробности» (И.С. Тургенев. «Неосторожность»).

Мошкин: «**Ну, смотри, же** Маланья, **отличись**. У нас сегодня гости обедают» (И.С. Тургенев. «Холостяк»).

2. *Смотри/те (гляди/те) + императив НСВ:*

Суслов: «Ты мне, братец, **отвечай**, да **толковито, смотри**» (И.С. Тургенев. «Завтрак у предводителя»).

– **Смотри же**, – сказала Александра Павловна, уходя, старику, – **лекарство ей давайте непременно**, как написано (И.С. Тургенев. «Рудин»).

Высказывания, содержащие приказ с предостережением, реализуют следующие **структурные модели**:

1. *Смотри/те (гляди/те) + инфинитив НСВ:*

– Да пруд у меня, **смотри, содержать в порядке** (И.С. Тургенев. «Записки охотника»).

2. *Смотри/те (гляди/те) + не + инфинитив НСВ:*

– **Смотрите, не выдавать**, ребята! (Н.Г. Помяловский. «Очерки бурсы»).

3. *Смотри/те + чтоб(ы) + глагол в форме прошедшего времени:*

Бельский: «Сейчас изволит царь пожаловать. **Смотрите же, чтоб он остался всем доволен; чтоб** ему от нас досады в чем **не приключилось**» (А.К. Толстой. «Смерть Иоанна Грозного»).

– Да **смотри**, рыжая бестия, **чтоб у меня** к Ильину дню все **сено было в копнах** (А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»).

4. *Без + существительное в форме родительного падежа + у меня + смотри/те:* Да **без недоимок у меня смотри!** (И.С. Тургенев. «Записки охотника»)

Для этой группы превентивных высказываний характерно употребление усилительно-подчеркивающей частицы «же», модально-волевой частицы «ну», факультативного аргумента «у меня», которые акцентируют значение приказа и требования.

Предостережение, сопровождающее запрет

Конструкции данного типа употребляются, когда говорящий субъект не позволяет адресату совершить какое-либо действие, нежелательное для адресата. Если адресат нарушит запрет, его ожидают неприятности в виде наказания. На предотвращение возможных неприятностей направлен превентивный компонент семантики подобных высказываний. Но этот компонент выражен очень слабо.

Классификационные признаки:

1. ФК: действие, на которое накладывает запрет говорящий, подконтрольно воле адресата.

2. ФИ: адресат заинтересован в предотвращении неприятности в виде наказания.

3. ФН: предостережение, сочетающееся с запретом, направлено на предотвращение: а) нежелательного для говорящего действия адресата; б) осуществления возможных намерений адресата; в) неприятной для адресата ситуации в результате возможных действий говорящего.

4. ФО: в эмоциональном плане отношения между коммуникантами нейтральные; говорящий ставит себя выше адресата.

Структурные модели:

1. *Смотри/те (гляди/те) + не + императив НСВ:*

– **Смотри**, брат, – промолвил он, – **у меня не озорничай** (И.С. Тургенев. «Муму»).

– Да **смотри** ты, ты **не входи**, брат, в кладовую, **не то я тебя**, знаешь! березовым-то веником (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»).

2. *Смотри/те (гляди/те) + не вздумай/те + инфинитив СВ / НСВ:*

И, не получив ответа, он важно и обиженно предостерег:

– Ты **смотри не вздумай** ей отсюда **крикнуть** (А.П. Гайдар. «Тимур и его команда»).

– **Гляди, не вздумай** ее **удерживать**, ежели разговор зайдет (М.А. Шолохов. «Тихий Дон»).

В высказываниях рассматриваемого типа превентивная семантика значительно ослаблена. Она лишь сопровождает доминирующее значение требования, запрета или приказа. Функциональная направленность подобных высказываний заключается в том, чтобы склонить адресата к исполнению желания говорящего, добиться от адресата выполнения распоряжения говорящего. Превентивная семантика проявляется в том, что говорящий предостерегает адресата от неповиновения. Рассмотренные высказывания находятся на периферии функционально-семантического микрополя превентива.

Таким образом, основными причинами возникновения семантического синкретизма превентивных высказываний в русском языке являются:

а) способность предостережения сочетаться с другими видами волеизъявления в пределах одного высказывания;

б) наличие в высказывании факультативных смысловых компонентов;

в) характер направленности предостережения;

г) наличие в высказывании частиц, междометий, вводных слов, обращений, вносящих дополнительные смысловые оттенки.

Немаловажную роль играют также степень контролируемости действия, условия контекста (коммуникативной ситуации), отношения между коммуникантами.

Библиографический список

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 7 / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 1468 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 14 / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1390 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12 / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1676 с.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 11 / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1842 с.
5. Филатова Е.А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 253 с.

Сведения об авторе

Курилкина Юлия Сергеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных и русского языков
Рязанского гвардейского высшего
воздушно-десантного командного училища
E-mail: yuliaklenina2015@yandex.ru

УДК 39(477.75):008

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В ТРАДИЦИОННЫХ
КУЛЬТУРАХ МАЛЫХ НАРОДОВ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

О.Н. Обухова, О.В. Байкова

Вятский государственный университет, Киров

Настоящая работа представляет обобщенные теоретические данные в рамках исследования национально-культурной специфики народов РФ, в частности малых народов Крыма (этнических немцев, этнических болгар). В ходе исследования авторы приходят к выводу, что этническая идентичность представляет собой изменчивую, динамическую категорию.

Ключевые слова: этнокультурный маркер, идентичность, этническое общество.

**Ethnocultural Markers in Traditional Cultures of Ethnic Communities in Russia:
Theoretical Aspects**

Olga Obukhova, Olga Baykova

This article presents a summary of theoretical data collected as part of a study that investigates national and cultural specifics of Russia's ethnic groups and, in particular, ethnic communities in Crimea (ethnic Germans, ethnic Bulgarians). The findings of the study suggest that ethnic identity is a changeable dynamic category.

Key words: ethnocultural marker, identity, ethnic community.

В связи с процессом глобализации, затронувшим все сферы социально-экономической, политической и культурной жизни нашей страны, происходит нивелирование значимости культурно-национальных оснований идентичности, утрачивается этноконсолидирующая роль важнейших факторов идентичности, таких как: чувство принадлежности этносов к полиэтничному государству с исторически закрепленной территорией, с их языком, организацией образа жизни, культурой, традициями, обычаями и обрядами.

Более всего опасны эти явления в многонациональных государствах с привычным для них этнокультурным взаимодействием, особенности которого формировались в ходе историко-культурного развития народов, проживающих на соответствующих территориях. В этой связи в научных кругах все

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 19-012-00015\19 «Система этнокультурных маркеров в традиционных культурах малых народов Крыма».

более активно обсуждается проблема «размывания» или «утраты» этнической идентичности, что, в свою очередь, является угрозой полиэтничному и культурному единству наций. В силу этих причин проблема этнокультурной идентичности требует глубокой научной проработки и, прежде всего, научного осмысления, в рамках которого значение имеет выявление оснований рассматриваемого феномена и факторов его формирующих.

В рамках исследования проблемы этнокультурной идентичности, факторов ее формирования и сохранения нам видится необходимым на начальном этапе установить, какие традиционалистские и инновационные ценностные установки существуют сегодня, кто является их носителями и какие из них стали доминирующими. Мы обращаемся к определению лишь общих ориентиров – традиционалистских и инновационных ценностей и ценностных ориентаций, закрепившихся в этнических общностях на территории Российской Федерации, в частности этнических немцев и болгар в Крыму, в последние десятилетия. В свете направления исследования одной из важнейших задач нам видится необходимым установить, сложилась ли у представителей данных этнических обществ новая доминирующая парадигма в результате длительных трансформационных процессов. Важным с этой точки зрения представляется выявление факторов формирования и основных маркеров этнической идентификации представителей исследуемых нами этнических общностей.

Планируемый хронологический интервал исследования этнических общностей включает рубеж начала XVIII века до настоящего времени, нижний временной рубеж – начало оснований крымских колоний этнических общностей (этнических немцев и болгар). Территориальные рамки ограничены Белогорским (Розенталь, Фриденталь, Нейзатц) и Симферопольским районами (Кроненталь, ныне село Кольчугино) с поселениями этнических немцев, расположением болгарской диаспоры в Белогорском (с. Луговое, с. Курское) и Бахчисарайском районах (с. Алёшино). Выбор районов обусловлен целенаправленной квотной выборкой, сформированной на основании численного представительства этнических групп немцев и болгар, проживающих в вышеуказанных районах. Кроме того, на этой территории сосредоточены основные анклавные исследуемых этнических общностей.

В качестве метода сбора материала на первом этапе исследования были выбраны массовый опрос в форме анкетирования, интервьюирование и включенное наблюдение, данные которых будут использованы в качестве эмпирической базы исследования. Помимо перечисленных источников планируется привлечь архивно-исторические материалы, данные переписей населения, опубликованные ранее работы отечественных ученых по теме исследования.

Итак, в качестве принципиально важных категориальных составляющих настоящего исследования в работе рассматриваются понятия «этническая идентичность», «этническая общность», «ценность» и ее производное понятие «ценностные ориентации». Использование этих категорий требует внести большую определенность в их понимание. Не ставя перед собой цель дать классифицирующий обзор существующих точек зрения, остановимся на распространенных в науке определениях, с тем чтобы осмыслить и выявить основные составляющие в трактовке данных феноменов.

«Этническая идентичность» – категория едва ли не всеобъемлющая, те или иные ее признаки непременно освещаются в работах по этнологии и этнолингвистике. В своем понимании этнической идентичности мы опирались на исследования ведущих отечественных и зарубежных исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8]. С нашей точки зрения, этнокультурная идентичность является особой формой социально-культурной идентичности, сформировавшейся в процессе исторического развития этнокультурной общности, обусловленной как историко-культурным опытом этноса, так и социокультурными факторами его бытия.

В основе толкования «этнической общности» лежит определение понятия, данное в словарной статье Большой советской энциклопедии. Авторы трактуют данный феномен как исторически сложившуюся устойчивую группировку людей, в качестве основных признаков которой выступают общность территории и язык, также религия [9].

Понятие «ценность» входит в структуру концепций достаточно широко круга гуманитарных дисциплин (антропологии, философии, культурологи, психологии, социологии и др.). На основе изучения дисциплинарных подходов к определению данной категории [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16] мы принимаем за основу дефиницию

А.Г. Здравомыслова, который рассматривает ценность как некий «внутренний стержень культуры», «концентрированное выражение потребностей и интересов социальных общностей» [11. С. 160–165]. Следует также отметить, что актуализация проблемы формирования идентичности в условиях глобализации культурного пространства и мультикультурализма обуславливает новые подходы к исследованию сущности понятия «ценность». В рамках отечественной феноменологии культуры развивается новое представление о формах ценностей как базовых оснований формирования этнокультурной идентичности, которые подразделяются на:

- 1) вечные, неизменяемые ценности;
- 2) появившиеся новые, которым ранее не придавалось значения;
- 3) «мирные ценности», которые в современных условиях утратили свое значение или минимизировались;
- 4) прежние минимизированные ценности, которые вновь становятся значимыми в современных условиях [17. С. 185].

В этом плане «ценностные ориентации» в своей совокупности представляют определенную систему ценностей, признаваемых человеком (обществом) в качестве жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров, сформированных и закреплённых его жизненным опытом [12].

Итак, важным представляется определить специфику трансформации этнокультурной идентичности исследуемой этнической общности в соответствии со сложившейся системой ценностей и ценностных ориентаций.

В целом, с нашей точки зрения, этнокультурными маркерами, которые обуславливают формирование, сохранение и укрепление различных форм этнической идентичности, выступают следующие дистинктивные признаки:

- общность территории;
- язык;
- религия;
- быт;
- семейный уклад;
- фольклор;
- традиционные ремесла;

- нормы поведения;
- общность исторической судьбы;
- общность психического склада [18. С. 190].

Соответственно заявленной цели исследования нам видится необходимым выявить проявление данных признаков в диапазоне «доминантность – рецессивность», их корреляцию с условиями бытования этноса (этнической группы) – политико-административными, социокультурными, межэтническими. Мы выделили три основных аспекта исследования параметров этнической идентичности:

- 1) историко-демографический;
- 2) культурологический;
- 3) социолингвистический и, собственно, лингвистический аспект.

Историко-демографический аспект направлен на анализ этнодемографической ситуации, выявление закономерностей этнического состава сообщества в статике и динамике, также изучение индивидуальных установок и этнокультурных традиций, возникших в ходе исторического развития этноса. Важным в этом плане является исследование процессов консолидации, ассимиляции и межэтнической интеграции этноса на локальном уровне. Кроме того, необходимо провести анализ маркеров, которыми этносы обозначают границу своей этнической общности.

Культурологический и социолингвистический параметры предполагают исследование доминирующих уровней идентичности представителей этнической общности (этнических немцев и болгар Крыма), механизмы ее кумуляции, включающие такие значимые и актуализированные признаки, как: язык, происхождение и семейный уклад, религия, фольклор, традиционные ремесла, нормы поведения. **Этнический язык** – один из важнейших признаков этноса, отражающий все многообразие бытия народа, его духовный потенциал, неповторимую картину мира. **Религия** также рассматривается как мощный этноконсолидирующий фактор. Однако, с нашей точки зрения, наследие десятилетиями насаждавшегося «государственного» атеизма в значительной мере разрушило религиозное сознание представителей этнических общностей РФ [18. С. 192]. Не менее специфичными являются **быт** и **семейный уклад**, сформировавшиеся в процессе этногенеза под влиянием

особых природных и исторических условий, а также особенностей хозяйственной деятельности этнической общности. **Фольклор, ремесла** – созданное членами этнической общности культурное наследие – выступают как ценностно-символические факторы формирования уникального этнокультурного самосознания этноса. Проявление дистинктивного признака **нормы поведения**, сформировавшегося в результате культурно-исторической трансформации общества, обусловлено как объективными (сложившейся политической системой, территориальным администрированием, общественной жизнью и общественными идеалами и т. п.), так и личностно-субъективными факторами.

Итак, в связи с вышеперечисленными аспектами видится необходимым провести анализ степени актуализации этнической идентичности на ценностно-мировоззренческом, когнитивно-мотивационном и поведенческом уровнях с целью выявления значимых эксплицитных и имплицитных факторов, детерминирующих формирование этнической идентичности малых народов, проживающих на территории изучаемого региона.

Библиографический список

1. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 30–33.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-пресс, 1999. 271 с.
3. Бардзини Л. Переменчивые немцы // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 33–36.
4. Бромлей Ю.В. К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология: Учеб.-метод. пособие для студентов / Авт.-сост. Д.Г. Касимова. Глазов: Изд-во Глазовский гос. пед. ин-т, 2008. С. 431–436.
5. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 20–24.
6. Мид М. Культура и преемственность // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология: Учеб.-метод.

пособие для студентов / Авт.-сост. Д.Г. Касимова. Глазов: Изд-во Глазовский гос. пед. ин-т, 2008. С. 329–357.

7. Риггс Ф. Аспекты содержания этничности // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология: Учеб.-метод. пособие для студентов / Авт.-сост. Д.Г. Касимова. Глазов: Изд-во Глазовский гос. пед. ин-т, 2008. С. 483–485.

8. Тишков В.А. Феномен этничности // Этнология. История этнологической и антропологической мысли: Антология: Учеб.-метод. пособие для студентов / Авт.-сост. Д.Г. Касимова. Глазов: Изд-во Глазовский гос. пед. ин-т, 2008. С. 485–500.

9. Большая советская энциклопедия // Электронный ресурс Интернет: <http://bse.sci-lib.com/article127344.html>.

10. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

11. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.

12. Здравомыслов А.Г. Ценностные ориентации // Электронный ресурс Интернет: <http://sbiblio.com/biblio/content.aspx?dictid=89&wordid=806389>.

13. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

14. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение, 1998. № 1. С. 13–25.

15. Мид Дж.Г. Избранное. Сборник переводов / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.

16. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.

17. Николаева Т.М. Эволюция ценностей в экстремальных условиях. Комментарии к воспоминаниям Валентины Леонидовны Горбуновой // Эволюция ценностей в языках и культурах. М.: Пробел 2000, 2011. С. 185–194.

18. Орехова Н.Н., Обухова О.Н. Динамические процессы в структуре этнической идентичности // Языки и этнокультуры Европы: Материалы всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (15–16 ноября 2012 г.). Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2013. С. 189–195.

Сведения об авторах

Обухова Ольга Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет (ВятГУ)
E-mail: obuchova.75@mail.ru

Байкова Ольга Владимировна
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет (ВятГУ)
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

УДК 81'25

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА, ТЕОРИЯ ТЕКСТА И РЫНОК

О.В. Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема совмещения традиционных представлений о том, каким требованиям должен отвечать профессиональный перевод, с требованиями современного рынка переводческих услуг, в том числе с требованием использования автоматических средств перевода с последующим редактированием. Формулируются условия и критерии допустимых отступлений от классических норм перевода.

Ключевые слова: перевод, текст, цель перевода, требования заказчика, машинный перевод, постредктирование.

Translation Theory, Text Linguistics, and Market Requirements

Olga Petrova

The article discusses the problem of reconciling traditional requirements to a professional translation with the situation in the present-day translation industry and specifically with the demand for postedited machine translations. The author shows when and how a translation can deviate from the original.

Key words: translation, text, purpose of translation, customer's requirements, machine translation, postediting.

В последнее время все чаще приходится слышать разговоры о том, что профессия переводчика в ее традиционном виде очень скоро перестанет быть востребованной. Развитие машинного перевода, в особенности программ, использующих большие нейронные сети, уже привело к тому, что сегодня во многих случаях функции переводчика сводятся к редактированию переводов, выполненных компьютером. Это, конечно, отличается от обычного литературного редактирования и требует от переводчика-редактора определенных сугубо профессиональных знаний и умений. Но это еще больше отличается от работы переводчика в ее привычном для нас виде. Однако, по мнению руководителей информационных и даже многих переводческих агентств, именно в этом направлении будет в дальнейшем развиваться переводческая профессия.

Речь, разумеется, не идет о художественном переводе, которого «автоматизация» не коснется не только в ближайшем, но и, хочется надеяться, в отдаленном будущем. По-видимому, и в некоторых других областях перевода компьютер еще не скоро заменит человека.

Но в отношении перевода технического, научного, публицистического ситуация меняется быстро. С одной стороны, появляются новые, значительно усовершенствованные программы машинного перевода, с другой – именно в этих областях меняются запросы заказчика. С помощью современных программ можно быстро получить перевод, который хотя и не отличается изяществом стиля и даже не всегда полностью соответствует узусу, тем не менее дает достаточное представление о содержании исходного текста. И это во многих случаях вполне устраивает заказчика. В результате «живым» (или, как теперь принято говорить, «белковым») переводчикам работодатели сегодня нередко говорят: «мне не нужен хороший перевод, мне нужен приемлемый перевод», – пользуясь при этом вошедшим в их профессиональный жаргон английским прилагательным *quick-and-dirty*. И хотя это прилагательное означает нечто временное, сделанное наскоро, что-то, чем можно пользоваться в ожидании получения полноценного варианта, в складывающейся у нас практике это обычно служит характеристикой требуемого конечного продукта. Получается, что заказывают черновик, но он приобретает статус «беловика». Таким образом, все чаще перед переводчиком ставят совсем не ту задачу, о которой говорил Я.И. Рецкер: «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [1. С. 7]. От него, скорее, ждут перевода, который В.В. Сдобников определяет как «речевую деятельность переводчика по созданию текста на ПЯ с опорой на текст на ИЯ, результат которой выступает в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности инициатора перевода и коммуникантов в данной коммуникативной ситуации» [2. С. 55]. И если для успешной предметной деятельности получателя перевода достаточно более или менее точной передачи содержания оригинала без сохранения его стилистических и экспрессивных особенностей, то именно такой перевод и будет «приемлемым».

В результате возникают своего рода ножницы. Обучая студентов-переводчиков, мы им говорим, что перевод должен отвечать целому ряду требований. Л.Л. Нелюбин формулирует их следующим образом:

«(1) Точность. Переводчик обязан довести до адресата полностью все мысли, высказанные автором. При этом должны быть

сохранены не только основные положения, но также и нюансы и оттенки высказывания. Заботясь о полноте передачи высказывания, переводчик вместе с тем не должен ничего добавлять от себя, не должен дополнять и пояснять автора.

(2) Сжатость. Переводчик не должен быть многословным, мысли должны быть облечены в максимально сжатую и лаконичную форму.

(3) Ясность. Лаконичность и сжатость языка перевода, однако, не должна идти в ущерб ясности изложения мысли, легкости ее запоминания. Следует избегать сложных и двусмысленных оборотов, затрудняющих восприятие. Мысль должна быть изложена простым и ясным языком.

(4) Литературность. Перевод должен полностью удовлетворять общепринятым нормам литературного языка. Каждая фраза должна звучать живо и естественно, не сохраняя никаких намеков на чуждые ПЯ синтаксические конструкции подлинника. Следует избегать калькирования иностранных слов, а пытаться найти эквивалентные слова и термины ПЯ, прибегая к помощи словарей и справочной литературы.

(5) Ни одно слово оригинала не должно переходить в перевод, за исключением слов (и выражений) другого иностранного языка, «вкрапленных в оригинал» [3. С. 231].

Строго говоря, эти требования сами по себе небесспорны. Требование ничего не добавлять от себя, не дополнять и не пояснять автора явно вступает в противоречие с принципами прагматической адаптации текста при переводе, с необходимостью учитывать межкультурные различия между адресатом текста на ИЯ и получателем перевода на ПЯ. Но, так или иначе, эти требования в целом укладываются в стандартное представление о том, что такое перевод.

Принцип же *quick-and-dirty*, по сути дела, предполагает отказ от последних двух требований. Поскольку получателя перевода интересует лишь то, что сказано в оригинале, его совершенно не волнует то, как это сказано. Он не ждет от перевода ни воссоздания формы оригинала, ни даже полного соответствия текста перевода нормам и узусу переводящего языка (которых, следует заметить, он и сам сплошь и рядом не знает). И если он в своем профессиональном общении привык к использованию каких-то терминов или названий в

их исходном (чаще всего английском) виде, то его нисколько не смущает наличие в переводе перенесенных туда английских слов. Понятно, что это вызывает протест у многих переводчиков старой школы и тем более у преподавателей перевода.

Попробуем разобраться в том, почему так меняются требования к переводу и как это соотносится с основными принципами переводоведения.

Основные теоретические положения отечественного переводоведения выработывались в те годы, когда у нас преобладал перевод художественных текстов. Технические, научные и уж тем более коммерческие тексты переводились далеко не массово. Соответственно, и моделью для разработки теоретических положений служил художественный (или, как теперь, калькируя английское название, часто говорят, литературный) перевод. Поэтому требования к переводу определялись характером переводимых текстов и теми задачами, которые стоят перед переводчиком художественного произведения. Эти требования вполне приложимы также к переводу дипломатическому и публицистическому. Дипломатические тексты (и письменные, и устные) требуют от переводчика особой точности, в том числе и стилистической. Публицистические же и вообще обладают многими свойствами текстов художественных. Однако сегодня основная доля заказов на рынке переводческих услуг приходится на научные, научно-популярные, технические и коммерческие тексты. Перевод таких текстов, конечно, не пострадает от того, что переводчик будет полностью выполнять все сформулированные Л.Л. Нелюбиным требования. Но получатель перевода, которому эти тексты нужны «в качестве инструмента обеспечения успешной предметной деятельности», не пострадает и в том случае, если в переводе вполне понятные фразы не будут при этом «звучать живо и естественно», и даже если в них сохранятся «намёки на чуждые ПЯ синтаксические конструкции подлинника».

Так ли нова эта ситуация? Противоречит ли она требованиям к переводу как таковому или только к, так сказать, полноформатному письменному переводу?

Совершенно очевидно, что далеко не все требования, суммированные Л.Л. Нелюбиным и с разной степенью эксплицитности присутствующие в определениях перевода, данных такими основоположниками отечественного переводоведения, как

Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, приложимы, скажем, к устному переводу и, в особенности, к такой его разновидности, как перевод с листа. Когда директор завода говорит переводчику, чтобы тот «быстренько перевел», в чем суть полученного им письма, он явно не ждет от перевода стилистической адекватности и безупречного синтаксического оформления. И так было всегда. Когда переводчику говорят: «Скажи ему, что...» и дальше в общем виде обозначают смысл требуемого высказывания, то у переводчика вообще нет текста, которому перевод мог бы соответствовать по форме. И так тоже было всегда. Вообще в тех случаях, когда инициатор перевода обозначает цель, с которой этот перевод должен выполняться, он сам задает набор требований, которые совсем не обязательно будут в полной мере соответствовать всем постулируемым в переводоведении критериям полноценного перевода.

Что в этом отношении изменилось сегодня? То, что эта ситуация распространилась на письменный перевод текстов, которые раньше переводились по принципу «перевод есть аналог оригинала», когда перевод рассматривался как «специфическая устная или письменная деятельность, направленная на пересоздание существующего на одном языке устного или письменного текста (произведения) на другом языке при сохранении инвариантности содержания и качества оригинала» [4. С. 33]. Оказалось, что сегодня и в письменном переводе это требуется далеко не всегда.

Скопос-теория перевода появилась не на пустом месте. Она возникла в результате осознания того, что цель создания текста перевода совсем не обязательно совпадает с целью создания оригинала. Несомненно, перевод, выполненный в классических традициях, с соблюдением всех перечисленных требований, может использоваться с самыми разными целями – так же, как и сам оригинал может использоваться носителями ИЯ с разными целями. И перевод серьезной научной статьи для публикации в солидном научном журнале действительно должен быть аналогом оригинала, и по содержанию, и по форме, независимо от того, кто и с какой целью будет его читать. Но если какая-то статья нужна группе ученых, которые хотят понять, чем занимаются их зарубежные коллеги, и посмотреть, насколько совпадают направления их исследований, им полный аналог статьи для этого явно не требуется. Их интересу

содержащаяся в статье информация (и даже не вся), а не форма ее подачи. Их не волнуют литературные «красивости» оригинала, содержащиеся в нем шутки и образность, вполне распространенные в научных текстах западных ученых и отражающие индивидуальный стиль автора. И получить перевод им нужно как можно быстрее (к примеру, если речь идет о написании заявки на грант). И тогда требование *quick-and-dirty* становится вполне оправданным.

Много лет назад автору этих строк уже приходилось описывать случай из собственного переводческого опыта, когда американский режиссер просил перевести пьесу – «быстренько, не шлифуя диалоги». Иными словами, начерно. Чтобы он мог оценить, насколько она сценична. Вот если он решит ее ставить, тогда закажет полноценный перевод, на который у переводчика будет достаточно времени и который будет совсем по-другому оплачен. Тогда это показалось очень странным. Сегодня это становится нормой. И против этого трудно возражать. Есть заказчик. У него есть определенные потребности. Он готов платить за продукт, который отвечает его запросам. Лишнего ему не нужно. Но при этом возникает такой вопрос: если понятно, что такое *quick*, то что нужно и можно понимать под *dirty*? Насколько грубым может быть приближение к оригиналу? Какими требованиями к «классическому» переводу можно пренебрегать, а какими нельзя?

Как правило, «быстрые» переводы – это переводы машинные, подвергшиеся постредактированию. Поэтому структура текста в целом, на макроуровне сохраняется. Машина переводит последовательно, абзац за абзацем. Но при этом в ряде случаев начинает страдать логика построения текста. При переводе, скажем, с английского языка, в котором нет морфологически выраженных падежей, зато есть категория одушевленности у местоимений третьего лица, на русский, где есть морфологический падеж, но нет разницы между одушевленными и неодушевленными местоимениями третьего лица, при автоматическом переводе нередко искажается прономинально-субстантивная соотнесенность. Соответственно, нарушаются внутритекстовые связи. Местоимения начинают соотноситься не с теми существительными, с которыми они соотносились в оригинале, происходит рассогласование в роде, падеже, а иногда даже и в числе. Достаточно посмотреть на такое предложение:

«Если объективная реальность на самом деле существует, и свободный выбор Боба и Алисы не влияет на полученные результаты, можно построить **единое распределение вероятности, которые согласуются** с неравенствами Белла» [5].

Что здесь произошло? Слово «вероятность» оказалось не в том числе и падеже или местоимение «которые» связалось не с тем, с чем нужно? Специалист это, возможно, поймет. А читатель научно-популярного текста?

Если редактированием занимается переводчик, перед которым лежит оригинал, он, скорее всего, это поправит. Если же этим занимается редактор, который оригинала не видит, он часто просто убирает такие «запутанные», трудночитаемые предложения, если он не увидел в них никакой существенной информации. И не замечает при этом, что нарушилась когерентность текста. Посмотрим, как это происходит. В тексте оригинала сказано:

Since then, physicists have used the “Wigner’s Friend” thought experiment to explore the nature of measurement and to argue over whether objective facts can exist. That’s important because scientists carry out experiments to establish objective facts. But if they experience different realities, the argument goes, how can they agree on what these facts might be?

That’s provided some entertaining fodder for after-dinner conversation, but Wigner’s thought experiment has never been more than that – just a thought experiment [6].

В переводе читаем: «Парадокс стал важным, потому что ученые проводят эксперименты, чтобы установить объективные факты. Но если они сталкиваются с разными реальностями, как им договориться о том, какими могут быть эти факты? Мысленный эксперимент Вигнера никогда не был чем-то большим – просто мысленным экспериментом» [7].

В оригинале *that’s important* отсылает читателя к необходимости выяснить, существуют ли объективные факты. Это важно, потому что научные эксперименты направлены именно на установление объективных фактов. В переводе же важным оказался парадокс.

В оригинале утверждение, что мысленный эксперимент Вигнера был всего лишь мысленным экспериментом и ничем больше, является логическим продолжением того, что сказано в предыдущем предложении: до недавнего времени (глагол в форме *Present Perfect*)

парадокс Вигнера воспринимался всего лишь как забавная тема для разговоров на досуге. В переводе же это предложение объединилось в одном абзаце с утверждением о его важности. Как же сочетаются утверждения «парадокс стал важным» и «никогда не был чем-то большим»? Можно, кстати, обратить внимание и на то, что для компьютера «большим» и «большим» – одно и то же. А для редактора?

Трудно сказать, зачем редактору потребовалось так перекроить текст. Можно предположить, что компьютер как-то уж очень странно перевел *fodder* (особенно стоящее по соседству с *dinner*), и редактор, поняв, что к основной мысли текста это предложение не имеет отношения, не стал в нем разбираться и просто убрал его, не заметив при этом нарушения когерентности текста.

Что еще может быть «не так» в переводе, выполненном по принципу *quick-and-dirty*? Разумеется, могут быть неверные, неточные слова. Может нарушаться лексическая сочетаемость. Это, конечно, плохо. Но критично ли? Все зависит от цели, с которой этот перевод делается. Если текст переводится для специалистов, которые понимают, о чем идет речь, им, возможно, не так уж важно, что **несовместимые** реальности и результаты в переводе стали **непримиримыми**, что исследователи **испытывают** (*experience*) различные реальности и т. д. И если они сами пользуются английским сокращением *CATS*, то их вряд ли смутит появление его в переводе именно в таком виде.

Если же текст публикуется на сайте, который позиционирует себя как научно-популярный и обещает: «Все, что интересует и объединяет людей, близких к науке и технике, а также получающих плоды первых двух в виде полезных устройств и гаджетов, мы собираем и выкладываем здесь в доступном и понятном виде» [8], – то и требования к переводу должны быть другими. В этом случае читатель может и не понять «недоработанного» **испытывать различные реальности**. Он может решить, что речь идет о каких-то испытаниях, но явно не поймет, о каких, так как никаких «испытаний» там нет. Да и с неравенствами Белла он явно сам не разберется.

Однако вернемся к исходному вопросу: так чему же учить студентов и как быть с требованиями «быстрых приемлемых» переводов?

По-видимому, само по себе такое требование необходимо признать вполне правомерным не только потому, что оно объективно существует и широко представлено на рынке переводческих услуг. Но и потому, что оно полностью соответствует давно существующему в переводоведении представлению о том, что требования к переводу должны определяться той целью, с которой он выполняется. Вопрос только в том, чем «приемлемый» перевод может отличаться от перевода неприемлемого, причем не приемлемого никогда и нигде. Ответ представляется достаточно простым: текст на переводящем языке всегда должен оставаться именно текстом, то есть, он должен характеризоваться такими признаками, как целостность (логико-семантическая и грамматическая соотнесенность и взаимозависимость составляющих его элементов), когерентность и когезия, логическая и структурная завершенность, предполагающая проспекцию и ретроспекцию, членимость, завершенность. Если все это соблюдается, то в случаях, когда заказчику не нужен «хороший» перевод, допустимы нарушения таких требований, как сохранение «всех нюансов и оттенков» мысли автора, литературность (в том числе живое и естественное звучание каждой фразы, отсутствие синтаксического калькирования), отсутствие переноса в перевод иностранных слов (в случае, если эти иностранные слова используются в профессиональной среде заказчика перевода).

Чему в этой связи нужно учить студентов? Прежде всего, переводу, соответствующему традиционным представлениям и требованиям. А также тому, чем можно и чем нельзя жертвовать в случае, когда поступает заказ на быстро сделанный «приемлемый» перевод.

Библиографический список

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
2. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: Дис. ... докт. филол. наук, Нижний Новгород, 2015. 492 с.
3. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003. 320 с.

4. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М.: Высшая школа, 1985. 256 с.

5. Парадокс друга Вигнера: объективной реальности не существует // Электронный ресурс Интернет: <https://m.znaj.ua/ru/science/219037-paradoks-druga-vignera-ob-yektivnoji-realnosti-ne-isnuye>.

6. A Quantum Experiment Suggests There's no Such Thing as Objective Reality // Электронный ресурс Интернет: <https://www.technologyreview.com/s/613092/a-quantum-experiment-suggests-theres-no-such-thing-as-objective-reality/>.

7. Квантовый эксперимент показал, что объективной реальности не существует // Электронный ресурс Интернет: <https://hi-news.ru/research-development/kvantovuj-eksperiment-pokazal-chto-obektivnoj-realnosti-ne-sushhestvuet.html>.

8. Hi-News.ru. О сайте // Электронный ресурс Интернет: <https://hi-news.ru/about>.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: o.v.petrova.nn@gmail.com

УДК 811.111'221:316.772.2

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ
ВЫРАЖЕНИЯ ДРУЖЕЛЮБНОГО ОТНОШЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Т.С. Рыжкова, П.В. Янькова

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск*

В статье исследуются невербальные средства коммуникации для выражения дружелюбия в рамках межличностного общения на основе данных лексикографических источников, свободного ассоциативного эксперимента, текстовых фрагментов произведений английской художественной литературы. Выявлены и описаны мимические, жестовые и пантомимические движения, способные актуализировать дружелюбное отношение в процессе коммуникации.

Ключевые слова: дружелюбие, невербальная коммуникация, мимика, жесты, английский коммуникативный стиль.

Non-Verbal Means of Communication for Expressing Friendliness

Tatyana Ryzhkova, Pauline Yan'kova

The article discusses non-verbal means of expressing friendliness in interpersonal communication, based on data from lexicographical sources, free associative experiments, and examples from English literary works. The author identifies and describes a number of such non-verbal communicative means including facial expressions, gestures, and pantomimic movements.

Key words: friendliness, nonverbal communication, facial expressions, gestures, British communication style.

Следуя идеям экзистенциальной философии о том, что сущность человека отражается в языке [1], для современной лингвистики актуальной представляется не только языковая, но и внеязыковая презентация человека во всем многообразии его возможных психических состояний, переживаний, чувств, эмоций, действий, реакций в различных ситуациях общения. Для представителей определенной лингвокультуры, по замечанию Т.В. Лариной, характерен определенный коммуникативный стиль, который формируется «в результате регулярного использования определенных стратегий и средств коммуникации» [2. С. 142–143].

Исследование невербальных средств выражения дружелюбного отношения в британском социуме представляет определенный интерес в силу того, что для английского коммуникативного стиля

типична общая сдержанность в проявлении эмоций, которая на невербальном уровне выражается в достаточно ограниченном использовании мимики, жестов и тактильных контактов в процессе общения. Предполагается, что проявление дружелюбного отношения сопровождается достаточным количеством невербальных маркеров, потому что в данной коммуникативной ситуации выражается позитивное эмоциональное отношение адресанта к партнеру по коммуникации.

В первую очередь обратимся к анализу словарных дефиниций прилагательного *friendly*, которое наилучшим образом определяет невербальные коммуникативные маркеры как проявление дружелюбного отношения. Словарные дефиниции нескольких лексикографических источников, как правило, дополняют друг друга в описании толкования слова и позволяют в достаточно полной мере представить семантический объем исследуемой лексической единицы.

Прилагательное *friendly* в словарях английского языка толкуется следующим образом:

- *behaving in a pleasant, kind way towards someone* [3];
- *behaving in a kind and pleasant way; acting like a friend; showing or expressing kindness and helpfulness; of a relationship in which people treat each other as friends* [4];
- *showing or expressing liking, goodwill* [5];
- *someone who is friendly is always pleasant and helpful towards other people (used about people's behaviour); if you are friendly with someone, you are their friend* [6];
- *behaving in a kind and pleasant way because you like sb. or want to help them; showing kindness; making you feel relaxed as though you are among friends; treating sb. as a friend* [7. P. 622].

Словарь современного английского языка *Longman* приводит следующее определение, поясняющее исследуемое прилагательное:

- *behaving towards someone in a way that shows you like them and are ready to talk to them or help them* [8].

Таким образом, большинство английских словарей определяют исследуемую лексему *friendly* в качестве поведенческой характеристики человека через прилагательные *pleasant* (приятный), *kind* (добрый) и существительные *kindness* (доброжелательность),

liking (симпатия), *goodwill* (расположение), *helpfulness* (готовность помочь), поясняя, что дружелюбное поведение проявляется в доброжелательной позиции принятия адресата, в выражении расположения, симпатии или дружеских чувств по отношению к партнеру по коммуникации.

Однако словарные дефиниции лексикографических источников не дают практически никакого представления о невербальных средствах коммуникации, которые адресант используют для того, чтобы выразить свое дружеское расположение к адресату в процессе общения. Представляется, что свободный ассоциативный эксперимент позволит дополнить определения словарей и объективировать некоторые средства невербальной коммуникации, которые используются в британском социуме для выражения дружелюбного отношения в рамках повседневного общения.

Для человека значение любого слова функционирует не само по себе, а как фрагмент лично осознаваемой и переживаемой индивидуальной картины мира. Лексические ассоциации представляют собой «связь между некими объектами или явлениями, основанную на личном, субъективном опыте» [9. С. 189]. Опыт этот может совпадать с опытом того исторического и культурного наследия, к которому принадлежит человек, но всегда является также и сугубо индивидуальным. Человек в процессе своего личностного развития к определенному понятию, за которым закреплены культурно детерминированные признаки и характеристики, добавляет различные смысловые элементы, порожденные индивидуальными особенностями восприятия и категоризации мира. Эффективность использования свободного ассоциативного эксперимента обусловлена сопряженностью ассоциативного процесса с физиологическими реакциями и личным опытом носителя языка и, как следствие, характеризуется лишь относительной возможностью и способностью индивида управлять автоматическим характером ассоциаций.

В ассоциативном эксперименте приняли участие 80 респондентов (35 респондентов мужского и 45 – женского пола в возрасте от 18 до 55 лет), являющихся носителями современного английского языка, которым была предложена анкета, состоящая из двух вопросов. Ответ на первый вопрос *Could you please write what the word “friendly” means to you?* позволил проанализировать первые, произвольные реакции респондентов, связанные с исследуемым

прилагательным. Вторым вопросом *How do you understand that a person is friendly towards you?* позволил выявить невербальные маркеры дружелюбного отношения, а также определенные действия, которые ассоциируются у респондентов с моделью поведения человека, настроенного по отношению к окружающим людям дружелюбно.

Реакции, полученные нами на слово-стимул *friendly*, отличаются значительной вариативностью, но в абсолютном большинстве обладают ярко выраженной положительной семантикой. В первую очередь были выделены ассоциаты, входящие со словом-стимулом в одну семантическую группу, описывающие поведенческие особенности человека.

Так, в сознании большинства респондентов человек, выражающий дружелюбное отношение, представляется как *kind* / добрый (37), *pleasant* / приятный (35), *nice* / милый (33), *easy-going* / общительный (32), *amiable* / приветливый (27), *cheerful* / веселый (18) и *polite* / вежливый (12) партнер по коммуникации, который *makes contact easily* / легко устанавливает контакт (19), *shows interest* / проявляет интерес (17), *ready to help* / готов оказать помощь (17), *laughs* / смеется (11), *jokes* / шутит (7).

В качестве единичных реакций, которые напрямую не связаны с поведенческими характеристиками человека, следует отметить попытки некоторых респондентов описать исследуемое прилагательное через определенные цвета – *orange* / оранжевый (4), *green* / зеленый (2), которые ассоциируются на эмоциональном уровне с ощущениями тепла, радости, мягкости и спокойствия.

Ответы респондентов на вопрос *How do you understand that a person is friendly towards you?* позволили выявить следующие невербальные действия, которые напрямую ассоциируются с проявлением дружелюбия. Так, следуя представлениям респондентов, человек дружелюбный *smiles* / улыбается (57), *hugs* / обнимает (16), *shakes hands* / пожимает руку (12), *winks* / подмигивает (8), *tips on the shoulder* / хлопает по плечу (6). А *friendly face* / приветливое выражение лица – 9, *friendly eyes* / дружелюбные глаза – 7, *a friendly look* / дружелюбный взгляд – 7, а также *a friendly tone* / дружелюбный тон голоса – 7 являются для определенной части респондентов значимыми маркерами невербального поведения, по которым они понимают, что человек настроен по отношению к ним дружелюбно.

Таким образом, данные свободного ассоциативного эксперимента позволили объективировать некоторые мимические и жестовые движения, предполагающие тактильный контакт, например пожатие руки или похлопывание по плечу, которые адресат использует для выражения своего дружеского расположения.

С целью более полного представления невербальных средств коммуникации для выражения дружелюбного отношения обратимся к произведениям художественной литературы, текстовые фрагменты которых представлены в Британском национальном корпусе.

Все невербальные действия по физической природе делятся преимущественно на мимические, позволяющие при помощи выразительных движений мышц лица передавать эмоциональное состояние, определенные чувства и отношение к собеседнику, жестовые движения рук и головы, а также пантомимические, которые отражаются в позе, осанке или походке человека.

Методом сплошной выборки были выделены словосочетания из текстовых фрагментов Британского национального корпуса, в которых невербальное действие, презентуемое глаголом, характеризуется как проявление дружеского расположения при помощи словосочетаний: *in a friendly way* (по-дружески), *in a friendly fashion* (по-дружески, в дружеской манере), *in a friendly manner* (по-дружески, дружелюбно). Также в текстовых фрагментах были выделены словосочетания типа *a friendly+noun*, называющие кинему, выражающую дружеское расположение.

Таким образом, анализ фактического материала позволил выделить следующие мимические движения, которые ассоциируются с проявлением дружелюбного отношения: *to smile / to give a smile* (улыбаться); *to smile back at* (улыбнуться в ответ); *to grin at* (улыбнуться, осклабиться); *to watch* (следить, смотреть); *to stare at* (пристально смотреть, уставиться); *to gaze* (вглядываться); *to glance / to give a glance* (бросить взгляд, взглянуть); *to look / to give a look* (посмотреть, взглянуть); *to twinkle* (моргать); *to wink / to give a wink* (подмигнуть); *to narrow one's eyes* (прищуриться), например:

I smiled at them in friendly fashion [10]. – Я улыбнулся им дружелюбно.

“That is true,” she said, and then with a friendly twinkle, “this isn’t a restaurant; it’s a private house” [10]. «Это правда, – сказала она и дружелюбно подмигнула. – Это не ресторан, а частный дом».

Следует уточнить, что для английской культуры типична социальная улыбчивость, то есть улыбка является обязательным атрибутом для большинства социальных ситуаций, расценивается не только как маркер дружеского расположения, но и как коммуникативная поддержка собеседнику, например:

“Ah, Mr. Bridges! Nice to see you!” Sir Daniel Sefton stood up and extended his hand across the desk, smiling the warm friendly smile that was virtually his trademark [10]. «А, Мистер Бриджес! Рад Вас видеть!» Сэр Дэниел Сефтон встал и протянул руку через стол, улыбаясь теплой дружеской улыбкой, которая была его визитной карточкой.

Среди кинем, выражающих дружелюбное отношение, следует выделить глаза. Как отмечает Ю.В. Туфанова, контакт глаз «считается ключевым моментом в установлении симпатии или близости коммуникантов» [12. С. 227], например:

She gave him a warm, friendly look [10]. – Она одарила его теплым, дружелюбным взглядом.

She smiled at me with friendly brown eyes [10]. – Она улыбнулась мне дружелюбными карими глазами.

Среди жестовых движений головы были выделены следующие действия, которые расцениваются как проявление дружелюбного отношения: *to nod / to give a nod* (кивать), *to bob one’s head* (кивнуть); *to beckon* (подзывать кивком головы); *to look back* (оглядываться), например:

To my surprise, the singer gave me a friendly nod before throwing his head back and tackling the last verses [10]. – К моему удивлению, певец дружески кивнул мне, прежде чем откинуть голову назад и спеть последние куплеты.

Дальнейшее изучение фактического материала по данным Британского национального корпуса позволило выявить следующие жестовые и пантомимические движения, выражающие дружелюбное отношение: *to wave* (махать); *to wave with the hand* (махать рукой); *to wave off / to wave goodbye* (махать рукой на прощание); *to hug, to take smb. in / into one’s arms* (обнимать); *to tap on the shoulder, to give a clap on the shoulder, to give a cuff / a pat on the shoulder* (похлопать по плечу); *to shake by the shoulders* (потрясти за плечи); *to shake by the hand* (обменяться рукопожатием); *to give a pat on the arm* (похлопать по руке); *to hold out a hand* (протянуть руку); *to take smb. by the arm* (взять кого-л. за руку); *to take one’s arm* (взять чью-либо руку); *to hold*

smb. by the arm (держат кого-л. за руку); *to catch / to grab smb. by the arm* (схватить кого-л. за руку), например:

He gave me a friendly pat on the arm [10] – Он по-дружески похлопал меня по руке.

He gave me a friendly clap on the shoulder and said, "Well done!" [10] – Он дружески похлопал меня по плечу и сказал: «Молодец!»

Вышеперечисленные примеры позволяют прийти к выводу о том, что при выражении дружелюбного отношения в британском социуме используется достаточное количество жестовых движений, предполагающих тактильный контакт. Например, проявлением дружеского расположения следует считать не только похлопывание по плечу, которое является универсальным жестом для многих культур, но и потряхивание за плечо. Следует подчеркнуть, что анализ фактического материала выявил достаточное количество жестовых движений, связанных с тактильным прикосновением к руке адресата. Прикосновения такого характера в зависимости от коммуникативной ситуации выполняют разную смысловую нагрузку, например, выражение поддержки, ободрения или симпатии:

She gave his arm a friendly squeeze, "Here we are, Francis. Are you nervous?" [10] – Она дружески сжала его руку: «Вот мы и здесь, Фрэнсис. Ты нервничаешь?»

Следует отметить, что в ситуациях приветствия и прощания английские коммуниканты демонстрируют взаимное расположение и доброжелательное отношение, выглядят дружелюбными и приветливыми, что является одной из стратегий проявления вежливости, которая характерна для английской коммуникативной культуры, например:

They had parted in a friendly way, promising to see each other from time to time... [10]. – Они расстались дружелюбно, пообещав время от времени видеться...

Последовательное изучение данных лексикографических источников, свободного ассоциативного эксперимента и текстовых фрагментов британской художественной литературы позволило детально представить и описать невербальные средства коммуникации для выражения дружелюбного отношения, которые используются в британском социуме в процессе общения. В результате исследования было выделено 46 лексических единиц (*verb*

+ *in a friendly way / in a friendly manner / in a friendly fashion; a friendly + noun*) при описании мимических, жестовых и пантомимических движений, что позволяет сделать вывод о том, что невербальные маркеры дружелюбия используются коммуникантами в англоязычной культуре достаточно активно при выражении искреннего дружелюбного отношения к адресату или намеренно во время социальных контактов с целью создания дружеской, непринужденной атмосферы общения для достижения определенных коммуникативных целей.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Наука, 2002. 451 с.
2. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.
4. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1998. 1081 p.
5. Collins English Dictionary // Электронный ресурс Интернет: <https://www.collinsdictionary.com>.
6. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners // Электронный ресурс Интернет: <https://www.macmillandictionary.com/>.
7. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2008. 1780 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English // Электронный ресурс Интернет: <https://www.ldoceonline.com>.
9. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с.
10. The British National Corpus // Электронный ресурс Интернет: <https://www.english-corpora.org/bnc/>.
11. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
12. Туфанова Ю.В. Невербальные средства репрезентации коммуникативного поведения партнеров в ситуации извинения // Вестник Иркутского государственного технического университета. Иркутск, 2013. Вып. 3. С. 226–229.

Сведения об авторах

Рыжкова Татьяна Сергеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
для гуманитарных специальностей ИРНИТУ
E-mail: ryzhkova08@mail.ru

Янькова Полина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
для технических специальностей № 1 ИРНИТУ
E-mail: Pauline157@ya.ru

УДК 811.112.2'25:811.161.1'25

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА О ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ БАВАРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАВЫ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА
К. МУЧЕЛЬКНАУС «ГДЕ В БАВАРИИ ВКУСНЕЕ ВСЕГО»)**

Е.А. Сакулина, А.А. Веревкина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В представленной статье рассматриваются особенности перевода немецкоязычного публицистического текста о гастрономической индивидуальности федеральной земли Бавария на русский язык на примере главы справочника К. Мучелькнаус «Где в Баварии вкуснее всего». В качестве объекта исследования рассматривается ряд переводческих трудностей на лексическом уровне: исторические и культурные реалии, диалектизмы, гастрономические термины, топонимы и антропонимы. Цель исследования – выявить приемы перевода для успешной передачи представленного текста на русский язык.

Ключевые слова: Бавария, глоттонический дискурс, гастрономические термины, переводческая трансформация, сопоставительный анализ.

**Translating German Non-Fiction Texts about Special Features of Bavarian Cuisine
Elena Sakulina, Aleksandra Verevkina**

The article discusses solutions and strategies for translating German non-fiction texts about Bavarian cuisine into Russian, looking specifically at the Russian translation of a chapter from “Where Bavaria Tastes the Best,” a culinary reference book by K. Mutschelknaus, with the goal of identifying optimal techniques for translating texts of this genre. The authors focus on translation difficulties at the lexical level, such as translating historical and cultural realities, dialecticisms, culinary terms, toponyms, and personal names.

Key words: Bavaria, tourism discourse, culinary terms, translation transformation, comparative analysis.

*Das kulturelle Reichtum einer Stadt
ist sein kulinarisches Reichtum [1. S. 3]*

Переводы публицистических текстов требуют от переводчика не только применения его профессиональных навыков, но и готовности работать над изучением дополнительных материалов, представленных в тексте. Публицистический стиль совмещает в себе информативную функцию, заключающуюся в сообщении информации, и экспрессивную функцию (функцию эмоционального

воздействия на читателя при помощи сообщаемой информации). Данная информация адресована как правило не узкому кругу специалистов, а широкой читательской аудитории, поэтому во время передачи информации в публицистическом тексте автор всегда пытается эмоционально воздействовать на адресата, выражая свое отношение к сообщению [2. С. 26].

В настоящей статье рассматриваются особенности перевода немецкоязычного публицистического текста о самобытной культуре и традициях питания в Баварии на русский язык на примере главы гастрономического справочника К. Мучелькнаус «Где в Баварии вкуснее всего» (*Wo's in Bayern am besten schmeckt*). Федеральная земля Бавария – самая большая из шестнадцати федеральных земель Германии, по праву считается самой комфортной и дорогой для проживания. Именно поэтому ее культура, ее национальные особенности вызывают такой интерес у туристов всего мира. Исследуемый текст содержит информацию из области гастрономической культуры Баварии, которая славится на весь мир своим пивом, особым сортом баварской колбаски «вайсвурст» (*Weißwurst*) и традиционной выпечкой, именуемой «брецелями» (*Brezel*), напоминающей по форме крендель. При этом в рамках понятия «гастрономическая культура» следует отдельно пояснить специфический термин «глуттонический дискурс», который, по мнению Т.Н. Глазковой, представляет один из видов воплощения специфики национального языка в процессе коммуникации, имеющей отношение к процессу питания: «ситуация потребления пищи национально обусловлена, отражает этнические, религиозные, культурные особенности народов» [3. С. 26]. Кроме того, в тексте указаны адреса небольших домашних ресторанов Баварии, владельцы и работники которых вкладывают душу в свои творения и несут в мир баварскую культуру, а также рассмотрены рецепты национальных блюд из разных административных округов Баварии. В качестве информационного материала в справочнике приведены не только изыскания автора, но и высказывания знаменитых в Германии экспертов в области гастрономии, поваров и исследователей национальной культуры Баварии (Й. Кайзера, А. Херманна, А. Шубека) [4].

В ходе предпереводческого анализа были выделены лингвистические особенности выбранного текста. В качестве объекта

исследования рассматривается ряд переводческих трудностей на лексическом уровне: исторические и культурные реалии, диалектизмы, гастрономические термины, топонимы и антропонимы. Цель исследования – выявить приемы перевода для успешной передачи представленного текста на русский язык. На лексическом уровне в процессе работы была выделена общеупотребительная лексика (общенаучные слова, термины из предметных областей «кулинария» и «пищевая культура»), а также диалектизмы, в основном являющиеся частью южнонемецкой вариации немецкого языка, называемой также «баварский немецкий» (*Südliches Hochdeutsch – Bayrisch*) [5].

Следует отметить, что знание экстралингвистических и лингвистических особенностей публицистических текстов может в определенной степени помочь разрешить трудности, возникающие при их переводе на русский язык. В ходе переводческого анализа рассматриваемого текста были использованы различные приемы перевода. В.В. Сдобников и О.В. Петрова определяют прием перевода как переводческую операцию, направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающую типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий. Вследствие различий в системах языков и правилах использования единиц языка переводчик вынужден использовать для решения возникающих в процессе перевода проблем приемы перевода, которые называются переводческими трансформациями [6. С. 73]. В выбранном тексте присутствует большое количество топонимов, то есть имен собственных, обозначающих названия географических объектов [7. С. 419]. Для большинства топонимов были найдены соответствующие эквиваленты. С этой целью были использованы такие лексикографические источники, как «Географическая энциклопедия» на сайте *dic.academic.ru* [8] и «Большой немецко-русский словарь» в двух томах (Лепинг Е., Филочева Н., Цвиллинг М., Москальская О.) [9]. Эквиваленты были подобраны не только к названиям городов, федеральных земель и государств, но и к названиям местных ландшафтов и озер:

<ul style="list-style-type: none"> • <i>auf den Geschmack ihrer Tegermseer Heimat</i> [1. S. 27]; • <i>Wo es in Bayern am bestem schmeckt</i> [1. S. 3]; 	<ul style="list-style-type: none"> • вкус их Родины на Тегернзе; • Где в Баварии вкуснее всего;
--	---

<ul style="list-style-type: none"> • <i>auf dem Weg nach Stillern</i> [1. S. 15]. 	<ul style="list-style-type: none"> • по дороге в Штиллерн.
--	--

В тексте справочника присутствуют также имена собственные деятелей культуры и искусства, для перевода которых на русский язык существует уже устоявшаяся традиция:

<ul style="list-style-type: none"> • <i>die Münchner Malerin und Schriftstellerin Fanny zu Reventlow (1871–1981)</i> [1. S. 34]; • <i>Alfons Schubecks Biergarten-Philosophie</i> [1. S. 34]. 	<ul style="list-style-type: none"> • мюнхенская художница и писательница Фанни цу Ревентлов (1871–1918); • Философия биргартена от Альфонса Шубека.
---	---

Помимо вышеупомянутых известных имен в тексте присутствуют имена управляющих (создателей) баварских трактиров, ресторанов или фермерских лавок. Для их имен не было создано устоявшихся эквивалентов, поэтому мы обратились к приему транскрипции, чтобы сохранить исходное звучание имени:

<ul style="list-style-type: none"> • <i>In Maria Bogners Hofladen</i> [1. S. 27]; • <i>Florian Stetter</i> [1. S. 45]. 	<ul style="list-style-type: none"> • В лавке Марии Богнер; • Флориан Штеттер.
--	---

Наибольшую сложность составил перевод названий гастрономических заведений (ресторанов, баварских трактиров), упоминаемых автором в тексте. Названия некоторых заведений были сохранены на языке оригинала, так как они не несли определенной смысловой нагрузки в тексте, а следовательно – не нуждались в переводе на русский язык. В данном случае был использован переводческий прием лексического добавления в качестве компенсации утраты грамматических средств выражения тех или иных значений:

<ul style="list-style-type: none"> • <i>Brotzeit&Leben: Hofladen am Boarhof</i> [1. S. 26]; • <i>Slyrs</i> [1. S. 32]. 	<ul style="list-style-type: none"> • Пекарня BrotZEIT&Leben: Hofladen am Boarhof; • Мини-завод по производству виски Slyrs.
--	---

При переводе другого названия, *Hof-Biergarten Grenzbach* [1. S. 6], фигурирует топоним – название реки Гренцбах. Думается, что в данном случае сохранение оригинального названия было бы не совсем ясным для получателя перевода. Поэтому

вариантом, в пользу которого был сделан выбор, стал «Гренцбах. Биргартен на природе», поскольку данный вариант содержит в себе смысловую нагрузку оригинального названия на немецком языке и адаптирован для русскоязычного читателя. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что *Biergarten* (дословный перевод – «пивной сад») может также рассматриваться как историческая и культурная реалия. Название возникло путем словосложения: *Bier* (пиво) и *Garten* (сад). История Биргартенов начинается в XVI веке, когда по декрету короля Людвига I жителям разрешалось варить пиво только в зимнее время года. До лета сваренное пиво хранилось в подвалах (*Bierkeller*), а с наступлением теплых дней на улице в непосредственной близости от них ставили столы для посетителей. Таким образом зародились традиции, которые послужили основой для дальнейшего формирования концепции «Биргартена» в Германии [3]. При переводе реалии на русский язык возникли некоторые трудности, так как для данного понятия не существует устоявшейся традиции перевода и до сих пор среди исследователей ведутся дискуссии о выборе правильного русскоязычного эквивалента. «Большой немецко-русский словарь» [9] предлагает вариант «пивная», однако, если посмотреть на значение данной лексической единицы в русском языке и русскоязычных толковых словарях, то значение «пивная» не будет совпадать со значением *Biergarten*: «Пивная – заведение, где продают и пьют пиво» [9]. Еще одно существенное отличие состоит в следующем: несмотря на то, что в *Biergarten* пиво продается, в него можно прийти со своей едой, что категорически запрещено в пивных, ресторанах и других гастрономических заведениях. Таким образом, в данном случае было принято решение о применении лексической трансформации – транскрипции:

<i>Der Biergarten ist kein Ort. Es ist ein Zustand!</i> [1. S. 23]	Биргартен – это не место. Это состояние!
--	---

Далее, рассуждая об исторических и культурных реалиях в представленном тексте, хочется отметить, что при передаче исторических и культурных реалий следует применять различные переводческие трансформации, преобразования, при помощи которых переводчик может осуществлять переход от лексических единиц текста оригинала к лексическим единицам текста перевода [10. С. 188]. Для поиска соответствий к историческим и

культурным реалиям в процессе работы над текстом в качестве лексикографических источников были использованы соответствующие интернет-ресурсы, а также «Австрийско-немецкий словарь» А. Виттенбергера [11] и «Словарь баварского немецкого языка» К.-Г. Кляйнмайера [12] с целью получения детальной информации о реалии, которая впоследствии была использована для перевода текста на русский язык.

Интересным представляется пример перевода названия немецкого телеканала *ZDF* (*Zweites Deutsches Fernsehen*). В данном случае был использован переводческий прием добавления с пояснением реалии. Однако далее, при переводе названия телешоу *Küchenschlacht* необходимо было подобрать эквивалент, который у русскоязычного читателя смог бы вызвать определенные устойчивые ассоциации. На сайте телеканала *ZDF* [13] из презентации программы было выяснено, что основная идея телешоу *Küchenschlacht* во многом соответствует русскоязычной программе «Кулинарная битва» на телеканале МАТЧ ТВ [14]. Исходя из этого, при переводе на русский язык было принято решение о замене немецкой реалии на российскую:

[...] <i>regelmäßig tritt er in der ZDF-Küchenschlacht auf</i> [1. S. 23].	[...] он также регулярно появляется в телешоу «Кулинарная битва» (<i>Küchenschlacht</i> , нем.) на немецком телеканале <i>ZDF</i> .
--	--

Одной из культурных особенностей каждой страны является наличие в языке крылатых выражений, понятных только носителю языка. Фразеологизмы – это устойчивые выражения с идиоматическим значением [10. С. 149]. В разных культурах в языке формируются различные представления о действительности, вследствие этого процесса и появляются фразеологические единицы на разных языках, дословный перевод которых не донесет до получателя перевода авторскую идею. Так, при переводе в тексте фразеологизма *den lieben Gott einen guten Mann sein lassen* с целью импликации его значения мы обратились к немецкоязычному словарю крылатых выражений *DUDEN: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten* [15. S. 84], а также к интернет-ресурсу *redensartenindex.de* [16]. Было установлено, что значение данного устойчивого выражения: *unbekümmert die Zeit verbringen* (в переводе

на русский язык – «беззаботно проводить время»). Однако в русском языке, в отличие от немецкого, выражение «беззаботно проводить время» имеет негативную коннотацию, в то время как в исходном тексте фразеологизм представлен в позитивном контексте, так как используется для описания времяпрепровождения в любимом баварцами Биргартене. Таким образом, в данном случае необходимо было либо подобрать эквивалент к фразеологизму в русском языке, либо заменить фразеологизм описанием его значения. Фразеологические единицы в русском языке со значением «жить беззаботно», например «бить баклуши», «лето красное пропеть» [17], несли в себе сугубо негативную коннотацию, которая, на наш взгляд, являлась не подходящей для данного текста, поэтому в представленном фрагменте был выбран метод описательного перевода:

<p><i>Die passt perfekt zur gelassenen Grundeinstellung der altbayerischen Lebensart: Man nimmt sich nicht groß was vor, schaut hierhin und dorthin, bestellt sich eine Maß, packt die mitgebrachte Brotzeit aus und lässt den lieben Gott einen guten Mann sein!</i> [1. S. 16]</p>	<p>Это идеально описывает основную идею образа жизни баварцев: затеять что-то небольшое, взглянуть по сторонам, заказать себе литровую кружку пива, развернуть принесенный с собой перекус и просто ни о чем не заботиться!</p>
--	--

Существенно отметить, что в рассматриваемом тексте встречаются диалектизмы, лексические единицы, употребляемые в определенной местности [18. С. 203], которые являются неотъемлемой частью баварского немецкого языка. Трудность заключалась в том, что прежде необходимо было выяснить значение баварского слова на немецком и только потом искать эквиваленты на русском языке: *Wenn ein Biergarten eine Seele hat, fühle ich mich dort gleich wie dahoam* [1. S. 25]. В случае с лексической единицей *dahoam* в онлайн-словаре *Deutsch-Bayerisches Wörterbuch* [19] в качестве немецкого эквивалента было выбрано наречие *daheim* (в переводе на русский язык – «у себя дома», «на родине»). Соответственно предлагается следующий перевод предложения на русский язык: «Если у Биргартена есть душа, то там я чувствую себя **как дома**» В случае перевода другого слова, *Zuagroaste*, был избран прием описательного перевода, так как в русском языке не существует

эквивалента к данному слову, поэтому возможным было только описать его значение:

<p><i>Sie war zwar eine Zuagroaste aus dem hohen Norden, aber sie hat lange genug in München gelebt, um mit der bayerischen Lebensart zu sympathisieren [1. S. 25].</i></p>	<p>Она родилась на севере Германии, но прожила в Мюнхене достаточно долго, чтобы полюбить баварский стиль жизни.</p>
--	---

В заключение следует отметить, что перевод публицистических текстов глуттонического дискурса является интересным и перспективным направлением в переводческой деятельности в настоящее время. Это обусловлено в первую очередь активным развитием туристической индустрии, стремлением большого количества людей к познанию культур других государств и наций. Гастрономия – важная часть культуры каждой страны и каждого народа, поэтому неудивительно, что интерес к ней растет с каждым днем. Текст гастрономического справочника К. Мучелькнаус «Где в Баварии вкуснее всего» содержит в себе целый ряд переводческих трудностей (прежде всего на лексическом уровне), решить которые возможно при кропотливой работе, дополнительном изучении материалов по теме и исследовании культурных особенностей региона.

Библиографический список

1. Mutschelknaus K. Wo's in Bayern am besten schmeckt! München: ZS Verlag GmbH, 2018. 128 S.
2. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
3. Глазкова Т.Н. Стили речи: Учебное пособие для бакалавров. М.: Издательство «Согласие», 2015. 53 с.
4. Немецкая кухня // Электронный ресурс Интернет: <http://kulina.ru/articles/national/german>.
5. Merkmale des Bairischen // Электронный ресурс Интернет: <http://bairische-sprache.at/RemarawengBoarischLehren/Merkmale>.
6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

7. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 489 с.
8. Географическая энциклопедия // Электронный ресурс Интернет: <http://dic.academic.ru>.
9. Лепинг Е., Филичева Н., Цвиллинг М., Москальская О. Большой немецко-русский словарь в 2-х томах. М.: Русский язык – Медиа, Дрофа, 2010. Т. 1 – 1066 с. Т. 2 – 1004 с.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Издательский Дом «Филология три», 2002. 303 с.
11. Wittensberger A. Wörterbuch Österreichisch-Deutsch. Salzburg: Residenz Verlag mbH, 2018. 96 S.
12. Kleinmayer K.-G. Langenschneidt. Liliput. Bairisch. München: Langenschneidt GmbH Co. KG, 2016. 384 S.
13. ZDF.de // Электронный ресурс Интернет: <https://zdf.de/kuechenschlacht>.
14. Матч ТВ // Электронный ресурс Интернет: <http://matchtv.ru>.
15. DUDEN: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim: Dudenverl., 1992. 486 S.
16. Den lieben Gott einen guten Mann sein lassen // Электронный ресурс Интернет: redensartenindex.de/synonyme/den_lieben_Gott_einen_guten_Mann_sein_lassen.
17. Фразеологизмы русского языка // Электронный ресурс Интернет: https://orfogrammka.ru/шпаргалки/фразеологизмы_русского_языка/.
18. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986. 342 с.
19. Deutsch-Bayerisches Wörterbuch // Электронный ресурс Интернет: <https://deutsch-bairisch.de/>.

Сведения об авторах

Сакулина Елена Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: sakulinae@mail.ru

Веревкина Александра Андреевна
студент 3 курса переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: aleksandra_ver@mail.ru

УДК 81'23:316.772

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛЧАНИЯ В СИТУАЦИИ ИЗВИНЕНИЯ

Ю.В. Туфанова

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск*

Т.Б. Маклакова, М.Н. Чупановская

Иркутский государственный университет, Иркутск

Статья посвящена молчанию как невербальному компоненту ситуации извинения. Исследование осуществлено в рамках коммуникативно-прагматического подхода. На основании проведенного анализа выявлены основные функциональные характеристики молчания, рассмотрен его стратегический аспект, а также установлена зависимость кооперативной / конфликтной направленности молчания от целей и установок коммуникантов.

Ключевые слова: молчание, ситуация извинения, конфликт, невербальный, коммуникативный.

The Functional and Pragmatic Potential of Silence in Expressing Apology Yuliya Tufanova, Tatyana Maklakova, Mariya Chupanovskaya

The article discusses silence as a non-verbal component of expressing apology within the framework of the communicative-pragmatic approach. The authors identify the main functional characteristics of silence, consider its strategic aspects, and describe the correlation of cooperative / conflict-inducing types of silence with goals and attitudes of communicants.

Key words: silence, expressing apology, conflict, nonverbal, communicative.

В фокусе многих современных антропоцентрических лингвистических исследований находится *Homo loquens* – «человек говорящий» [1. С. 12; 2; 3; 4; 5; 6], так как «самое человеческое, что есть в человеке» – это речь [1. С. 279]. Однако отсутствие вербального компонента также становится значимым в естественной коммуникации. Молчание часто рассматривается как нулевой знак, материальная невыраженность формы не отрицает наличие плана содержания [7]. Кроме того, молчание естественно, так как сопровождает человека на протяжении всей его жизни и является необходимым условием коммуникации: когда мы молчим, мы предоставляем другим возможность высказаться [8].

М. Кита отмечает, что «в польском языке существует оппозиция “молчание~тишина” (*milczenie~cisza*)»: тишина – отсутствие звуков, неотъемлемая часть природы, а молчание – атрибут деятельности человека, в частности процесса общения [8].

Коммуникация – сложный социально-психологический процесс, который осуществляется с помощью не только вербальных, но и невербальных средств [9. С. 47]. Молчание как невербальный компонент коммуникации давно привлекает к себе внимание исследователей. Однако до сих пор не существует единой точки зрения, единого подхода к определению сущности и роли молчания в межличностной коммуникации. Некоторые исследователи категорически отрицают наличие в молчании какого-либо коммуникативного смысла. Так, сторонники математической теории (С. Шеннон, У. Уивер) определяют молчание как полное отсутствие коммуникации, паузу в процессе общения. Другие ученые признают существование коммуникативно значимого молчания (П. Вацлавик, Н.Д. Арутюнова, Л. Аноли, М. Савиль-Труак, Т. Бруно, В.В. Богданов и др.). Но при этом подходы к определению его функционального значения существенно различаются.

В данной статье мы рассматриваем молчание как невербальный компонент коммуникативной ситуации извинения. Актуальность выбранной темы определяется:

- 1) направленностью современной лингвистической науки на исследование проблем как вербального, так и невербального речевого поведения;
- 2) необходимостью расширения знаний о закономерностях осуществления межличностных интеракций невербальным способом;
- 3) значимостью ситуации извинения в различных сферах человеческого общения;
- 4) недостаточной разработанностью вопросов, связанных с невербальным взаимодействием партнеров в ситуации извинения.

Целью данной работы является выявление функционально-прагматического потенциала молчания в коммуникативной ситуации извинения.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) уточнить аппарат исходных понятий, необходимых для исследования;

- 2) систематизировать результаты эмпирических исследований, релевантных тематике работы;
- 3) описать общую модель коммуникативной ситуации извинения;
- 4) провести анализ коммуникативно-прагматических особенностей молчания в ситуации извинения;
- 5) выявить основные функциональные характеристики молчания в коммуникативной ситуации извинения.

Для решения поставленных задач использовался комплекс эмпирических и теоретических методов исследования, включающих методику моделирования, наблюдения и интерпретации, а также функционально-семантического анализа.

Материалом исследования послужили данные из словарей и энциклопедических изданий, тексты интернет-сайтов, тексты художественной литературы русских и англоязычных авторов (общим объемом 7643 страниц). Исследовательский корпус составил около 1300 примеров диалогической речи.

В современной науке существует много подходов к анализу феномена молчания. П. Вацлавик одним из первых стал говорить о коммуникативном молчании. Его выражение «Нельзя не общаться» стало афоризмом. Он утверждает, что в коммуникативном контексте важны не только слова, их сочетания, их значения, но и невербальные компоненты. Молчание влияет на окружающих так же, как действие. Молчание – это форма общения, которая отражает желание или нежелание вступить в процесс коммуникации. По его мнению, молчание выполняет метакоммуникативную функцию. Возникновение молчания в процессе межличностной коммуникации является «приглашением» интерпретировать его значение [10].

Адресат, обладая коммуникативной компетенцией и будучи способным к соотнесению и сопоставлению фрагментов речи, воспринимает информацию, заложенную в акте молчания. «Коммуникативное молчание» приобретает смысл в определенной прагматической ситуации, с помощью речевого фона, мимического аккомпанемента, жестов [11. С. 418, 429].

С. Аноли рассматривает молчание с несколько иной точки зрения. По его мнению, молчание – это стратегический способ общения, принадлежащий к категории невербальной коммуникации. Оно передаёт информацию косвенно, посредством модальной

функции [12]. Адресат расшифровывает её, основываясь на знании коммуникативного контекста в целом.

Коммуникативное молчание равносильно акту высказывания, поскольку несет в себе определенную информацию. Оно является коммуникативно значимым, если используется намеренно и осознанно с целью передачи конкретной информации. Исследовать подобное молчание возможно лишь в процессе межличностной коммуникации, поскольку оно является значимым прерыванием речевой цепи [11]. В данной статье молчание изучается как средство межличностного общения в коммуникативной ситуации извинения, поэтому представляется необходимым рассмотреть общую модель данной ситуации. Она «характеризуется наличием следующих компонентов:

1) двух, как минимум, партнеров по общению: адресанта (человека, который приносит извинение) и адресата (того человека, к которому направлено извинение);

2) ущерба (потенциального / реального);

3) цели общения;

4) коммуникативных обстоятельств;

5) вербального и / или невербального выражения коммуникативных интенций собеседников» [13]. Выделенные структурные компоненты ситуации извинения находятся между собой в отношениях взаимовлияния и взаимозависимости [13]. При этом для лингвистического анализа значима не только сама коммуникативная ситуация, но и ее интерпретация участниками межличностного взаимодействия. Важно учитывать факт «взаимной детерминированности» их поведения [8], а также те конкретные особенности коммуникативной ситуации, которые могут воздействовать на корректное понимание значения коммуникативного поведения, интенций и целей говорящего [14. P. 20, 22].

В коммуникативной ситуации извинения адресант целенаправленно пытается воздействовать на адресата, пытаясь изменить его отношение к совершившемуся факту (поступку), повлиять таким образом на его психоэмоциональное состояние. Нередко первой реакцией на коммуникативное поведение адресанта является эмоция [15]. И, если у адресата меняется мнение о совершённом поступке, то меняются и эмоции. Извиняясь, адресант

пытается воздействовать на адресата, желает изменить его психоэмоциональное состояние, чтобы адресат простил / извинил его [13].

Для достижения этой цели адресант может использовать молчание в комплексе с другими невербальными компонентами общения.

Однако корпус проанализированных нами примеров показывает, что в рассматриваемой ситуации чаще используется коммуникативно значимое молчание адресатом, нежели адресантом [13]. Семантика молчания в этом случае многообразна: гордость, напряжение, страх, ужас, отчуждение, гнев, недоумение, удивление, волнение, шок, смущение, обида, гордость, презрение, раскаяние, ненависть, непонимание, озлобленность и многое другое. Исходя из этого, мы можем предполагать, что человек, который молчит, имеет причину и цель своего молчания. В ситуациях, когда собеседник не имеет точной информации о причине молчания адресата, иногда возникает проблема недопонимания между ними. Это, в свою очередь, может привести к нарушению передачи информации. И здесь особую роль играет то, насколько слова участников межличностного взаимодействия соответствуют их невербальным сигналам, так как они обычно демонстрируют истинное психоэмоциональное состояние, реальные интенции участников.

Итак, молчание в ситуации извинения – это определенное коммуникативное действие, так как оно имеет конкретную цель, намерение, мотив и направлено к адресату. Будучи единицей общения, коммуникативно значимое молчание выполняет определённые функции. Мы полагаем, что молчание как невербальный компонент общения в исследуемой ситуации может выполнять эмотивную и коммуникативную функции (в терминах И.Н. Горелова). Эмотивная функция состоит в отражении психоэмоционального состояния собеседников, коммуникативная – в осуществлении непосредственно межличностной интеракции (в нашем случае – невербальное выражение извинения адресантом и реакции адресата) [16].

Поскольку ситуация извинения относится к конфликтным / потенциально конфликтным коммуникативным ситуациям [13], следует отметить, что молчание, используемое адресатом извинения, относится к «куртуазной стратегии» (термин К.Ф. Седова) речевого поведения в конфликтных ситуациях, которая

выбирается бессознательно и отражает особенности его личности. В качестве основы типологии К.Ф. Седов использует «особенность аффективного поведения, которую использует языковая личность для снятия фрустрации». Куртуазная стратегия конфликтного поведения соотносится с повышенной семиотичностью, что обусловлено тяготением коммуниканта к этикетным формам социального взаимодействия [17].

Коммуникативно значимое молчание не всегда способствует гармонизации отношений между собеседниками. Как правило, оно вносит дисгармонию, а иногда и враждебность в межличностное взаимодействие [11. С. 426]. Например:

– *Нет, да я не хотел вас обидеть.*

Но Никодимов повернулся и отошел в дальний угол [18. С. 98].

В данной ситуации адресант терпит коммуникативную неудачу, поскольку в ответ на его извинение, выраженное высказыванием со значением ненамеренности совершенного поступка («я не хотел вас обидеть»), адресат молча отворачивается и уходит («Но Никодимов повернулся и отошел в дальний угол»). Адресат бессознательно выбирает куртуазную стратегию поведения в конфликте, обладающую повышенной семиотичностью. В частности, его реакция выражается молчанием, которое используется в данной ситуации намеренно, осознанно и свидетельствует о состоянии психоэмоционального дискомфорта. Отсутствие вербальной реакции адресата говорит, скорее всего, о том, что он не удовлетворен извинением и, следовательно, конфликт не улажен. Таким образом, невербальное речевое поведение адресата выполняет, помимо эмотивной, коммуникативную функцию, поскольку является ответом на извинение адресанта.

Обратимся к другому примеру:

– *Sorry, – he said to the old man.*

The old man smiled sadly and skeptically, accustomed to ingratitude, and hunched off into the rain [19. P. 372].

В данном случае адресант использует этикетную формулу извинения (*Sorry*). Реакция адресата является невербальной, относящейся к куртуазной стратегии поведения в конфликте. В частности, она выражается молчанием, сопровождаемым печальной и скептической улыбкой (*The old man smiled sadly and skeptically*), что является косвенным свидетельством неприятия извинения. Подобная

комбинация молчания и мимики служит средством реакции на извинение адресанта и выполняет, кроме эмотивной, еще и коммуникативную функцию.

Рассмотрим ещё одну ситуацию:

– *I am sorry. I hope you will see fit to say nothing to your husband of my visit – it will be advisable that you should keep your own counsel in the matter. I value his friendship very highly, and I am sincerely sorry.*

Jennie only stared at the floor. Mr. O'Brien went out into the hall to get his coat [20. P. 288].

В приведённом примере адресант для извинения выбирает этикетную формулу (*I am sorry*), произносимую дважды и сопровождаемую интенсификатором (*sincerely*), что должно было бы усилить воздействующий потенциал извинения. Однако коммуникативно значимое молчание адресата, которое сопровождается взглядом вниз (*Jennie only stared at the floor*) говорит о том, что извинение не принято. Невербальные средства коммуникации в данном случае отражают психоэмоциональное состояние адресата, а также замещают речь, выполняя, следовательно, эмотивную и коммуникативную функции.

Как показывают вышеприведённые примеры, в межличностной коммуникации молчание может иметь различные отрицательные эмоциональные и смысловые оттенки. Тем не менее иногда молчание является показателем кооперативного поведения. Наше исследование показывает, что солидарность с собеседником (принятие извинения) молчание выражает только вместе с жестовыми, мимическими и другими невербальными средствами репрезентации речевого поведения. Например:

– *Вы не обижайтесь на меня!.. – быстро прибавил он, добродушно улыбаясь и крепко пожимая обеими руками руку Даева. <...>.*

Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева [21. С. 553].

В данной ситуации адресант извиняется за произнесенные резкие слова. Извинение выражается при помощи высказывания «Вы не обижайтесь на меня!», сопровождаясь невербальными компонентами общения, накладывающимися на смысл самого высказывания и усиливающими воздействующий потенциал извинения, такими как улыбка («добродушно улыбаясь») и

рукопожатие («крепко пожимая обеими руками руку Даева»). При этом улыбка адресанта отражает его психоэмоциональное состояние, выполняя эмотивную функцию. Адресат извинения в качестве реакции использует только невербальные средства, в частности молчание, смех и рукопожатие («Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева»). Комбинация этих невербальных компонентов имеет положительный характер и косвенно свидетельствует о принятии извинения. Другими словами, невербальные компоненты речевого поведения адресата выполняют, кроме эмотивной, коммуникативную функцию, поскольку способствуют осуществлению процесса общения, замещая собой речь.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Являясь невербальным средством коммуникации, молчание становится одним из неотъемлемых компонентов нашего общения. Оно многозначно и многофункционально.

В коммуникативной ситуации извинения молчание содержит в себе интенциональные, эмоциональные, социальные и другие компоненты, которые являются фактором эмоционально-психологического воздействия на собеседника. С другой стороны, коммуникативное молчание значимо прерыванием речевой цепи, оно является средством межличностного взаимодействия, то есть оно несёт особую смысловую нагрузку и способно выполнять коммуникативную функцию. Поэтому молчание – это не отсутствие речи, а передача информации определенным способом. Чтобы верно декодировать эту информацию, собеседнику нужно учитывать все нюансы конкретной речевой ситуации, так как молчание способно воздействовать на адресата как положительно, так и отрицательно.

Основными функциями, выполняемыми коммуникативно-значимым молчанием в ситуации извинения, являются:

1) эмотивная функция, так как молчание является отражением таких психоэмоциональных состояний коммуникантов, как гордость, напряженность, страх, ужас, отчужденность, гнев, недоумение, удивление, волнение, потрясение, смущение, обида, гордость, презрение, раскаяние, ненависть и многих других;

2) коммуникативная функция, так как молчание служит средством выражения реакции адресата – принятия извинения (только в комбинации с другими невербальными средствами общения) или непринятия извинения.

Комбинация коммуникативно значимого молчания и других невербальных средств общения в данной ситуации иногда непосредственно выражает коммуникативную интенцию извинения.

В целом межличностное взаимодействие в ситуации извинения опирается как на вербальное, так и на невербальное речевое поведение собеседников, является отражением их психоэмоциональных состояний, межперсональных взаимоотношений, а также несет на себе отпечаток личностей партнеров по общению. Молчание, используемое адресатом извинения, относится к куртуазной стратегии речевого поведения в конфликтной коммуникативной ситуации. Эта стратегия поведения выбирается адресатом бессознательно и отражает особенности его личности.

Библиографический список

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2006. 304 с.
2. Reich W. The Cooperative Nature of Communicative Acts // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. P. 349–1365.
3. Felemban F.H. Building up Learners' Communicative Competence: the Politeness Principle // *Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 70–76.
4. Krauss R.M., Chen Y.S, Chawla P. Nonverbal behavior and nonverbal communication: What do conversational hand gestures tell us? // *Advances in experimental social psychology*. 1996. Vol. 28. P. 389–450.
5. Nowicki S., Duke M.P. Individual-differences in the nonverbal-communication of affect-the diagnostic-analysis of nonverbal accuracy scale // *Journal of nonverbal behavior*. 1994. Vol. 18. P. 9–35.
6. Russell A., Bachorowski J.A., Fernandez-Dols J.M. Facial and vocal expressions of emotion // *Annual review of psychology*. 2003. Vol. 54. P. 329–349.
7. Якобсон Р. Нулевой знак // *Избранные работы*. М., 1985. С. 222–230.
8. Кита М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка // *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 159–177.

9. Рыжкова Т.С. Коммуникативные аспекты вербальной и невербальной репрезентации *Freundlichkeit* // Иностранные языки и межкультурная коммуникация: роль и место в современном образовании. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «ХГУ», 2014. С. 47–53.
10. Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D. *Pragmatics of human communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes.* New York: Norton & Co., 1967.
11. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.
12. Anolli L. *La comunicazione non verbale* // *Psicologia della Comunicazione.* Bologna: il Mulino, 2002. P. 207–241.
13. Tufanova Yu.V. Peculiarities of interlocutors' verbal communicative behavior in apology situation // *SHS Web of Conferences.* Vol. 50. 2018 // Электронный ресурс Интернет: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001189>.
14. Van Dijk T.A. *Discourse and context: A sociocognitive approach.* Pompeu: Fabra University, 2008. P. 1–267.
15. Halperin E., Tagar M.R. Emotions in conflicts: understanding emotional processes sheds light on the nature and potential resolution of intractable conflicts // *Current Opinion in Psychology.* 2017. Vol. 17. P. 94–98.
16. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: КомКнига, 2006. 112 с.
17. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/>.
18. Вересаев В.В. *Поветрие* // *Повести. Рассказы.* М.: «Правда», 1980. С. 91–110.
19. Shaw I. *The Troubled Air.* New York: Dell Book, 1987. 510 p.
20. Dreiser T. *Jennie Gerhardt.* М.: Progress Publishers, 1972. 359 p.
21. Зайцев Б.К. *Голубая звезда* // *Дальний край. Роман. Повести и рассказы.* М.: Современник, 1990. С. 551–654.

Сведения об авторах

Туфанова Юлия Валерьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
для гуманитарных специальностей
ИЛИМК ИрНТУ
E-mail: ttufanova@mail.ru

Маклакова Татьяна Борисовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики
и лингводидактики МИЭЛ ИГУ
E-mail: tanya-834@mail.ru

Чупановская Мария Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и общего языкознания ИФИЯМ ИГУ
E-mail: mariya-chupanovskaya@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.134.2(7/8)“19/20”

ИСПАНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РОМАНЕ РОЛАНДО ИНОХОСЫ *ESTAMPAS DEL VALLE Y OTRAS OBRAS*

М.И. Баранова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается адаптация испанского литературного наследия в первом романе Роландо Инохосы *Estampas del valle y Otras Obras* (1973) и его английском варианте *the Valley* (1983). Писатель создает свой роман в традициях испанского костюмбризма, обращается к наследию плутовского романа, наделяя одного из главных персонажей и повествователей чертами пикаро. В статье прослеживается развитие испанского «эстампа» от его появления в качестве разновидности графического искусства до перехода в литературный жанр, который был заимствован и модифицирован латиноамериканскими авторами, а позже вошёл в практику авторов-чиканос.

Ключевые слова: мексикано-американская литература, чикано, Роландо Инохоса, эстампа, костюмбризм.

Spanish Literary Heritage in ‘*Estampas del valle y Otras Obras*’ by Rolando Hinojosa Maria Baranova

The article looks at the adaptation of Spanish literary heritage in Rolando Hinojosa’s first novel ‘*Estampas del valle y Otras Obras*’ (1973) and its English version ‘*The Valley*’ (1983). Rolando Hinojosa created the novel in the tradition of Spanish ‘*Costumbrismo*,’ employing the genre of the picaresque novel and turning one of the main narrators into a *picaro* type. The paper examines the development of ‘*estampa*’ as a literary genre, adopted and modified by Latin American and Chicano authors, tracing its origins to a variety of printmaking techniques.

Key words: Mexican-American literature, chicano, Rolando Hinojosa, estampa, *Estampas del valle*, costumbrismo.

Роландо Инохоса (*Rolando Hinojosa-(Smith)*, р. 1929) – мексикано-американский писатель, лауреат премии независимого издательства литературы чикано *Quinto Sol*, обладатель литературной премии *Casa de las Américas* и автор цикла романов *Klail City Death Trip Series* – неоднократно говорил о том, что является продуктом

двух культур: *I come from these two cultures, I'm a product – albeit not a finished one, yet – of them, I cannot be anything else, and I choose not to be anything else other than what I am* [1. P. 14]. Его мать Кэрри Эффи Смит, англо-американка, приехала с родителями в Долину (англ. *the Valley* – область США, в которую входят четыре округа на юге штата Техас), в младенческом возрасте, а семья его отца Мануэля Гусмана Инохосы проживала на территории Техаса уже с XVIII века, когда испанские предки Инохосы прибыли на континент под предводительством лейтенанта Хосе де Эскандона, основавшего поселение Нуэво Сантандер. С раннего детства Инохоса испытывал двойное влияние: американской и мексиканской культур, что не могло не отразиться на его творчестве: в романах Инохосы сосуществуют традиции южного и нового латиноамериканского романов. Однако не меньший отпечаток на творчестве Инохосы оставила испанская культура и литература.

В своей научной деятельности Роландо Инохоса подробно изучал испанскую литературу. В выпускной магистерской работе 1963 года будущий писатель исследовал устную традицию в «Дон Кихоте», а его диссертация 1969 года посвящена одному из наиболее продуктивных испанских авторов XIX века, крупнейшему представителю реализма в Испании, писателю Бенито Пересу Гальдосу (*Benito Pérez Galdós*), хроникеру своего времени, автору «Национальных эпизодов» (исп. *Los Episodios nacionales*, 1872–1912), повествующих об истории Испании, начиная с Трафальгарской битвы и заканчивая падением либералов и Первой Испанской республики. Работая над диссертацией на соискание ученой степени, Инохоса изучает кастильские хроники XV века, а именно «Поколения и жизнеописания» (исп. *Generaciones y semblanzas*, 1450–1455) Фернана Переса де Гусмана (*Fernán Pérez de Guzmán*) и «Славные мужи Кастилии» (исп. *Claros varones de Castilla*, 1468) Фернандо дель Пульгара (*Fernando del Pulgar*) [2. P. 155], представляющие собой серии биографических зарисовок о доблестных и добродетельных героях прошлого, описание подвигов и неудач которых носило дидактический характер. Позже Инохоса вновь обратится к этим романам, используя их в качестве аллюзии для названия своих собственных произведений – *Generaciones y semblanzas* (1977), новое издание романа *Klail City y sus alrededores* (1976) и *Claros varones de Belken* (1986).

Свой цикл романов Инохоса называет хроникой (исп. *cronicón*), объясняя это тем, что обращение к испанской хронике дало ему больше свободы для повествования о повседневной жизни мексиканцев, населяющих его художественной мир. Четырнадцать романов Инохосы, созданные в традициях костюмбризма (от исп. *costumbre* – «обычай»), целью которого является изображение быта и нравов жителей той или иной области, своеобразия их образа жизни, охватывают историю чиканос начиная с середины XVIII века и заканчивая началом XXI. Место действия «хроники» – вымышленный округ Бэлкэн (англ. *Belken County*) на границе США и Мексики с административным центром – городом Клейл-Сити (*Klail City*), в котором разворачивается большая часть событий цикла. Начиная с XVIII века на этой территории велась непримиримая борьба между тремя группами: первыми поселенцами, предки которых, как и самого Инохосы, прибыли на континент под предводительством Эскандона и получили землю от короля Испании, англичанами, крупными скотоводами, которые захватили власть и на протяжении долгого времени контролировали политическую и экономическую жизнь города и округа, и мексиканцами, которые, прибыв век спустя, перешли на сторону англичан в споре за землю. На этом историческом фоне разворачиваются события, связанные с двумя главными персонажами – Рафе или Рафа (Рафаэль) Буэнростро (*Rafe Buenrostro*) и Хэу Малькара (*Jehú Malcara*), которые родились в 30-е годы XX века в мексикано-американской общине, проживающей на территории глубоко сегрегированного южного Техаса [3].

Функция Рафе Буэнростро (букв. «хорошее лицо») в романе близка к роли резонера. Несмотря на множество масок, за которыми Инохоса скрывается в своих романах, трудно не заметить биографические параллели между автором и персонажем. В то время как второй главный персонаж Хэу Малькара (букв. «плохое лицо») представляет собой современного пикаро, вышедшего из испанского плутовского романа. На пути становления Хэу переживает все классические плутовские перипетии. Оставшись сиротой в семилетнем возрасте и не получив приглашения стать частью семьи от своих родственников, он вынужден уехать с передвижным цирком, чтобы самому зарабатывать себе на жизнь, затем – стать послушником в католической церкви, которую он впоследствии бросает ради жизни в скитаниях с протестантским проповедником.

Будучи плутом, Хэу, однако, не становится беспринципным приспособленцем, он не теряет свои моральные принципы. На его пути встречаются представители всех слоев и профессий, но Хэу даже в детском возрасте понимает разницу между жадным и озлобленным священником Доном Педро и бескорыстным и добросердечным проповедником братом Имасом.

Первый роман *Estampas del valle y otras obras* появился в 1973 году, позже в 1983 году вышел его англоязычный вариант *the Valley*, а в 1994 году – новое издание под сокращенным названием *Estampas del valle*. Испанский вариант романа состоит из 4 частей: *Estampas del valle* (анг. *An Olio*), *Por esas cosas que pasan* (анг. *Sometimes It Just Happens That Way*), *Vidas y milagros* (анг. *Lives and Miracles*), *Una vida de Rafe Buenrostro* (анг. *Rafe Buenrostro*) – и насчитывает 24 фрагмента или отрывка, имеющих разную форму, включая описания персонажей, диалоги, монологи, новостные заметки, заявления и юридические документы.

В первой и третьей частях Инохоса обращается к биографическим зарисовкам, *semblanzas* (букв. «сходство, похожесть») или *bosquejos descriptivos* (исп. «описательные эскизы»), появившимся в жанре испанской хроники XV века, в которых описывается внешность персонажей и раскрываются их характеры. Используя диалоги, монологи, описания и дневниковые записи, Инохоса создает образы персонажей, появляющихся и исчезающих на протяжении всего цикла романов, предельно емко: каждый фрагмент занимает от нескольких предложений до нескольких страниц. Также для описания нравов и обычаев членов общины Инохоса использует костюмбристские «зарисовки из жизни» (исп. *cuadros de costumbres*, англ. *sketches of manners*), изображающие встречи и общение чиканос в различном социальном контексте: в гостях, на площади, в баре, в цирке, на похоронах.

Вторая часть романа повествует об убийстве в баре, когда спокойный и надежный Бальдемар Кордеро, опора матери и сестры, не помня себя, закалывает ножом Эрнесто Тамеса, который на протяжении долгих лет над ним издевался. Трагическое для всех членов общины событие показано с точки зрения семьи обвиняемого с использованием разных форм: газетных заметок, монологов Бальдемара и его сестры, обращенных к адвокату, а также заверенных письменных показаний зятя.

Четвертая часть состоит из 30 миниатюр из детства и юности одного из главных персонажей, Рафе Буэнростро, каждая из которых представлена не более, чем пятью предложениями.

Совокупность таких разных историй, написанных в разных формах и повествовательных техниках, Инохоса объединил под названием *Estampas* (эстампы). Согласно исследованию Борха Родригеса Гутьерреса (*Borja Rodríguez Gutiérrez*), слово «эстампа» окончательно закрепляется в испанской литературе в 30-х годах XIX века, когда в Испании появляется техника копирования изображений, литография и торцевая гравюра, которую издательства начали активно внедрять в производство книг и газет. Так, например, в обязательном порядке изображениями сопровождалась военные хроники. Эстампы стали необычайно популярны среди небогатых слоев населения, вследствие чего представители буржуазии, у которых эстамп теперь ассоциировался с бедностью и вульгарностью, потеряли к ним интерес.

Художественный эстамп в изобразительном искусстве дает начало «эстампе» как литературному жанру. Появляется понятие «народные эстампы» (исп. *estamperia popular*), которые были представлены несколькими разновидностями: «эстампа» (исп. *estampa*), «аллилуйя» (исп. *aleluya*) и «шеренга солдат» (исп. *hilera de soldados*). Эстампой, как правило, называли эстампы в художественных произведениях, дополняющие текст, которые со временем сами стали «носителями» истории, их начали печатать отдельно с небольшой подписью, а иногда и без нее. В результате даже необразованная часть населения, которая не умела читать, знала, например, сюжет повести Франсуа Рене де Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей в пустыне» (1801) [4]. Так называемые «шеренги солдат» представляли собой листы с изображением напечатанных в ряд солдатиков в форме разных стран, которых дети и взрослые коллекционировали и вырезали для развлечения.

Наибольший интерес представляет развитие жанра «аллилуйя». Как видно из названия, аллилуйями назывались эстампы религиозной тематики, заимствованные из Франции еще в XVI веке, с надписью «аллилуйя», которые использовали во время религиозных процессий, а также распространяли в дидактических целях. С течением времени произошла генерализация тематики, и от религиозной направленности этого эстампа осталось только название. Аллилуйи

представляли собой набор виньеток (исп. *viñeta*) или эстампов, маленьких картинок, расположенных на одном листе в хронологическом порядке (наиболее частой разновидностью были аллилуйи из 48 виньеток на странице). Сначала они были только пронумерованы, а позднее под каждой виньеткой появилась надпись, обычно в стихах. Чаще всего в них встречались восьмисложные двустишия с очень простой навязчивой рифмой, реже использовались трехстишия и четверостишия, полноценным текстом такие эстампы сопровождалась крайне редко. Аллилуйи были особенно популярны среди детей, для которых они были первым шагом на пути к чтению и литературе. Не менее важную роль аллилуйи играли в образовании взрослых, которые также учились читать, для них эта разновидность эстампы стала источником знаний о литературе, искусстве, исторических событиях. Аллилуйи изображали обычаи народа («костумбристские аллилуйи»), памятники архитектуры, важные события, праздники [5].

Главными распространителями эстампы и аллилуйи становятся сами производители эстампов, которые продавали эстампы в виде сложенного пополам листа бумаги, прикрепленного к веревке прищепками, чтобы покупателям было удобнее их смотреть. В связи с этим эстампу и аллилуйю часто относят к «литературе на веревке» (исп. *literatura de cordel*), которая появилась в Португалии и Испании в XVI веке, и представляла собой стихи о повседневной жизни, исторических или религиозных событиях, позднее перешедшие в драматические произведения театра Золотого века. Продавцы исполняли эти стихи, аккомпанируя себе на различных музыкальных инструментах. С развитием почты и транспорта эта разновидность эстампы достигла всех уголков Испании и вышла за ее пределы, попав в испанские колонии на территории Латинской Америки, в том числе Новую Испанию, которая позднее стала Мексикой.

Издатель первого романа Роландо Инохосы Эрминьо Риос (*Herminio Ríos*) во вступлении к роману писателя замечает, что до Инохосы термин «эстампы» применительно к своему творчеству использовал мексиканский писатель Хулио Торри (*Julio Torri*, 1889–1970). Творчество Торри также изучено мало, некоторые англоязычные исследователи называют его короткие произведения *sketches* (скетчи), проводя аналогии с поэмами в прозе Оскара Уайльда, не принимая во внимание возможное влияние на автора

традиции испанского «эстампа». Произведения Торри, действительно, похожи на поэмы в прозе, автор использует много эпитетов, аллитерацию, создает ритм произведения, организует текст в короткие строки, приближенные к строфам, в то время как роман Инохосы *Estampas del valle* лишен всех вышеуказанных характеристик. На первый взгляд писатели по-разному интерпретируют эстампу в своем творчестве, можно отметить, что оба писателя предпочитают небольшой формат произведений, хотя у Инохосы – это короткие фрагменты внутри единого романа, а у Торри – отдельные произведения. Однако сравнение творчества Торри и Инохосы требует отдельного пристального рассмотрения.

Выбор Инохосы в пользу эстампы можно объяснить его авторской установкой. В своих романах и интервью писатель неоднократно заявлял, что для него первостепенное значение имеет чувство принадлежности к общине (англ. *sense of place*), и именно люди Долины – это ключ к пониманию его творчества: *For the writer – this writer – a sense of place was not a matter of importance; it became essential. And so much that my stories are not held together by the peripeteia or the plot as much as by what people who populate the stories say and how they say it, how they look at the world out and the world in: and the works, then, become studies of those perceptions and values which in turn were fashioned and forged by the place and the history* [6. P. 21].

Каждый отдельный фрагмент, или эстампа, вводит новых персонажей, которые, на первый взгляд, никак не связаны между собой, однако вместе они позволяют увидеть картину целиком, понять, кто же такой чикано и что из себя представляет мексикано-американская община. Роман Инохосы становится похожим на лоскутное шитье, в котором совершенно разные фрагменты образуют единство цвета и рисунка, только будучи собранными вместе: *Belken County Texas is part of the world, and so, it's no different; its people are packaged in cellophane and they, too, come in all sizes, shapes and in choice of colors. Now, since they're human, some are brave, craven, loyal, treacherous, while others are sharp and still others are so dull that it makes you want to throw rocks at them from time to time* [7].

Большое значение в эстампах Инохосы играет пространственно-временной эллипсис. Как эстампы девятнадцатого века, где история рассказывается через набор изображений – виньеток, так и эстампы двадцатого века Инохосы не имеют тесной связи, они всегда несут

определенную степень недосказанности. Такая форма произведения требует от читателя внимания, заставляет работать его силу воображения и направляет активность читательского восприятия. Эллипсисы, или пробелы, заставляют читателя как можно глубже погрузиться в произведение; комбинируя фрагменты текста и перспективы повествования, читатель делает предположения об их возможной связи и развитии романа.

Кроме того, эстампа позволяет писателю добиться большей объективности и беспристрастности изображаемого. Инохоса стремится к тому, чтобы эффект от прочтения его романов был близок к испанской эстампе или в современных реалиях – к документальной фотографии. К такому выводу можно прийти, сравнив испанский и английский вариант книги. В первой версии романа, написанной на испанском, вся необходимая для испаноговорящего читателя информация о романе уже содержится в самом названии *Estampas del valle (y Otras Obras)* (букв. «Эстампы Долины и другие произведения») – здесь и далее перевод наш – М. Б.), в то время как в английской версии, которую Инохоса переписал, а не перевел, он дает необходимые авторские пояснения.

Так, первую часть *Estampas del valle*, фрагменты которой объединены образом главного персонажа Хэу Малькара, он называет не *sketches*, как это часто делают англоязычные исследователи, а *An Olio. One daguerreotype plus photographs* («Иконотека. Дагерротип и фотографии»), подчеркивая «изобразительный» эффект своего романа. Поскольку в английском варианте была изменена последовательность частей, а также содержание некоторых фрагментов, за первой частью следует повествование о Рафе Буэнростро, другом главном персонаже, состоящее из 30 миниатюр из его жизни, которые в силу своей короткой формы (не более 5 предложений) больше остальных напоминают оригинальную эстампу. В ней Инохоса продолжает свое сравнение с фотографиями, предлагая следующее пояснение: *Rafe Buenrostro. Delineations for a first portrait with sketches and photographs* («Рафе Буэнростро. Наброски первого портрета с эскизами и фотографиями»). Документальный характер эстамп в главе *Sometimes It Just Happens That Way*, рассказывающей об убийстве, писатель сравнивает с газетной фотографией *A study of Black and White Newspaper Photographs* («Изучая черно-белые снимки из газет»). Наконец, в

четвертой части *Lives and Miracles. Final entry in the photographic variorum* («Последняя подпись к коллекции фотографий») Инохоса использует слово *variorum*, происходящее от латинского *cum notis variorum* («с комментариями разных людей»), которым называли собрание комментариев или критики, тем самым он создает для англоязычного читателя новую эстампу – *photographic variorum*, т. е. фотографии с подписями.

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день термин «эстампа» не закреплен в современных литературоведческих словарях, хотя нередко встречается в статьях, посвященных творчеству латиноамериканских писателей. Ряд исследователей называют эстампу жанром, но не дают четкого понимания о ее жанровом своеобразии. Например, в своей статье, посвященной времени в *Estampas* Роландо Инохосы, Эдуардо Эспина (*Eduardo Espina*) называет эстампу двойственным литературным жанром, расположенным на пересечении стихотворений в прозе (*poetic prose*) и миниатюры (*minifiction*). Кроме того, наблюдается смешение или подмена понятий: *sketch*, *estampa*, *vignette*. Таким образом, продолжая исследования жанра эстампы, нам предстоит выяснить, обладают ли эстампы Роландо Инохосы лирическим пафосом и повышенной образностью, присущими стихотворениям в прозе, и можно ли их считать разновидностью миниатюры. Кроме того, называя эстампу жанром необходимо определить формально-содержательные свойства этого жанра, а также провести грань между понятиями *estampa*, *sketch* и *vignettes*.

Библиографический список

1. Rolando Hinojosa. A Voice of One's Own // The Rolando Hinojosa Reader: Essays Historical and Critical / Edited by José David Salvidar. Texas: Arte Público Press, University of Houston, 1985. 190 p.
2. Héctor Calderón. Rolando Hinojosa's Cronicón del Condado de Belken // Narratives of Greater Mexico: Essays on Chicano Literary History, Genre, and Borders. Austin: University of Texas Press, 2005. 304 p.
3. Klaus Zilles. Rolando Hinojosa: A Reader's Guide. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2001. 251 p.

4. Borja Rodríguez Gutiérrez. Las estampas literarias decimonónicas. Élités y masas: popularización, contaminación, apropiación y desprecio. Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2016. P. 237–251.

5. Antonio Martín. Cuadernos de Literatura Infantil y Juvenil n 179. Las aleluyas, primera lectura y primeras imágenes para niños en los ss. XVIII y XIX // Электронный ресурс Интернет: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/ano-18-numero-179-febrero-de-2005/bf696c9b-e798-4db4-adce-fd7ddf804b09.pdf>.

6. The Rolando Hinojosa Reader: Essays Historical and Critical. Texas: Arte Público Press, University of Houston, 1985. 190 p.

7. Rolando Hinojosa. The Valley / Estampas del valle. Texas: Arte Público Press, Bilingual Edition, University of Houston, 2014. 256 p.

Сведения об авторе

Баранова Мария Игоревна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы
и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Baranovamarria@gmail.com

УДК 821.112.2“18/19”

**ТОПОС «ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Г. ЗУДЕРМАНА**

Г.И. Родина

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Арзамасский филиал*

В статье представлен анализ топоса «дальние страны» в повествовательных и драматических произведениях Г. Зудермана, в художественном пространстве которых наиболее частотны Америка, Индия, Италия, Испания, Россия, Франция; персонажей, выбравших ту или иную страну; мотиваций их выбора; их личностных качеств и судьбы, что репрезентирует особенности духовной ситуации в Германии переходной эпохи и национальной самоидентификации. В топосе отражались и личные впечатления Зудермана как путешественника.

Ключевые слова: Герман Зудерман, повествовательные и драматические произведения, топос, Америка, Россия, Италия, Индия, Испания.

**The “Faraway Lands” Topos in the Works of Hermann Sudermann
Galina Rodina**

The article analyzes the “faraway lands” topos in Hermann Sudermann’s narrative and dramatic writings, where references are most frequently made to America, India, Italy, Spain, Russia, and France. It analyzes characters who have chosen one or another country, reasons behind their choice, and their personal qualities and fates that represent the unique mental and emotional climate in Germany at the turn of the 19th and 20th centuries, which was a time of transition and national self-identification.

Key words: Hermann Sudermann, narrative and dramatic writings, topos, America, Russia, Italy, India, Spain.

В немецкой литературе на рубеже XIX–XX вв. актуализировался топос «дальние страны» и мотив дороги, ведущей за пределы привычного жизненного пространства, что было связано с конкретными общественно-политическими условиями жизни Германии и ее внешней (прежде всего, колониальной) политикой.

Знаковыми концептуальными топосами в творчестве Германа Зудермана (1857–1928) являются такие страны, как Америка, Россия, Индия, Испания, Италия, Франция и др. Со сборника «Родственники» (*Geschwister*, 1888), который состоит из двух рассказов – «Желание» (*Der Wunsch*) и «История тихой мельницы» (*Die Geschichte der stillen Mühle*), в художественном мире писателя начинается активное передвижение персонажей в пространстве, дороги ведут их далеко за

пределы родного дома. Герои покидают Германию по разным причинам, их разновекторные пространственные перемещения становятся средством преодоления многих жизненных обстоятельств, подчас тупиковых, поэтому дальние страны представляются землей обетованной, где можно начать новую жизнь с новыми перспективами и надеждой на лучшее. Одной из безвыходных ситуаций является непреодолимая чувственная страсть или, по терминологии Зудермана, «дикое желание» (*wilder Wunsch*) [1. S. 105]¹, спасение от которого герои связывают с Америкой. В «Истории тихой мельницы» впервые появляется образ этой далекой страны как реального пространства свободы и надежды, куда устремляются за мечтой или отправляются через океан не только герои Зудермана (Иоганн, Георг Ганкель, Лев Селлентин, Вальтер Прель и т. д.), но и других писателей, например Ф. Шпильгагена (Смит из романа «Новый фараон»).

Иоганн из рассказа «История тихой мельницы» намеревается бежать в Америку. Он страстно влюблен в Гертруду, жену своего старшего брата, но не желает разрушать его семью. Многочисленные дороги, в которых Иоганн искал спасение за пределами дома, не погасили его чувства, лишь путь в Америку оставлял надежду на преодоление «дикого желания», на жизнь там, где нет Гертруды и есть исцеление от душевного разлада, причина которого в противостоянии в Иоганне одинаково сильных чувств – долга и страсти. Но в самом начале выбранного пути герой трагически погибает. Если Иоганн не успел уехать в Америку, то Лев Селлентин (роман «Былое» (*Es war*), 1894) живет там несколько лет. Убив на дуэли мужа Фелиции, своей возлюбленной, он попадает в тюрьму, оттуда отправляется в Америку, чтобы окончательно освободиться от мучительной страсти к этой женщине. Вернувшись домой, он понимает, что страсть вспыхнула с новой силой, и после ряда драматических событий принимает решение вновь уехать за океан.

Сюда же отправляется в поисках лучшей жизни Вальтер Прель из романа «Песня песней» (*Das hohe Lied*, 1908), намеревается это сделать, например, разорившийся землевладелец Мейгефер из романа «Забота» (*Frau Sorge*, 1887). Оставшись с женой и тремя маленькими детьми без земли и крова и обвиняя в случившемся всех окружающих и людскую злобу, а не свое легкомыслие и гордыню, он с раздражением заявляет: «Если бы я был теперь один, холостой, как в

былые времена, я поехал бы в Америку» [2. С. 8]. В рассказе «Свадьба Иоланты» (*Jolanthes Hochzeit*, 1892) барон Георг Ганкель в отчаянии от того, что он дал согласие на женитьбу, после свадебного пира предается бесплодным мечтаниям: «Всего охотнее побежал бы я к своей карете, крикнул бы кучеру: “На станцию!” и уехал бы следующим поездом в Америку или в какое-нибудь другое из тех мест, куда имеют обыкновение исчезать кассиры и блудные сыновья» [3. С. 103]. Таким безопасным местом для них является в произведениях Зудермана и Россия. Из Америки одни возвращаются обогащенными новым пониманием жизни, осознанием чувства долга (Лев), другие остаются там (Вальтер Прель), а кто-то и погибает (писательница Бригитта Сениус из романа «Жена Стеффена Тромхольта» (*Die Frau des Steffen Tromholt*, 1927) печально сообщает Стеффену: «Брат мой еще юношей отправился в Америку и пропал без вести» [4. С. 18]).

В конце XIX в. Германия занимала активную позицию в колониальной политике. Ее экономические интересы были связаны в том числе и со странами Востока, где землей обетованной являлась для немцев Индия. Персонажи, которых писатель туда отправляет, расширяют свой кругозор (Макс из пьесы «Доброе имя» (*Der gute Ruf*), 1912), обладают высокими деловыми и нравственными качествами. Роберт Гейнеке, сын рабочего (пьеса «Честь» (*Die Ehre*), 1889), честно ведет в Индии дела своего хозяина, фабриканта и коммерческого советника Мюлинга, способствуя его обогащению. С Индией связана жизнь и коммерческие интересы графа Траста, «кофейного короля» и друга Роберта. В свое время Траст уехал из Германии, чтобы избежать последствий своего отказа от участия в дуэли, нарушив тем самым общепринятый стандарт поведения, но сохранив себе жизнь (в конце XIX в. «в Германии вопрос о дуэлях – один из жгучих вопросов, стоящих на очереди» [5. С. 17]²).

Залечивать душевные раны отправляется в Индию через Красное море искусствовед Конрад, молодой человек, наделенный развитыми нравственными чувствами, нежной душой, утонченным восприятием окружающего (роман «Песня песней»). Эти личностные качества делают его неприспособленным адекватно воспринимать суровые реалии действительности. Он не выдерживает разочарования в любимой Лили, которая однажды явила ему свой истинный облик циничной богемной львицы. От развращенности и бездуховности

берлинского света, где господствует «все мелкое», он спасается бегством в Индию.

Для приобщения к высокому искусству и развития в себе творческого потенциала и профессионального мастерства персонажи отправляются в Испанию (Анна из пьесы «Доброе имя») и в Италию. Тема Италии оставалась актуальной для художественной культуры Германии начиная с XV в., когда творчество немецких живописцев (например, А. Дюрера) являло собой синтез традиций немецкого и итальянского искусства эпохи Возрождения. Произведения итальянских художников традиционно воспринимались в Германии как образцовые, а Италия – как страна, куда надлежало совершать паломничество каждому творческому человеку. Зудерман любил Италию, где часто бывал (как путешественник и драматург, пьесы которого здесь инсценировались) и воссоздавал ее образ в своих произведениях и в письмах жене («редко в своей жизни я чувствовал себя так хорошо, как в этой с о л н е ч н о й Италии» (разрядка Зудермана – прим. Г. Р.), – писал он жене 4 июня 1912 года из Болоньи [б. S. 267]). Италия ассоциировалась для писателя с классическим искусством, с идеалом красоты, и его герои получали возможность раскрыть свой талант только в этой стране, но не в Германии.

В романе «Песня песней» страстная любовь к Италии объединяет трех персонажей, устремивших мечтательные взоры «с милого севера» (из Германии) «в сторону южную». Это Арпад, учитель истории искусств, читавший лекции об итальянском Возрождении; журналист Конрад Реншмидт, пишущий для мюнхенского журнала статьи об искусстве; красавица Лили Чепанек, одинаково талантливая в пении, танцах и игре на пианино. Каждому из них предстоит свой путь в Италию. Сюда, в страну своих мечтаний, отправится из Восточной Пруссии чахоточный Арпад на деньги, собранные сердобольными учениками. Это будет его последняя дорога в жизни: осуществление его мечты сопряжено со смертью. Чтобы вылечиться от чахотки, в Италию едет не только Арпад, но и мать Лизы из романа «Забота».

Конрад живет в Берлине; после учебы в Бонне он провел два года в Италии и влюблен в эту страну, где, по его словам, «зарождаются все идеи. Там человек чувствует, что он может. Там становишься тем, чем должен бы стать с самого начала... Там, на

родине всего прекрасного и великого, становишься и сам больше и прекраснее – все мелкое исчезает» [7. С. 121]. Конрад, молодой человек с «сияющими мечтательными глазами» и «лицом юного грека» [7. С. 170], не на своей родине – в Германии, а в Италии почувствовал, что в нем «пробуждается новый, свободный, сознающий свое достоинство человек» [7. С. 171]. Именно такой человек («новый, свободный») способен и в других «пробуждать» активность духа, стремление к приобретению знаний. Лили в период своего общения с Конрадом переживает духовное обновление.

«Тоска» по Италии сопровождает и Лили всю ее сознательную жизнь. Первая поездка в эту страну 17-летней Лили не состоялась из-за ревности ее 54-летнего мужа. Спустя несколько лет она, выйдя замуж за берлинского фабриканта Денике, отправляется в Италию вместе с ним. Открытый финал романа позволяет читателю размышлять о влиянии этого путешествия на ее судьбу. До отъезда Лили приняла решение порвать со своей «бандой» – берлинской богемой. Но сумеет ли она отказаться от привычной для нее богемной жизни и начать заниматься серьезной музыкой, исполняя «Песню песней». В художественном мире Зудермана пребывание талантливого человека в Италии всегда способствует формированию или возрождению его творческого потенциала, и это дает основание верить в благоприятное изменение вектора судьбы героини.

17-летняя Магда (драма «Родина» (*Die Heimat*), 1892) из Берлина уезжает в Италию, именно здесь раскрывается и развивается ее талант: она становится знаменитой певицей Даль-Орто, исполняющей «большие вагнеровские партии», которые требуют и природных данных, и высочайшего мастерства. На родину она не возвращается; у нее «имение близ Неаполя и вилла у озера Комо». В отличие от Магды, Лили не смогла в юности покинуть столицу Германии ради Италии и, наделенная таким же талантом, долгие годы бездарно растрчивает его.

Каменотес Гэтлинг, персонаж драмы «Камень среди камней» (*Stein unter Steinen*, 1905), осваивает в Италии искусство резьбы по камню. Итальянские женщины обучили его пению, и он, возвратившись в Германию, покоряет дамские сердца не только своей красотой, но и пением, и профессиональным мастерством резчика (что, впрочем, контрастирует с негативными чертами его характера – эгоизмом, расчетливостью, карьеризмом, душевной черствостью).

Отправляя персонажа в чужие государства, писатель выражает свое отношение не только к ним, но и к своей стране и, как уже было отмечено, оценка ее весьма нелицеприятна. Так, с темой Италии связан пунктирно проходящий через весь роман «Жена Стеффена Тромхольта» мотив противопоставления Италии и Германии – как юга и севера, тепла и холода, солнца и сумерек, идеала и несовершенства, «свободной силы творчества» и «шаблона», «порыва к красоте» и «жалкого стремления к пользе», «радостно наивного язычества католицизма» и «трезвого разума протестантизма» [4. С. 104]. Стеффен, обучавшийся в Италии живописи, убежден: «Рим – духовная родина всякого художника» [4. С. 104], в самой Италии «пафос входит в меню ежедневного утреннего завтрака так же, как в Германии – брызжащая ядом зависть» [4. С. 105]. При этом художник Стеффен фиксирует кроме свойственной немцам «ядовитой зависти» и негативную деталь их внешнего облика (они «совали ему для пожатия руки с нечищеными ногтями» [4. С. 106]). Образ Италии позволяет писателю воссоздать – по контрасту – духовную атмосферу в Германии. Если в Италии таланты расцветают, то в Берлине они гибнут. Порочная берлинская богема становится причиной смерти талантливого живописца Вилли (драма «Гибель Содома»). Поэтому всё, что есть в Германии творческого и талантливого, устремляется, как и во времена А. Дюрера, в теплую южную страну, где не только мощный культурологический пласт, но и сам климат располагает к духовной деятельности. Время пребывания здесь становится судьбоносным для Стеффена, Конрада, Лили и др.

Определенный тип зудермановского героя неплохо осведомлен о своеобразии российской действительности и охотно размышляет о бегстве в Россию. Здесь, как и в Америке, скрываются «кассиры и блудные сыновья» [3. С. 103]; агрессивные неудачники (разорившийся землевладелец Мейгефер из романа «Забота» мечтает уехать «в русские степи, там можно разбогатеть» [2. С. 8]); сбежавшие от нелюбимой жены, например музыкант Чепанек из романа «Песня песней» – «гениальный и ветреный отец» Лили, не приспособленный к трудностям быта, «намеревался... заняться на юге России управлением больших имений, куда его пригласили влиятельные покровители» [7. С. 71]. Он оставил опостылевшей жене

«подозрительные векселя и скрылся в мрачные конторы Одессы» [7. С. 71].

Восприятие России Зудерманом [8] осуществлялось в определенной мере сквозь призму традиционного европейского мифа об этой стране. Его обязательными составляющими являлись такие географические и бытовые характеристики, как морозы [6. S. 84], сани [9]³, самовары [10. S. 230], безбрежные просторы. После покушения на Александра II в общепринятый миф о России включается еще одна составляющая – терроризм [11]⁴. В творчестве Зудермана этот факт находит свое отражение: в романе «Песня песней» Арпад Мельцер советует Лили: «Пусть вас лучше сошлют в Россию бросать бомбы... но не будьте учительницей» [7. С. 22].

Предметно-бытовые реалии российской жизни упоминаются во многих произведениях Зудермана, создавая необходимый национально-исторический колорит, усиливая достоверность фактов. В автобиографическом романе «Моя юность» автор вспоминал о том, что «по лежащим вдоль восточной границы (Германии с Россией – прим. Г. Р.) местностям часто проходят еврейские коробейники, которые носят в мешке за спиной русскую карамель»; живущая здесь Тони, героиня рассказа «Цель жизни», любит сидеть в «беседке, из глубины которой можно было глядеть далеко через реку, вплоть до русских лесов». В рассказе «Желание» охрана границы, идущей рядом с польским городком, поручена «кучке казаков»; госпожа Геллинггер, готовя себе и мужу завтрак, надевает «белый передник, обшитый широкою красною вышивкою в русском вкусе» [12. С. 43].

В XIX в., как известно, из России в Германию ездили отдыхать и лечиться. Немецкий читатель узнаёт об этом из новеллы «Он хочет с ней познакомиться» (*Er will sie kennen lernen*, 1886): одной из примет окрестностей курортного местечка Висбаден является расположенная в лесу «православная часовня». В пьесе «Далекая принцесса» (*Die ferne Prinzessin*, 1907) хозяйка курортной гостиницы, заботясь о репутации своего заведения, с гордостью сообщала каждому новому постояльцу: «Князья и графы у меня часто бывали. Приезжали нередко из курорта и русские князья» [13. С. 189].

В рассказе «Свадьба Иоланты» в восточно-прусском сельском доме гостю предлагают к кофе «свежие румяные вафли и варенье к ним, по русскому обычаю» [3. С. 46]. Известны писателю и «великолепные орловские рысаки» [14. С. 3]. Представитель этой

породы запряжен в «догкарт» постоянного участника скачек берлинского барона фон Штюкрата из рассказа «Осень» (*Herbst*, 1911). В пьесе «Лодка в цветах» (*Das Blumenboot*, 1905) Зудерман создает образ русской поэтессы Сони Грибоевой, выражая свое неприятие декадентских настроений, декаденствующей артистической богемы и уродливого искажения гуманной идеи эмансипации женщины.

Россия для Зудермана – это страна, победившая на своих «снежных равнинах» Наполеона, благодаря чему «последовало возрождение Пруссии» [15. С. 35, 25] (роман «Кошачья тропа» (*Der Katzensteg*), 1889); в русской литературе он выделяет Достоевского, Толстого, Пушкина (мотив сплина и хандры в новелле «Осень» развивается как аллюзия на образ Онегина); он знает музыку Чайковского (роман «Жена Стеффена Тромхольта»), восторгается искусством пения русских и украинцев [6. S. 287, 311]. При этом Зудерман констатирует весьма негативное отношение немцев к русским, свидетельством которого стало наблюдаемое им в Киссингене ликование немцев в связи с поражением армии генерала А.Н. Куропаткина под Ляояном в августе 1904 г. «Так сильно въелась в нас *ненависть* к русским или *страх* перед русскими» (курсив наш – Г.Р.) [6. S. 209–210], – сообщает он жене в письме из Киссингена от 3 сентября 1904 года, не разделяя эмоций своих соотечественников⁵.

Активно перемещаются герои Зудермана по Германии, о чем свидетельствует обилие топонимов в произведениях писателя, прекрасно знавшего свою страну. Среди современных ему авторов он был одним из первых, кто описывал Берлин. Зудерман любил путешествовать. С познавательной целью, а также по театральным делам он многократно бывал в Италии, в Вене, Будапеште, Швейцарии, любил Париж, где ему хорошо работалось; с ноября 1903 по март 1904 гг. он совершил туристическую поездку по маршруту Египет – Цейлон, посетив и Индию [6. S. 186–187, 195]; этим же маршрутом – по Красному морю, через Суэцкий канал в Индию – писатель отправит Конрада, персонажа из романа «Песня песней». Впечатления от путешествий фиксировались в «Дневниках», отражались в художественном творчестве.

Топос «дальние страны» позволял Зудерману не только расширять пространственные рамки своих произведений, углублять мотивацию характеров, но и раскрывать разные аспекты духовной

жизни переходной эпохи и своего современника, своеобразие национального менталитета разных народов и национальной самоидентификации, культивировать уважение к «чужим» культурам.

Примечания

1. Словосочетание «дикое желание» впервые встречается в новелле «Исповедь домашнего друга под Новый год» (из сборника «В сумерки»). Такое же словосочетание присутствует и в лирике Зудермана этих лет, например, в стихотворении «Ты предполагаешь, что я кроткий», которое было опубликовано в 1890 г. См.: Landsberg H. Hermann Sudermann. Berlin: Tetzlaff. 1901. S. 57. (Ландсберг перепечатал стихотворение из: *Magazin für Literatur*. 1890. № 40).

2. Правительство боролось с таким разрешением конфликтов, но не всегда успешно. Тема дуэли рассматривается в ряде произведений Зудермана (одноактная драма «Фритцхен», пьеса «Доброе имя», роман «Былое» и др.).

3. В 1896 году в иностранном журнале было помещено письмо корреспондента, посетившего Россию. Он писал: «Русские, несомненно, цивилизуются, перенимают обычаи запада. Так, их прежний экипаж – сани – все более выходит из употребления. За весь май месяц я не встретил в Москве саней. Вероятно, на них ездят теперь только в глухой провинции» [9].

4. Европейская печать, информируя о каких-либо несчастных случаях, связанных с взрывами, не упускала возможности намекнуть на русских, на присущее им «варварство». Например, аккредитованный в Париже корреспондент журнала «Книжки Недели» передавал сообщение парижской прессы о том, что «кто-то кого-то от варварства взорвал *a la russe* динамитным патроном» [11. С. 189].

5. Спустя полтора года после констатации Зудерманом отношения немцев к русским К. Станиславский, находясь в 1906 году в Берлине на гастролях с МХТом, писал: «Боже, как народ ненавидит русских, но зато интеллигенция здесь прелесть» [16. С. 12].

Библиографический список

1. Sudermann H. Im Zwielficht. Zwanglose Geschichten. 24 Aufl. Stuttgart, 1899. 188 S.
2. Зудерман Г. Забота. СПб.: А.А. Каспари, 1906. 208 с.

3. Зудерман Г. Свадьба Иоланты и другие рассказы // Пер. А. Веселовской. С вступительным этюдом Г. Брандеса. М.: Гросман и Кнебель, 1895. 192 с.
4. Зудерман Г. Жена Стеффена Тромхольта // Пер. Б. Евгеньева и Е.Э. Блок. Предисловие Р. Куллэ. Л.: Время, 1928. 482 с.
5. А.Б.С. Гастроли немецкой труппы (театр г. Корша) // Артист. 1893. № 29. Апрель. 20 с.
6. Briefe Hermann Sudermanns an seine Frau (1891–1924). Hrsg. von Dr. Irmgard Leux. Stuttgart u. Berlin, 1932. 334 S.
7. Зудерман Г. Песня песней // Пер. Н. Самойловой, А. Полоцкой. СПб.: Освобождение, 1909. 499 с.
8. Родина Г.И. Зудерман и Россия: рецепция творчества в культурном пространстве рубежа XIX–XX веков. М.: МПГУ, 2004. 230 с.
9. Иностранцы о России // Новости сезона. М., 1896. № 68. 8 октября. 12 с.
10. Sudermann Hermann. Heimat im Osten. Berlin, 1957. 239 S.
11. Дедлов В.Л. Письмо шестое и последнее // Книжки Недели. СПб., 1889. № 10. 32 с.
12. Зудерман Г. Желание. СПб.: А.А. Каспари, 1906. 102 с.
13. Зудерман Г. Розы. СПб., 1910. 245 с.
14. Зудерман Г. Осень // Пер. Р. Маркович. СПб.: Хронос, 1911 (приложение к № 15 журнала «За семь дней»). 32 с.
15. Зудерман Г. Кошачья тропа. СПб.: А.А. Каспари, 1906. 240 с.
16. Станиславский К.С. Письмо В.С. Алексееву [до 6 марта 1906 года, Берлин] // Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. Письма. М.: Искусство, 1995. 380 с.

Сведения об авторе

Родина Галина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории и обществознания
историко-филологического факультета
Арзамасского филиала
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: grodina@yandex.ru

УДК 821.111(73) "19"

**ПРИЗНАК НЕЗАМКНУТОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ С. ПЛАТ *PURSUIT*)**

И.В. Сергодеев

*Снежинский физико-технический институт Национального
исследовательского ядерного университета «МИФИ» (СФТИ НИЯУ
МИФИ), Снежинск, Россия*

В статье рассматривается система поэтического текста с текстологических и лингвосинергетических позиций. Описывается парадигматическая триада языковых состояний. Определяются базовые системные признаки поэтического текста: незамкнутость, нелинейность, неустойчивость. Подробно рассматривается признак незамкнутости. Обосновывается интертекстуальная природа системных единиц поэтического текста. В качестве практического материала выступает стихотворение американской поэтессы С. Плат "*Pursuit*."

Ключевые слова: интертекстуальность, незамкнутость, поэтический текст, текстология, лингвосинергетика.

**Non-Closure of Poetic Texts from the Perspective of Intertextuality
(Reading "*Pursuit*" by Sylvia Plath)**

Ilya Sergodeev

The article looks at the system of the poetic text from the textual and lingua-synergetic perspectives. The author describes the paradigmatic triad of language states and identifies non-closure, non-linearity, and non-stability as primary systemic attributes of the poetic text. He then focuses on non-closure in more detail and demonstrates the intertextual nature of the poetic text's system units through his analysis of "*Pursuit*" by Sylvia Plath.

Key words: intertextuality, non-closure, poetic text, text-science, lingua-synergetics.

Объектом настоящего исследования выступает поэтический текст (далее – ПТ) как динамическая система. Под ПТ понимается ритмически организованная, обычно рифмованная речь, имеющая соответствующее стихам графическое выражение. ПТ как динамической системе свойственна эволюция смыслового комплекса его единиц или всего ПТ в целом, основывающаяся на интертекстуальной природе культуры, языка, текста.

Предметом являются особенности эволюции смыслового комплекса ПТ, которые рассматриваются на примере лингвосинергетического системного признака незамкнутости.

Общеизвестные текстологические признаки, к которым относятся завершённость, цельность, связность, модальность, интерпретативность и др. коррелируют с признаками общей теории систем: незамкнутостью, нелинейностью, неустойчивостью, иерархичностью и пр. Синтез текстологического, семиотического и синергетического системного подходов сформировал так называемую лингвосинергетическую научную парадигму, на методологии которой основывается данная статья. К другим используемым методам относятся филологический и лингвистический подходы к анализу художественного текста, разработанные Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным [1; 2], общая структурная семиотическая методология, принцип интертекстуального анализа, анализ ключевых слов, контекстуальный анализ, принцип семантического синтеза, общенаучные логические методы дедукции, абдукции и строгой бинарной дизъюнкции.

Основной целью исследования является синтезирование текстологического и лингвосинергетического подходов с тем, чтобы приблизиться к формализации плана содержания текста, установить принципы организации смыслового комплекса ПТ и / или его единиц.

Задача статьи сводится к синтезу интертекстуального признака ПТ и лингвосинергетического признака незамкнутости ПТ как динамической системы с целью выявления общих характеристик, обеспечивающих эволюцию смыслового комплекса текстовых единиц ПТ.

Материалом исследования служит стихотворение *Pursuit* американской поэтессы С. Плат.

Суть лингвосинергетического подхода сводится к определению и анализу наиболее важного системного свойства – свойства самоорганизации. Самоорганизующаяся система – это «система, способная обрести временную, пространственную или функциональную структуру без специфического воздействия извне [3. С. 28]. Самоорганизацию текстовой системы следует понимать в семиотическом ключе как процесс (и результат) формирования смыслового комплекса ПТ в ходе интерпретации, анализа и синтеза его единиц.

С позиций текстологии феномен самоорганизации возможно представить через предложенную Ю.В. Казариным парадигматическую триаду «Язык – речь – текст» [4]. В этом случае

уместно говорить об изменении качества языкового состояния текстовой единицы, о (само)организации её плана содержания или переходе указанного качества из речевого состояния в текстовое. В узком смысле речь идёт об эволюции, расширении словарного значения текстовой единицы под влиянием её интертекстуальной природы.

Интертекстуальность трактуется вслед за И.П. Смирновым и Н.А. Кузьминой [5; 6] как способность текста или его единиц формировать свой смысл посредством ссылки на другие тексты, которые встречаются в творчестве того же автора, в смежном искусстве или предшествующей литературе. В качестве типологии интертекстуальных отношений используется классификация Н.С. Олизько [7], разработанная на основе трудов Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, И.П. Смирнова, П.Х. Торопа и др., согласно которой выделяют гипер-, ин-, пара- и архитекстуальные типы межтекстовых связей.

Обсуждая лингвосинергетические признаки ПТ, необходимо отметить основной системообразующий признак, а именно – гомеостатичность (саморегуляцию системы, поддержание её функционирования в некоторых рамках, позволяющих системе следовать к своей цели). Гомеостатичность ПТ понимается как постоянство его смысловой цельности и связности. Таким образом, «целью» ПТ выступает смысловое развёртывание, передача не только какого-то конкретного сообщения, но и вербально невыраженной информации, возникающей благодаря богатой семантике языковых единиц. Такая информация понимается реципиентом субъективно (если реципиент способен извлечь её из содержания текста или текстового фрагмента). Описать процесс становления смыслового комплекса языковых единиц представляется возможным, раскрыв суть системного принципа становления трёх «не».

Базовые системные признаки основываются на интертекстуальных отношениях текстовых единиц и включают в себя триединство незамкнутости (в текстоведении наблюдается схожий признак открытости языковой системы), нелинейности (многосмысленность языковых единиц по И.Р. Гальперину [8]) и неустойчивости системы (частично выраженной в статичности / динамичности А.И. Новикова [9]).

Признак незамкнутости (открытости) предполагает взаимодействие системы со своим окружением. Благодаря этому признаку, ПТ как синергетическая система способен эволюционировать от простого состояния к сложному, так как каждый его иерархический уровень (уровень авторского замысла, уровень интертекстуальных включений, уровень межтекстового диалога) развивается при интертекстуальном взаимодействии с другими уровнями. Эволюция текстового состояния носит семантический характер и понимается как многоаспектный процесс формирования / преобразования смысла анализируемых текстовых единиц посредством интертекстуального взаимодействия с текстовыми единицами прочих текстов. Другими словами, признак незамкнутости обеспечивает интертекстуальную природу единиц ПТ.

В качестве иллюстрации признака незамкнутости ПТ приведём отрывок стихотворения *Pursuit* американского поэта Сильвии Плат:

*There is a panther stalks me down:
One day I'll have my death of him;
His greed has set the woods aflame,
He prowls more lordly than the sun.
Most soft, most suavely glides that step,
Advancing always at my back;
From gaunt hemlock, rooks croak havoc:
The hunt is on, and sprung the trap.
Flayed by thorns I trek the rocks,
Haggard through the hot white noon.
Along red network of his veins
What fires run, what craving wakes?* [10]

Подкрадывается леопард.
Однажды он убьёт меня.
От жадности его горят
Леса. Он горд, как взлёт огня!
Его скользящий мягкий шаг
Всё время за моей спиной,
И в скалах коршуны кричат,
Что он охотится за мной.
Я – по камням, я – по шипам,
Слепящим полднем сожжена...
Какие страсти в нём кипят!
Как злая кровь его красна! [11]

В рассматриваемом ПТ автор говорит о желании, с одной стороны, как о предмете поклонения, выражая его в образе *panther*, с другой стороны – как о скрытой фантазии (*appalled by secret want*). Текстовая единица *a panther* является активным действующим лицом, которое неумолимо преследует автора: *The hunt is on, and sprung the trap*. В своих дневниках С. Плат сравнивает текстовую единицу *a panther* со стихотворением У. Блейка *The Tyger*:

*Tyger, tyger, burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?*
[12. P. 125]

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя? [13]

С. Плат подобно У. Блейку заключает в образе *panther* символ ужасающей красоты смерти: *One day I'll have my death of him* [14]. «Однажды я умру из-за него» (перевод наш. – И. С.). В дневниках поэта указано, что анализируемое стихотворение посвящено её мужу – английскому поэту Теду Хьюзу. С этой точки зрения строка *One day I'll have my death of him* имеет пророческий характер, так как *Pursuit* было написано после их знакомства в 1956 году, а уже в 1963 году С. Плат нашли мёртвой на кухне собственного дома (официальная версия смерти – суицид). В 1998 году вышла последняя книга Т. Хьюза *Birthday Letters*, в которой представлен ответ на ПТ *Pursuit* – стихотворение *Trophies*, анализ отрывка из которого приведен ниже:

*The panther? It had already dragged you
As if it in its jaws, across Europe.
As if trailing between its legs,
Your mouth crying open, or not even
crying any more,
Just letting yourself be dragged. Its real
prey
Had skipped and escaped. So the fangs,
Blind in frustration,
Crushed your trachea, strangled the
sounds. The Rorschach
Splashing of those outpourings stained
Your journal pages. Your effort to cry
words
Came apart in aired blood
Enriched by the adrenalins
Of despair, terror, sheer fury –
After forty years
The whiff of that beast, off the dry pages,
Lifts the hair on the back of my hands.
The thrill of it. The sudden
Look that locked on me
Through your amber jewels
And as I caught you lolling locked
Its jaws into my face. The tenacity
Of the big cat's claim
On the one marked down and once
disabled
Is a chemical process – a combustion*

Пантера? Ты, зажатая
В челюсти зверя, моталась по Европе.
Ты словно шла по его следу,
Твой рот был широко открыт. Ты
кричала, а может быть уже нет,
Просто позволяла тащить себя. Его
настоящая добыча
Ускользнула и спаслась. Зверь,
Ослеплённый нервным срывом,
Разорвал клыками твою трахею,
задушил звуки. Роршах
Разлетался брызгами из твоих
журнальных страниц,
Покрытых пятнами словесных потоков.
Твои попытки выкрикивать слова
Разлетались на части в запёкшейся
крови,
Наполненной адреналином
Отчаяния, ужаса, неистовой ярости –
После сорока лет
Запах зверя уничтожил сухие
страницы,
Вздыбил волосы на моих руках.
Я испугался его. Внезапный
Взгляд твоих
янтарных глаз.
Я понял, что уже на моём лице
появляются
Челюсти зверя. Речь теряла

Of the stuff of judgement.

*So it sprang over you. Its jungle prints
Hit your page. Plainly the blood
Was your own <...> [15]*

Цепкость пантеры, становилась
несвязной.

Это химический процесс – потеря
Чувства реальности.

Зверь набросился на тебя. Джунгли его
следов

Были видны на твоих страницах. Вся
эта кровь

Принадлежала тебе <...>
(перевод наш. – И. С.)

Рассматриваемая пара ПТ являет собой пример редких интертекстуальных отношений. Этот феномен можно охарактеризовать как интертекстуальную перспекцию, т. е. отсылку анализируемого текста к другому тексту, который ещё не создан на момент написания первого. С. Плат начинает поэтический диалог, посвящая ПТ *Pursuit* Т. Хьюзу, и, сама того не зная, заставляет его написать ПТ *Trophies* спустя 35 лет после её смерти. Поэт отвечает ей вопросом *The panther?*, который ставит под сомнение, опровергает содержание прототекста (прототекст – первичный текст; метатекст – вторичный текст, который ссылается на прототекст). Существительные *jaws, fangs, prey, beast* подчёркивают, дополняют образ зверя, выраженный текстовой единицей *the panther*. Параллельно с этим они заставляют задуматься над тем, кто в действительности является зверем. Строка *Its jaws into my face* – аллюзивная реалия, отсылающая читателя к первой встрече поэтов, когда С. Плат укусила Т. Хьюза. Фрагмент пятой строки *Its real prey* так же является аллюзивной реалией, подразумевающей С. Плат, которая «принесла себя в жертву» борьбе с собой, ревности, амбициям и психическому расстройству. Строки второй строфы *So it sprang over you, Plainly the blood was your own* показывают, что, по мнению Т. Хьюза, его жена позволила зверю, пантере, тёмной стороне своего «я» взять верх над собой, что, в конечном счёте, привело к трагедии.

Из представленного материала видно, что незамкнутая система ПТ взаимодействует со своим окружением: текстовая единица *panther* прототекста *pursuit* посредством авторского комментария вступает в диалог с текстовой единицей *tyger* одноимённого стихотворения У. Блейка, а также в качестве аллюзивного упоминания вступает в

семантический взаимообмен с идентичной текстовой единицей стихотворения Т. Хьюза *Trophies*. В результате этого взаимодействия наблюдается так называемая эволюция состояния системы – семантическое обогащение исследуемых текстовых единиц ПТ. Рассмотрим установленные значения текстовой единицы *panther*: Т. Хьюз, властный охотник, метафорический убийца (на основе прототекста *Pursuit*); ужасающая красота (ассоциация со стихотворением У. Блейка *The Tyger* на основе авторского комментария); сексуальное влечение (авторский комментарий С. Плат); не справившаяся с внутренними противоречиями и погубившая себя С. Плат (на основе метатекста *Trophies*).

ПТ как динамическая система расширяет свой смысловой комплекс в ходе интертекстуального анализа. Базовое речевое состоянием ПТ (состояние, при котором единицы анализа определяются однозначно, контекстно) переходит в состояние текстовое, к которому «стремится» система ПТ. В текстовом состоянии единица анализа представляется многозначной, так как она является интертекстуальной реминисценцией к подобной или идентичной ей единице других текстов, у которых она «заимствует» контекстные значения.

Изменение, эволюция состояния текстовой динамической системы ассоциируется с семантической самоорганизацией её элементов (текстовых единиц). Изменение состояния возможно благодаря интертекстуальной природе языка, речи и текста.

Интертекстуальный и контекстный анализ позволяют выделить в общей системе ПТ элементы (текстовые единицы), способные апеллировать к лингвистическим или культурологическим особенностям текстовой памяти в сознании реципиента. Благодаря этому представляется возможным связать между собой ПТ С. Плат, Т. Хьюза и У. Блейка и проследить эволюцию смыслового комплекса текстовой единицы *panther* ПТ *Pursuit*: Пантера – Т. Хьюз, Тигр У. Блейка – сексуальное желание – депрессия.

Для многоаспектного описания ПТ как динамической системы используется синтез системного признака незамкнутости (открытости) и текстового признака интертекстуальности. Общей характеристикой для данных признаков выступила восприимчивость текстовой системы к внешней среде или, с позиций текстологии,

потенция текстовой системы изменять качества смыслового комплекса под влиянием смысловых комплексов других текстов.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник, Практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. М.: Академический Проект, Деловая книга, 2004. 464 с.
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. М.: Мир, 1991. 240 с.
4. Казарин Ю.В. Мастерская текста. Книга о текстотворчестве. Екатеринбург: ИД «мАрАфон», 2008. 296 с.
5. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. СПб.: СПбГУ, 1995. 189 с.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т., 1999. 268 с.
7. Олизько Н.С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа. Челябинск: «Энциклопедия», 2007. 158 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 137 с.
9. Новиков А.И. Текст и смысловые доминанты. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
10. Plath S. Pursuit // Электронный ресурс Интернет: <http://www.neuroticpoets.com/plath/poem/pursuit/>.
11. Бетаки В. Преследование // Электронный ресурс Интернет: <http://ruka-na-pulse.ru/news/detail.php?ID=644>.
12. Blake W. The Complete Poems. L.: Penguin Group, 2004. 1071 p.
13. Бальмонт К.Д. Тигр // Электронный ресурс Интернет: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/uilyam-blejk.htm>.
14. Plath S. The Unabridged Journals of Silvia Plath // Электронный ресурс Интернет: https://www.e-reading.club/bookreader.php/1008498/Kukil_-_The_Unabridged_Journals_of_Sylvia_Plath.html.
15. Hughes T. Trophies // Электронный ресурс Интернет: <https://www.poetryfoundation.org/poets/ted-hughes>.

Сведения об авторе

Сергодеев Илья Витальевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии и лингвистики
СФТИ НИЯУ МИФИ
E-mail: moon_stone@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 004.738.5:378.147

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Д.Ю. Акатьев, Г.В. Курицына

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается проблема повышения качества образования в вузе. Определяются место и роль дистанционных образовательных технологий в организации контроля качества обучения. Предложена технология оценивания уровня знаний студентов на основе текущего контроля средствами платформы дистанционного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, качество образования, технологии дистанционного обучения, контроль качества образования, платформа дистанционного обучения.

Distance Learning Technologies in Organizing Quality Control of University Education Dmitry Akatiev, Galina Kuritsyna

The article deals with the problem of improving the quality of university education, focusing on the place and role of distance learning technologies in organizing quality control of learning. It proposes a technology for assessing the students' level of knowledge by ongoing monitoring through distance learning platforms.

Key words: distance learning, quality of education, distance learning technologies, quality control of education, distance learning platform.

Формирование цифровой образовательной среды является стратегической государственной задачей, поставленной правительством страны в связи с необходимостью развития в России цифровой экономики. Поэтому в отечественное образование активно внедряются новые формы и методы обучения, основанные на широком использовании информационно-коммуникационных технологий. Для развития цифрового образования необходимо

широко внедрять цифровые инструменты учебной деятельности и обеспечить возможность обучения по индивидуальному учебному плану в течение всей жизни – в любое время и в любом месте [1].

На решение части этих задач и направлен приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». В настоящее время развитие цифрового образования идет по нескольким направлениям. Одно из них – создание массовых открытых онлайн-курсов (МООК) силами ведущих вузов России и размещение их на международных площадках открытого образования, таких как *Coursera* или «Национальная платформа открытого образования». Это открывает возможность широкого доступа к учебно-методическим и научным разработкам ведущих ученых России и зарубежья слушателям из любых регионов, а для вузов – возможность привлечь иностранных студентов и реализовать эффективную маркетинговую политику. Посредством системы дистанционного обучения (СДО) слушатели получают доступ к видеолекциям и другим дидактическим материалам курсов. Контроль обучения организован, как правило, через выполнение тестовых заданий и итоговых квалификационных работ.

Второе направление – создание вузом собственной сети дистанционных курсов и размещение их на одной из платформ системы дистанционного обучения. Современные СДО позволяют проектировать электронные курсы с учетом формирования требуемых компетенций. Наиболее известны такие платформы, как *Moodle*, *Black Board*, *ATutor*, *iSpring Online*. Преимуществом данного направления является возможность реализации индивидуального подхода в обучении, налаживание эффективного взаимодействия между участниками образовательного процесса.

Важной задачей реализации цифрового образования является обеспечение высокого качества обучения, для чего необходимо применять новые методы контроля на основе современных информационных технологий. По мнению специалистов в области дистанционного обучения (ДО), необходимо разработать четкие научно-методические подходы к индивидуализации образовательной деятельности обучаемых с использованием дистанционных образовательных технологий [2. С. 5].

Качество контроля в дистанционной среде зачастую ставится преподавателями под сомнение, т. к. не дает гарантии личного выполнения заданий обучающимися. Но это можно преодолеть, если не ограничиваться традиционными тестами, а использовать разнообразные виды учебной деятельности, такие как:

- создание творческого продукта в определенной предметной области с применением мультимедийных средств;
- коммуникативная деятельность обучающихся в процессе поиска информации и выполнения творческого задания;
- генерирование новых, оригинальных идей, воплощение их с помощью мультимедийных технологий.

Как отмечает Н.В. Никуличева, педагогически грамотно выстроенный контроль, включающий сочетание разнообразных заданий по написанию текстов (отзывов, резюме, рефератов, выступлений в форуме), выполнение веб-квестов, проектов и т. п. приводит к налаживанию систематического общения, которое часто проходит в режиме онлайн и которое уже чрезвычайно сложно имитировать и выполнять за кого-то [3. С. 22].

Коммуникативная деятельность при электронном обучении развивается во время проведения вебинаров и обсуждений в форумах группы. Характеризуя специфику коммуникации в дистанционной форме обучения, преподаватели НГЛУ отмечают, что отношения между преподавателем и учащимся становятся подконтрольны уже не социальным нормам (как при очной форме обучения), а технологическим правилам [4. С. 214]. Налаживая процесс коммуникации дистанционного обучения, преподавателю необходимо обеспечивать обсуждение хода обучения, стимулировать обучающихся высказывать свое мнение, делать критические замечания, побуждать к действию. Это позволит не только компенсировать снижение эмоциональных средств общения в дистанционном обучении, но и вывести дистанционную коммуникацию на качественно новый уровень.

Преподаватели, работающие с *Moodle*, высоко оценивают дидактический потенциал платформы, мощный набор личностно-ориентированных инструментов, отмечают ее ориентированность на совместную деятельность обучающегося и преподавателя, поддержку разнообразных форм взаимодействия [5. С. 168]. Ресурсы платформы

обеспечивают возможность проведения опросов, вебинаров, офлайн-семинаров, обмен файлами любых форматов, а также позволяют оценивать активность обучающихся при обсуждениях.

Одной из сильных сторон платформы *Moodle* является мощный инструментарий для создания тестов. Арсенал из пятнадцати различных шаблонов тестовых вопросов позволяет создавать вариативные задания различной степени сложности для любой дисциплины. На рисунке 1 приведен пример тестового задания с перетаскиванием маркеров на изображение. Подобные типы вопросов используются при изучении таких дисциплин, как «История», «Страноведение», «Концепции современного естествознания». Преподаватели иностранных языков используют тесты и для создания упражнений различной степени сложности, предназначенные для овладения учащимися тем или иным языковым материалом (обучающий тест) и для разработки контрольных заданий.

Рис. 1. Пример тестового задания с перетаскиванием маркеров на изображение

Активность обучающихся в системе *Moodle* фиксируется и отображается в виде отчетов о деятельности, в которых можно видеть все выполненные задания, оценки и рецензии по каждому блоку дисциплины. По данным отчетов преподаватель анализирует деятельность обучающихся, вносит своевременные корректировки в учебный процесс. Представленные результаты прохождения теста по дисциплине «Современные информационные технологии» (см. рис. 2) дают возможность выявить особенности усвоения материала, увидеть вопросы, вызывающие наибольшие затруднения, а также контролировать работу каждого студента.

В тестировании по данной дисциплине принимали участие 200 студентов, в том числе 150 обучающихся на дневном отделении, и по 25 – на заочном и очно-заочном отделениях. Анализ ответов позволяет получить информацию об индивидуальной подготовленности обучающегося к промежуточной аттестации и наметить действия по совершенствованию уровня знаний.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I
1	Имя	Фамилия	Задание 1	Задание 2	Тест 1	Задание 3	Задание 4	Задание 5	Тест 2
2	Марина	Аку	100	100	90	100	100	100	86,36
3	Саломе	Арестович	75	65	55	100	67	100	50
4	Мария	Бугаева	100	100	66,67	100	85	85	75
5	Елена	Вачага	85	100	63,33	100	100	100	68,18
6	Анастасия	Веселова	89	90	76,67	71,21	90	96	68,18
7	Алия	Галиева	75,2	65,5	41,67	70	69	85	65,23
8	Мария	Голубева	100	100	83,33	90	100	100	88,64
9	Анна	Жарикова	100	55	51,67	55,5	98	90	52,27
10	Анастасия	Колесникова	100	100	66,67	100	100	100	75

Рис. 2. Фрагмент таблицы результатов выполнения заданий и тестирования

Интегральным показателем владения материалом по конкретной дисциплине для трёх форм обучения в рамках текущего контроля является статистический вариационный ряд (СВР) средних баллов, изменяющихся в диапазоне от 0 до 100, за выполнение тестовых заданий и контрольных работ. Для студентов трёх форм обучения были построены СВР (см. рис. 3), которые показывают распределение баллов по пяти равным интервалам.

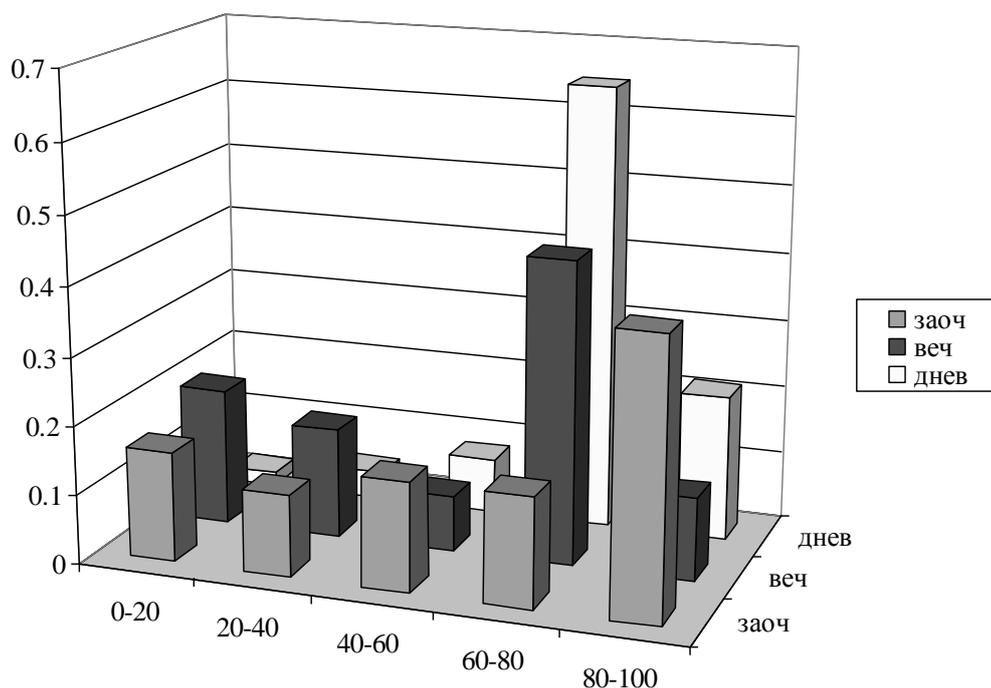

Рис. 3. Распределение баллов для трёх форм обучения

Подтверждением важности контроля в дистанционной среде является степень статистической связи между качественными признаками: количеством баллов при тестировании и уровнем знаний на зачёте, каждый из которых представлен в виде альтернативных значений (см. табл. 1) для дневного / очно-заочного / заочного отделений.

Таблица 1

Количество баллов	Уровень знаний		Всего студентов
	Высокий	Низкий	
≥ 50	121 / 13 / 14	14 / 2 / 2	135 / 15 / 16
< 50	2 / 3 / 3	13 / 7 / 6	15 / 10 / 9
Всего студентов	123 / 16 / 17	27 / 9 / 8	150 / 25 / 25

По данным приведенной таблицы были вычислены коэффициенты Пирсона для двух бинарных

последовательностей [6. С. 278]. Полученные результаты – 0,595; 0,578 и 0,557 соответственно для дневного / очно-заочного / заочного отделений – позволяют сделать вывод о том, что между исследуемыми признаками существует достаточно сильная положительная связь для всех форм обучения. Поэтому оценивание уровня подготовленности студентов к промежуточной аттестации на основе результатов дистанционного обучения поможет повысить качество обучения по данной дисциплине.

Из таблицы результатов прохождения теста (см. рис. 2) можно определить неуспевающих студентов и организовать с ними индивидуальную работу. Эта работа может быть организована средствами платформы *Moodle* в форме онлайн-консультаций, выполнения дополнительных заданий и проведения повторного тестирования. Благодаря индивидуальному подходу, тесты становятся объективным средством контроля.

Для организации процесса дистанционного изучения дисциплины преподавателю следует уделять гораздо большее внимание, чем при аудиторном обучении, методическим рекомендациям. Блоки дисциплины должны сопровождаться инструкциями по выполнению содержащихся в них заданий. Студент должен четко знать график выполнения заданий, иметь рекомендации об источниках поиска информации, требования по объему, оформлению, критериям оценки, способах получения консультаций.

Специфика дистанционного обучения требует разносторонней подготовки преподавателей – как в плане проектирования и организации дистанционных курсов, так и в разработке базы тестовых заданий. Для подготовки к дистанционной деятельности преподаватели НГЛУ проходят курсы повышения квалификации в области организации дистанционного обучения как внутри вуза по специально разработанной программе, так и участвуя в различных семинарах и вебинарах, проводимых центрами ДО.

Таким образом, грамотно выстроенная технологическая цепочка контроля при дистанционной форме обучения позволяет сдвинуть акценты с оценки уровня усвоения знаний к задачам управления процессом усвоения знаний путем организации систематического контроля за уровнем овладения материалом, наметившимися пробелами в подготовке учеников. Познавательно-продуктивная

деятельность обучающихся реализуется в системе таких форм, как совместные проекты обучающихся, выполняемые с использованием средств телекоммуникации.

При налаженной коммуникации дистанционного обучения процесс контроля выполняет важные обучающие функции, обеспечивает обратную связь от учащегося к преподавателю и помогает следить за ходом процесса усвоения знаний у каждого обучаемого в целях своевременной коррекции этого процесса.

Важно также отметить, что важным педагогическим условием эффективной организации контроля с применением дистанционных образовательных технологий должна стать подготовка преподавателей к созданию онлайн-курсов, грамотному применению технологий ДО.

Библиографический список

1. Современная цифровая образовательная среда // Электронный ресурс Интернет: <http://neorusedu.ru/about>.
2. Индивидуализация образовательной деятельности обучаемых на основе применения электронного обучения с использованием дистанционных образовательных технологий: практическое пособие / С.М. Авдеева, Л.Л. Босова, Н.В. Никуличева, С.С. Хапаева. М.: Федеральный институт развития образования, 2017. 121 с.
3. Никуличева Н.В. Внедрение дистанционного обучения в учебный процесс образовательной организации: практ. пособие. М.: Федеральный институт развития образования, 2016. 72 с.
4. К вопросу об использовании коммуникационных стратегий в организации дистанционного обучения в вузе / Г.В. Курицына, М.Б. Ротанова, М.В. Федорова, И.Ю. Савельева // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия: труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып. 18. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. С. 212–217.
5. Акатьев Д.Ю., Курицына Г.В. Специфика реализации электронного и дистанционного обучения в НГЛУ на платформе Moodle // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 38. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 166–176.

6. Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере. М.: Инфра-М, 2002. 528 с.

Сведения об авторах

Акатьев Дмитрий Юрьевич
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры экономики,
управления и информатики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: akatjev@lunn.ru

Курицына Галина Викторовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры экономики,
управления и информатики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kgs20@yandex.ru

УДК 373.1:811

ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «ПОРТФОЛИО» В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

А.Ю. Арсентьева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга

Автором доказывается необходимость использования инновационной технологии «портфолио» в методике обучения иностранному языку. На основе деятельностно-компетентного подхода сформулированы основные требования к применению «портфолио» в сфере качественного иноязычного образования в условиях ФГОС. В статье предложены рекомендации по проектированию образовательного процесса с использованием инновационной технологии «портфолио».

Ключевые слова: портфолио, иноязычная коммуникативная компетенция, методика, инновационная технология, иностранный язык.

Using the Portfolio as an Innovative Technology in Teaching Foreign Languages in Modern Schools

Anna Arsentyeva

The article proves the necessity of using the Portfolio as a useful innovative technology within the methodology of teaching foreign languages in modern schools. With reference to Russia's Federal State Educational Standards, it formulates the main requirements for using the portfolio in teaching foreign languages and offers recommendations for designing educational activities using the innovative portfolio technology.

Key words: portfolio, foreign language communicative competence, methodology, innovative technology, foreign language.

История иноязычного образования во многом представляет собой чередование теорий, составляющих основу различных подходов и методов обучения иностранным языкам, приводящих к смене образовательной парадигмы в целом.

Ретроспективный анализ методов обучения иностранным языкам демонстрирует многократную смену парадигмы иноязычного образования, под которой в настоящее время понимается образование, позволяющее посредством диалога культур осуществлять поиск комплексного решения проблем гуманистической личности; при этом формируются такие качества личности учащихся, как уважение и соблюдение прав человека и его основных свобод, осознание глобальной взаимосвязи между народами

и нациями, содействие взаимопониманию между народами, расовыми и религиозными группами, готовность к участию в решении проблем своего общества, своей страны и мира в целом [1].

Развитие любой образовательной парадигмы связано с прохождением ряда этапов: цикл начинается с успешного периода её функционирования, в дальнейшем доминирующие понятия подвергаются сомнению, происходит отказ от теоретических положений и практических разработок, сопровождающийся заменой на новую образовательную парадигму. В зарубежной истории методики обучения иностранным языкам отмечается, что каждый подобный цикл занимает около 25 лет.

Актуальность темы обосновывается изменением образовательной парадигмы, недавно произошедшей в зарубежной методике и происходящей в отечественной системе образования.

Указанная смена образовательной парадигмы связана в первую очередь с изменением целей обучения иностранному языку, что, в свою очередь, вызвало изменение используемых подходов и методов, содержания, принципов, средств обучения, программ, инструментов контроля результатов обученности и процедур оценки [2].

Несмотря на то, что речь о «портфолио» идет давно, стоит заметить, что сейчас наступает эра возрождения данной педагогической технологии, поэтому возникла острая необходимость уточнения нового контекста использования «портфолио».

Сторонники идеи «портфолио» отмечают, что оно и как образовательная технология и как учебный документ имеет возможность стать чем-то большим, чем просто средством оценивания или собранием учебных дел обучающихся. Это новый подход к обучению, свежий взгляд на организацию работы, выражающий прогрессивное понимание процесса преподавания и учения, современную культуру образования.

В последнее время эксперты из таких университетов, как МГПУ, МИСиС, МГОУ и ДВФУ, постоянно подчеркивают мысль об индивидуализации маршрута обучающегося, и на базе данных университетов действуют нормативные документы, регламентирующие функционирование «портфолио».

Кроме того, в российской государственной программе «Развитие образования» на 2013–2020 гг. [3] отмечается необходимость

модернизации и обновления содержания и технологий образования, повышения его качества, а также выбора оптимальных методов обучения в различных областях знаний, в том числе иностранным языкам. Указанные изменения в государственной политике связаны с глобализацией образовательных систем, с интеграцией России в международное образовательное пространство и с изменениями образовательной парадигмы в соответствии с международными стандартами.

Благоприятные предпосылки для присвоения творческих образцов поведения и преобразования личного навыка творческой деятельности складываются в школьном возрасте.

В современных психолого-педагогических исследованиях понятие «креативность» является многоаспектным.

В широком смысле, являясь самостоятельным явлением, которое представляет собой целостную систему, креативность (творчество) находит выражение в течение всей жизни человека:

1) творческая среда, в которой проявляется креатив (социальный контекст – требования, одобрение / неодобрение к продукту творчества);

2) творческий продукт (характеристики и качественная сторона);

3) творческий процесс (фиксация, описание, свойства и механизмы протекания этого процесса);

4) творческая личность (личностные характеристики, описывающие креативного человека) [4; 5].

В узком смысле креативность может быть определена как общая универсальная способность к творчеству, в той или иной степени свойственная любому человеку [5].

А.В. Петровский расценивает понятие «формирование» личности (создание, перемена формы и содержания) с точки зрения психологического подхода как становление личности – что есть и что возможно в условиях целенаправленных воспитательных воздействий, и с точки зрения педагогического подхода – как воспитание – выделение задач и конкретных способов формирования личности, отвечающих современным запросам и требованиям общества [6].

А.В. Петровский считает, что цели и задачи воспитания задаются социумом, а методы разрабатываются педагогикой,

вследствие этого не стоит стирать границу между тем, что и как следует формировать в личности обучающегося, и тем, что должен увидеть педагог в результате педагогического влияния [6].

Не только методы, формы, средства обучения, но и уровень и содержание подготовки педагогического состава школ подверглись значительному влиянию информационно-коммуникационных технологий. Разработка современного предметного курса / модуля / темы требует от современного учителя быть человеком, способным с учетом психолого-педагогических особенностей группы обучающихся определить цели и задачи, а также грамотно выбрать формы и методы обучения.

Современное образовательное пространство России многогранно. В него глубоко проникла идея использования портфолио. Большое количество учебных заведений благополучно используют его на практике, вследствие этого с полной уверенностью следует признать, что школа XXI века – это «школа портфолио», так как технология «портфолио» считается одной из основных составляющих инноваций в образовании [7].

В современной научной литературе «портфолио» рассматривают в различных аспектах: как педагогическую технологию (т. е. набор методов, способов, приемов обучения и воспитательных средств, приводящий всегда к достижению прогнозируемого результата); как метод, копилку достижений, коллекцию артефактов; как карту карьерного роста, личностного развития; как систематизированное представление результатов работы; как рабочее пространство; как пространство для самопредставления и самопрезентации обучающегося; наконец, как оценочный инструмент.

В качестве способа внедрения и расширения личностно-ориентированного и индивидуализированного обучения в старшей школе возможно выработать методику формирования *Portfolio* – учебного «Портфолио саморазвития» ученика (или пакета учебной образовательной продукции ученика: *Learning Educational Activities Packet = LEAP*). «Портфолио учащегося старшей школы» – это комплект документов, самостоятельных работ, который отображает старания учащегося, прогресс и достижения в области изучения предмета «Иностранный язык».

Целью данной статьи является обоснование необходимости применения инновационной технологии «портфолио» в методике обучения иностранному языку. Методологию исследования составляют анализ и обобщение опыта применения «портфолио» в сфере иноязычного образования, научно-исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, признанных научным сообществом, авторский опыт проектирования и реализации образовательных программ в сфере иноязычного образования [8; 9; 10; 11].

В соответствии с ФГОС «портфолио» является современным педагогическим инструментом сопровождения развития и оценки достижений обучающихся, ориентированным на обновление и совершенствование качества образования [12].

Основные цели и задачи портфолио можно определить следующим образом:

1. Формирование актуальных эталонов, стимулирование влечения к самосовершенствованию.

2. Приобретение способностей рефлексии, составление умения разбирать личные интересы, предрасположенности, необходимости и соотносить их с имеющимися вероятностями («я реальный», «я идеальный»).

3. Формирование позитивных нравственных и моральных свойств личности.

4. Формирование установки на творческую работу и становление мотивации последующего креативного роста.

5. Развитие познавательных интересов и готовности к самостоятельному познанию.

6. Максимальное раскрытие персональных возможностей всякого ребенка.

7. Создание ситуации успеха для всякого учащегося, увеличение самооценки и убежденности в личных возможностях [12].

О росте популярности данного вида фиксации достижений учащихся свидетельствует большое количество публикаций, статей, заметок, исследований, в том числе размещенных в интернет-пространстве. Одна из популярных поисковых систем «Яндекс» на запрос «портфолио» дает 17 млн. ответов, «электронное портфолио» – 5 млн. ответов.

Результаты данного исследования позволили очертить круг проблем, с которыми сегодня сталкиваются учебные заведения. Это прежде всего вопросы определения сущности портфолио, целеполагания его формирования, его структуры и выбора инструментария для его создания.

Говоря о портфолио, следует упомянуть о таком понятии, как «педагогический дизайн». Потребность в формировании высококачественных знаний каждый день увеличивается, в то время как классические инструменты подходят для сравнительно несложных, «линейных» способов подготовки. При разработке же более трудных программ обучения использование классических способов ведет к потерям времени и ресурсов. В результате было введено понятие «педагогический дизайн» – это дисциплина, которую используют ещё на стадии проектирования обучающих материалов. В его основу положено постоянное внедрение знаний об эффективной работе, выстраивании учебного процесса с «открытой архитектурой» и разработке универсальной обучающей среды [13; 14; 15].

С 2016 года по настоящее время на базе МБОУ «СОШ № 1 им. С.Т. Шацкого» (г. Обнинск Калужской области) проводится научно-исследовательская работа, целью которой стала разработка модели «портфолио» как средства саморазвития личности обучающихся старших классов в современной школе.

Стоит помнить, что гипотеза данной разработки состоит в том, что портфолио может стать эффективным инструментом саморазвития личности ученика в современном образовательном пространстве, если:

- будут выделены самые эффективные аспекты портфолио с использованием мирового опыта;
- будет переработана модель портфолио как средства саморазвития учащихся в современной школе;
- будут уточнены организационные этапы и механизмы реализации модели портфолио в образовательных организациях и муниципальных образовательных сетях;
- будут улучшены условия, обеспечивающие эффективное введение и использование портфолио [16].

Опираясь на вышеизложенную информацию и используя передовой педагогический опыт, технология «портфолио»

постепенно внедрялась на уроках английского языка. Сначала данный вид работы носил несистемный характер: заполнение предметных листов в *Portfolio: Now I can...*, которые предлагаются авторами УМК *Spotlight* и *Starlight*.

Видя во многом формальный и неосознанный подход детей к этой форме деятельности, проводилась постепенная адаптация учащихся к работе по созданию «Портфолио по английскому языку как средство саморазвития личности учащегося», имея ввиду портфолио как вид рефлексии.

Ребятам было предложено сформировать папку-скоросшиватель, куда будут складываться их работы. На каждом уроке, 5 минут от начала и 5 минут до конца урока, с ребятами проводилась проверка их папок. Проверка происходила в разных формах: от фронтальной (опрос) до интерактивной (различные виды игр). Работа проходила по нескольким направлениям. Например, когда дело касалось грамматического строя английского языка, отрабатывались определенные грамматические структуры на основе того материала, который нашли учащиеся самостоятельно. В свою очередь, закрепление лексики происходило и с помощью упражнений из учебника и самостоятельно найденных ребятами текстов, видео и игр.

В процессе работы над созданием портфолио у ребят формировались общеучебные умения (систематизация, обобщение, сравнение, классификация и др.), проектировочные умения (выбор и формулирование целей, определение результатов деятельности, планирование), организационные (умение вести деловые записи, находить необходимые данные и т. д.).

Особого внимания требует механизм оценки портфолио, который реализуется следующим образом:

- оценивается только процесс и характер работ над портфолио;
- оцениваются по заданным критериям только обязательные рубрики портфолио;
- оцениваются все рубрики, общая оценка выводится как среднее арифметическое;
- оценивается окончательный вариант портфолио по заранее определенным критериям;

– оценивается не только сам портфолио, но и качество его презентации;

– портфолио не оценивается, а учащийся выбирает отдельные части для презентации на итоговом занятии.

Критерии оценивания, как правило, определяются совместно с учащимися, но могут быть предложены в отдельных случаях и единолично педагогом. Основной закон инновационной педагогической технологии по созданию учебного портфолио – делай по-своему, исходя из своих способностей, интересов и личного опыта, корректируй сам себя [17].

На данный момент происходит перевод работ с бумажного носителя на электронный.

Кроме того, следует понимать, что в основу работы с портфолио была положена основная задача педагогического дизайна – максимально полная передача нужной информации в доступной для ученика форме. Важен не просто сам факт её предоставления – с этим неплохо справляются более простые методы. Главной задачей является именно четкое восприятие и последующее применение полученных знаний на практике. Для достижения этого в основы педагогического дизайна заложены 8 принципов американского психолога Роберта Ганье (*Robert Mills Gagne*), одного из основателей педагогического дизайна и автора книг по теории обучения:

1. **Привлечение интереса** учащихся, мотивация на изучение тем и способов обучения.

2. **Объяснение целей и задач обучения.** Тут не только даётся ответ на вопрос «зачем?», но и складывается конкретная степень ожиданий от результатов самого процесса.

3. **Представление нового материала.** Наиболее трудная доля процесса, потому что выборочность восприятия всякого свежего материала характерна для человеческой психики. Это означает, что нужно заблаговременно предугадать конкретные составляющие, которые разрешат учесть внимание учащегося на весомых моментах и довести до него ключевую идею в максимально доступной форме.

4. **Сопровождение обучения.** По сути это инструкция учащимся и семантическое составление установки на удержание приобретенного материала в долговременной памяти.

5. **Практика.** Необходимо быстро, пока новые знания еще свежи, опробовать их в реальных условиях или просто подтвердить соответствующим экспериментом, что четко и весьма эффективно увяжет теорию с практикой.

6. **Обратная связь.** Оценка избранного способа изучения и его производительности невыполнима без оперативного анализа. Вследствие этого ещё на этапе разработки курса должна быть заложена максимально эластичная система обратной связи (здесь понадобятся итоги анализа мотивированной аудитории и её возможностей).

7. **Оценка** успеваемости и общая оценка производительности учебного курса.

8. **Перевод в практическую плоскость,** поддержка учащихся в сохранении знаний и их верном использовании. В отличие от 5-го принципа тут важно передвинуть практические способности в новые обстоятельства, не данные первоначальными рамками курса. Это позволит оценить глубину усвоения знаний [18].

В ходе научно-исследовательской работы организовано апробирование серии уроков английского языка с применением технологии «портфолио» с целью развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся экспериментальных групп.

Беседы с учениками и итоги проведённой экспериментальной работы продемонстрировали, что ребята с большим интересом отнеслись к практике составления своих учебных «портфолио», трудились с энтузиазмом, так как это был новый для них вид работы. Было подмечено, что обучающиеся учились разбирать свою работу, личные удачи, беспристрастно оценивать свои способности и видеть способы преодоления трудностей, достижения более высоких результатов. Вся их деятельность по изучению иностранного языка становилась более осознанной. Таким образом, у них создавалась целостная картина объективного продвижения в этой области.

Процесс совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся с использованием технологии «портфолио» был организован на основе принципов пошаговости, логической и методической последовательности.

Было выявлено, что использование портфолио способствует эффективному развитию рецептивных и продуктивных умений, а именно аудированию и говорению: результаты опытно-экспериментальной работы показали положительную тенденцию в развитии иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся. Предлагаемая структура учебного языкового портфолио отражает ход учебного когнитивного процесса, наглядно демонстрируя его стадии от сбора фактического материала к его последующей сортировке, анализу, обработке, освоению и применению.

Общепринятой структурой «портфолио» можно считать следующую структуру, состоящую из трех разделов: «портфолио документов», «портфолио работ», «портфолио отзывов».

«Портфолио документов» включает сертифицированные (документированные) индивидуальные образовательные достижения и предполагает возможность как качественной, так и количественной их оценки. В него ученик собирает документы об участии в грантах, об окончании музыкальной или художественной школ, сертификаты о прохождении тестирования, участии в конкурсах, соревнованиях, олимпиадах и т. п.

«Портфолио работ» дает широкое представление о динамике учебной и творческой активности ученика, направленности его интересов, характере предпрофильной подготовки и профильного обучения.

«Портфолио работ» включает в себя:

- работы, проекты, исследования, которые учащиеся выполнили в учреждениях дополнительного образования;
- работы, позволяющие проследить динамику учебного прогресса (классные, домашние работы; прикладные проекты; упражнения и задачи, выполненные сверх учебной программы; сочинения, рефераты, наглядные пособия, творческие работы, фотографии, зарисовки, копии текстов с интернет-сайтов, описание экспериментов, аудио-, видеокассеты с записью выступления; листы самоконтроля с описанием того, что учащийся не понимает по данной теме, почему и в какой помощи он нуждается; лист целей и т. п.);

- собственные изделия учащегося (модели, поделки, картины, стихи, музыкальные произведения собственного сочинения, фотографии, компьютерные программы и т. п.).

Примерная форма фиксации работ ученика в «портфолио работ»:

- *проектные работы* – указывается тема проекта, дается описание работы; возможно приложение в виде фотографий, текста работы в печатном или электронном варианте;

- *исследовательские работы и рефераты* – указываются изученные материалы, название реферата, количество страниц и т. п.;

- *техническое творчество* – модели, макеты, приборы; указывается конкретная работа, дается ее краткое описание;

- *работы по искусству* – дается перечень работ, фиксируется участие в выставках;

- *другие формы творческой активности* – участие в школьном театре, хоре, оркестре; указывается продолжительность подобных занятий, участие в гастроях, концертах;

- *элективные курсы и факультативы* – делается запись о названии курса, его продолжительности, форме, в которой проходили занятия;

- *различные практики* – языковая, социальная, трудовая, педагогическая; фиксируется вид практики, место, в котором она проходила, ее продолжительность;

- *занятия в учреждениях дополнительного образования, на различных учебных курсах* – указывается название учреждения, продолжительность занятий и их результаты;

- *участие в олимпиадах и конкурсах* – указывается вид мероприятия, время его проведения, достигнутый учащимся результат;

- *участие в научных конференциях, учебных семинарах и лагерях* – указывается тема мероприятия, название проводившей его организации и форма участия в нем ученика;

- *спортивные достижения* – делается запись об участии в соревнованиях, наличии спортивного разряда.

В «портфолио отзывов» учащемуся предлагается представлять отзывы на творческие работы, исследовательские и другие проекты, участие в конференциях и самых различных сферах приложения сил;

саморефлексия ученика на разнообразную выполняемую им деятельность, начиная с учебной и урочной и заканчивая хобби.

Примерный перечень документов «портфолио отзывов»:

- заключение о качестве выполненной работы;
- рецензия на статью;
- отзыв о работе в творческом коллективе дополнительного образования, о выступлении на научно-практической конференции;
- резюме школьника с оценкой собственных учебных достижений;
- эссе школьника, посвященное выбору направления дальнейшего обучения;
- рекомендательные письма;
- отзывы родителей, учителей, одноклассников и т. д.

Однако, принимая во внимание специфику учебного предметной области «Иностранный язык», возможно внесение дополнительных сведений, таких как:

1. Оценочный лист (*Scoring sheet*) – отдельный или введённый в дневник изучения иностранного языка учебный материал (разных авторов) – грамматика, фонетика, лексика; аутентичные тексты – медиатексты разной направленности, образцы документов.

2. «Архив» с выполненными упражнениями, анализом аутентичных текстов, конспектами, рецензиями, аннотациями, докладами, эссе.

3. «Моё досье» хранит информацию об успехах учащегося по иностранному языку: автобиография, шкалы самооценок, дипломы и сертификаты.

4. «Чертоги разума» (*Mind palace*) – любопытный иноязычный материал: песенная лирика, киносценарии, аудио, видео, презентации.

Анализ процесса учебной работы и его итогов позволяет говорить о том, что представленная инноваторская разработка инициирует учебную работу учеников, потому что:

– представляет основы лично ориентированного образования при помощи индивидуализации манеры учебной работы, планируемой с учётом интересов и ценностей обучающихся, особенностей их характера, возможностей и хода познавательных процессов восприятия, памяти, мышления;

- классифицирует иноязычный материал, показывая его структуру и иерархические связи между его компонентами;
- актуализирует собранный иноязычный материал как базу личных иноязычных итогов обучающихся (аннотаций, рецензий, отчетов, презентаций и т. п.);
- содействует приобретению учениками способностей беспристрастной самооценки итогов собственной учебной деятельности;
- ликвидирует субъективный момент при оценке педагогом успеваемости обучающихся.

Как было сказано в начале статьи, инновационная технология «портфолио» по-прежнему может рассматриваться как перспективное направление и её возрождение или, лучше сказать, обновление происходит по нескольким аспектам.

1. Целевой: увеличилось количество участников образовательного процесса по созданию портфолио. Раньше это был только учащийся школы, в основном начального уровня образования. Сейчас это учащийся среднего и старшего уровня, а также студент, магистрант или аспирант вуза. Цель также претерпела значительные изменения. Раньше портфолио обозначало собрание ничем не подкрепленных работ художника или фотографа. Сейчас это почти полноценный образовательный инструмент для отслеживания прогресса обучающегося.

2. Концептуальный: улучшилось качество функций портфолио. Сейчас можно насчитать 12 функций портфолио, которые охватывают практически все сферы образовательного процесса. Среди них: диагностическая, контролирующая, аттестационная, рейтинговая, мотивирующая, саморазвивающая и др.

3. Структурно-содержательный: на основе двух предыдущих пунктов можно говорить о расширении структуры и уточнении содержания портфолио. Выше приведен пример обновленной структуры с дополнениями, исходя из особенностей определенного учебного предмета. В рамках накопительной, саморазвивающей системы «портфолио» происходит системная оценка личностных, метапредметных и предметных результатов.

4. Технологический: с 2002 года, когда технология «портфолио» начала прочно входить в образовательные системы

многих стран, образовательные технологии развивались и развиваются в сторону компьютеризации и цифровизации. В настоящее время происходит переход от традиционного бумажного портфолио к *e-portfolio*, которое можно создать на многих интернет-платформах. Например, АИС «Сетевой город. Образование» предлагает два разных портфолио: «Личный портфолио» (для ученика) и «Педагогический портфолио» (для учителя). Так как данная платформа является закрытой, для большей открытости рекомендуется использовать бесплатные интернет-сервисы: *Wix, Tilda, GoogleSites, Weebly, Jimdo* и разнообразные инструменты *Microsoft (Outlook, Note* и проч.). Пример использования последнего ресурса можно проследить по портфолио магистрантов и аспирантов КГУ им. К.Э. Циолковского (г. Калуга).

5. Результативный: согласно п. 3 и п. 4, результат портфолио может быть использован при поступлении в вуз. Вышеуказанные вузы уже разработали свои системы добавления баллов к результатам ЕГЭ. Например, Игорь Реморенко, ректор Московского городского педагогического университета (МГПУ), говорит следующее: «Портфолио – это исключительно индивидуальная история. За его содержимое (перечень индивидуальных достижений) можно получить дополнительные баллы к результатам ЕГЭ при приёме в вуз. В сумме – не более 10 баллов. Это очень обширный перечень достижений, и у каждого вуза он свой. Например, в нашем вузе золотой знак отличия Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) даёт абитуриенту пять баллов; победителям и призёрам регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников начисляется дополнительно 10 баллов. Даже волонтерская деятельность может принести абитуриенту дополнительные пять баллов. Важно, чтобы число баллов не конкурировало с общим рейтингом ЕГЭ. Для 10–15 % ребят, предъявляющих свои достижения, эти баллы играют роль. И это, безусловно, стимул для них. Я не думаю, что в школе должны уделять особое внимание ведению портфолио. Человек сам решает, какие достижения может использовать с пользой для себя» [19].

Научное исследование технологии «портфолио», продемонстрированное в данной статье, может быть использовано в практической деятельности другими педагогами при выполнении

следующих условий: согласие администрации образовательной организации, самообразование педагога учебного предмета, наличие современных технических средств обучения и моральная готовность учащихся для восприятия информации.

В заключении следует отметить, учитывая все выше сказанное, что технология «портфолио» по-прежнему сохраняет свою актуальность и в будущем её ожидают значительные изменения. В перспективе дальнейшие попытки исследования могут оказаться весьма полезным вкладом в педагогику в целом и в методику обучения иностранному языку в современной школе, в частности.

Библиографический список

1. Соловова Е.Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход: Монография. М.: Глосса-Пресс, 2004. 336 с.
2. Поляков О.Г. Цели профессионально-ориентированного обучения иностранному языку: теоретические аспекты // Иностранные языки в школе. М.: Методическая мозаика, 2007. № 5. С. 2–5.
3. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы». Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295 (ред. от 27.04.2016) // Электронный ресурс Интернет: <http://docs.cntd.ru/document/420352525>.
4. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
5. Еремина Л.И. Формирование креативности студентов в процессе социального воспитания в учебной группе: Дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 215 с.
6. Общая психология. М.: Просвещение, 1986. 464 с.
7. Луферов Д.Н. Языковое портфолио как технология организации самостоятельной работы студентов, изучающих дисциплину «Иностранный язык» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2017. № 4. С. 152–163.
8. Голуб Г.Б., Чуракова О.В. Портфолио в системе педагогической диагностики // Педагогическая диагностика. 2005. № 3. С. 56–81.

9. Загвоздкин В.К. Метод портфолио – нечто большее, чем просто альтернативный способ оценки // Электронный ресурс Интернет: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/10448.php>.

10. Коряковцева Н.Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: Уч. пос. для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 192 с.

11. Новикова Т.Г., Пинская М.А., Прутченков А.С. Построение различных моделей портфолио // Методист. 2005. № 3. С. 39–43.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413).

13. Ариян М.А. Обучение иностранным языкам и умственное развитие школьника // Иностранные языки в школе. 2016. № 9. С. 8–14.

14. Горбова Н.В., Селезнева И.П. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся с использованием технологии подкастинга // Проблемы современного педагогического образования. Сборник научных трудов: Ялта: РИО ГПА, 2018. Вып. 61. Ч. 2. С. 122–125.

15. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

16. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителей. М.: АРКТИ, 2002. 176 с.

17. European Language Portfolio. Goal Setting and Learning How to Learn // Электронный ресурс Интернет: <https://rm.coe.int/16804932c3>.

18. Gagne R.M. Principles of Instructional design. Harcourt Brace College Publishers. 1992. 392 p.

19. Волошко Т. Портфолио достижений школьника: какая в нем польза и стоит ли его вести // Электронный ресурс Интернет: <https://mel.fm/postupleniye/192468-portfolio>.

Сведения об авторе

Арсентьева Анна Юрьевна
аспирант кафедры педагогики
КГУ им. К.Э. Циолковского
E-mail: brittanica@mail.ru

УДК 81'25:378.147

НУЖНО ЛИ ПЕРЕВОДЧИКУ ВЫСШЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

А.Ю. Ивлева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск

В статье представлена точка зрения, касающаяся недопустимости выхолащивания традиционно сложившейся профессиональной подготовки переводчика, осуществляемой в рамках филологии.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, переводчик, подготовка переводчика, профессиональная отрасль, рынок переводческих услуг, переводческие компетенции.

Does a Translator / Interpreter Need a College Degree in Linguistics?

Alina Ivleva

The article shows the importance of the traditionally accepted system of training translators and interpreters with a strong foundation in philology and linguistics, and outlines possible scenarios if this training paradigm is rejected.

Key words: professional standard, translator / interpreter, translators' / interpreters' training, professional market, translator's / interpreter's competence.

В свете последних дискуссий, связанных с написанием профессионального стандарта, определяющего трудовые функции переводчика, не может не возникнуть вопрос: «А нужно ли, в принципе, переводчику лингвистическое образование?»

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы показать, что подготовка переводчика – это серьезное дело, которое должно быть доверено лингвистам-профессионалам, обладающим рядом компетенций, важнейшей из которых является профессиональное владение иностранным и родным языками.

Абсолютно не дискуссионной представляется нам ситуация, связанная с подготовкой переводчиков в России и на Западе. Э. Прунч в своей замечательной книге «Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической» пишет: «Если сравнивать развитие переводоведения на так называемом Западе и в России, то первое похоже на горную речку, которая энергично отрывается от своего истока, сопоставительной лингвистики, и бурно течет по разным долинам близких наук,

сравнительного литературоведения, когнитивистики, культурологии, социальных наук... иногда меняя свое русло при преодолении так называемых поворотов, и лишь постепенно становится все более спокойным, но вместе с тем широким и глубоким потоком. Российское переводоведение видится, скорее, течением в широкой реке филологии, а наука об устном переводе – течением в психологии...» [1. С. 9].

Так исторически сложилось, что теория и практика перевода на Западе не привязана сугубо к одной из областей гуманитарного знания. Теории и концепции, возникающие на Западе, так или иначе связаны с определением той функции, ради которой осуществляется перевод. Даже на ранней стадии развития теории перевода, когда и западные и отечественные переводоведы были озабочены выработкой теории эквивалентности (роль которой заключалась в некоей унификации, приведению к общему знаменателю множества мнений, мешающих точному, достоверному, т. е. научному, объяснению основополагающих переводческих элементов, формирующих переводоведческое пространство), позиции советских и западно-европейских переводоведов не совпадали. Несмотря на обоюдную заикленность ученых на создании универсальной типологии текстов, западные переводоведы все же рассматривали текст как нечто вторичное по отношению к реципиенту, ради которого он создается в оригинале и творится в переводе [2]. Безусловно, перевод как теория в трудах западных теоретиков перевода рассматривается в поле культурно-детерминированной деятельности. Переводчик понимается как один из коммуникантов, ему отводится роль эксперта, прежде всего, в области культуры, благодаря которой познается текст. В российском переводоведении до недавнего времени преобладали концепции, связанные с возвеличиванием роли текста. Понимание перевода как перекодирования знаков одного языка в знаки переводящего языка – типичная трактовка сути переводческого процесса, которая до сих пор, к сожалению, бытует и передается молодому поколению студентов, обучающихся по направлению подготовки «Перевод и переводоведение». До сих пор на многих факультетах иностранных языков пропагандируется исключительно лингвистический подход к переводу, в котором во главу угла поставлен текст, переводчику отводится роль транслятора,

фундаментом всей переводоведческой науки является теория эквивалентности. При этом существует значительная терминологическая путаница, из-за которой совершенно разные по своей сути термины адекватности и эквивалентности перевода приравниваются друг к другу [3].

Нельзя не отметить положительные стороны лингвистической теории перевода, значительные ее наработки и созданные за годы плодотворного существования практические рекомендации. Более того, мы полагаем, что именно дискуссия об эквивалентности привела переводческое сообщество к идее необходимости понимания перевода как процесса, осуществляемого во имя потребностей участников коммуникации, а не во имя текста как такового. Идеи отечественных переводоведов смогли привести к пониманию того, что теория перевода – это отдельная дисциплина. Именно в рамках лингвистического подхода к переводу возникли известные переводческие школы России. Именно благодаря таким ярчайшим представителям этого направления в переводе, как Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров и др., российское переводоведение стало известно на Западе. Поэтому бичевать лингвистический подход к переводу было бы стратегически неверно. Заложив основы понимания перевода как науки, предложив теоретическую и методологическую базу, лингвистический подход к переводу по праву заслуживает того почетного места, которое он занимает на пьедестале отечественной лингвистики. Но и упрощать его понимание, сводя весь подход к трансформационным моделям неправильно.

Мы считаем, что нежелание многих отечественных преподавателей перевода понять необходимость внедрения в учебный процесс достижений иных подходов к переводу во многом привело, в частности, к созданию обсуждаемого профессионального стандарта «Специалист по переводу и локализации», в котором переводчиком выступает и техник, и наборщик, и корректор. Можно долго гневаться на разработчиков, обвиняя их в некомпетентности, но следует разобраться в причинах появления такого, мягко говоря, противоречивого подхода. Разработчики, представители переводческой отрасли, не могут не удивляться тому, как в некоторых вузах учат будущих переводчиков, и, главное, ЧЕМУ их учат. А учат

находить в текстах переводов (хорошо, если это переводы самих студентов, чаще бывают профессиональные переводы) переводческие трансформации, настаивают на пояснении применения этих трансформаций. Такой подход необходим на начальном этапе обучения переводу, но когда подобный анализ выносится на государственный экзамен, это просто недопустимо. Давайте поразмышляем: получается, что преподаватель проверяет у студентов не сформированную компетенцию, демонстрирующую умение студентов переводить, например, письменный текст, а способность отыскивать переводческие трансформации, о которых переводчик, осуществивший перевод, вряд ли задумывался.

Безусловно, не следует обобщать отдельно встречающиеся факты. Можно обратить внимание на то, что во многих вузах, напротив, преподаватели нацелены на практико-ориентированное обучение переводчиков, которое проявляется по всей вертикали получения переводческого образования: и в течение преподавания языковых, переводческих, теоретических дисциплин, и во время прохождения практик и написания ВКР. Но даже отдельно существующие факты, демонстрирующие упрямое нежелание преподавателей реформировать свои занятия по переводу, приблизив их к современному состоянию отечественного перевода как науки и практики (и для этого – реформировать свои устоявшиеся взгляды и подходы в области теории и практики перевода), позволяют молодым амбициозным предпринимателям, работающим в отрасли и вдохновленным государственным заказом, преподнесенным устами государственных чиновников из соответствующего министерства, расписывать трудовые функции переводчика по уровням. В результате проделанной работы получается, что бакалавр лингвистики способен «вползти» только на шестой уровень, а вот стоящий над ним переводчик седьмого уровня в принципе может не иметь базового переводческого образования – главное, что он умеет переводить. Так и разматывается клубок. Получается, что лингвистическое переводческое образование девальвируется. Юрист со знанием иностранного языка – более ценный специалист, чем бакалавр лингвистики, профессионально обучавшийся переводу. Можно гневно возразить: «Что же это, из-за переводческих трансформаций?» Не только, но и из-за них тоже. Вернее, из-за того,

что наставник поместил их во главу угла, преподавая перевод. Из-за того, что не были выстроены приоритеты. Из-за того, что преподаватель не смоделировал на занятиях реальные коммуникативные ситуации, в которых переводит реальный переводчик. Из-за того, что на факультете не было понимания того, что бакалавр-учитель и бакалавр-переводчик – по сути своей разные невзаимозаменяемые профессии. Из-за того, что, в конечном счете, у этого бакалавра так и не было сформировано переводческое мышление.

Очевидно, что подготовкой переводчиков должны заниматься профессионалы. Очевидно также, что эта подготовка должна протекать в исторически сложившихся рамках. Отечественный переводчик – это филолог, лингвист, а не математик, юрист, биолог, владеющий иностранным языком и свободно оперирующий профессиональными терминами. Суть подготовки переводчика заключается в том, чтобы научить будущего специалиста основополагающим принципам и приемам переводческого мастерства. Владея переводческими навыками и умениями, сформировав должные, предусмотренные образовательным стандартом компетенции, переводчик в состоянии изучить в ограниченные сроки разные лексические тематические поля.

Выпускник-переводчик не может и не должен загонять себя в тупик одних и тех же трудовых функций, выполнять одни и те же узкоспециализированные переводы. Выпускник-переводчик владеет основными принципами перевода, умеет определить стратегию перевода и выработать необходимые тактики, в состоянии реализовать их на практике, применяя, или не применяя те или иные переводческие операции. Переводчик должен обладать базовыми знаниями в области теории перевода, языка, должен владеть навыками вычленения главного, обязан осуществлять не только языковую, но и смысловую компрессию.

Каким бы пытливым ни был студенческий ум, он не может противостоять навязанным преподавательским авторитетом исключительно частным моментам, связанным с переводческой деятельностью. И когда эти частности становятся фундаментом, когда трансформация и теория эквивалентности заменяют собой здравый смысл, вот тогда мы и имеем такого специалиста, который не

соответствует требованиям современного рынка труда и которого приходится переучивать тем самым молодым амбициозным бизнесменам, работающим в переводческой отрасли. Тогда и пишут профессиональные стандарты, подобные обсуждаемому.

Подготовка переводчика предполагает формирование у него таких профессиональных компетенций, благодаря которым решаются ключевые вопросы, связанные с переводческой деятельностью. Уже на этапе получения высшего образования будущий переводчик осознает свое место и роль в культурном пространстве, в котором ему отведена роль посредника, некоего связующего звена между коммуникантами, не понимающими друг друга в силу отсутствия у них как раз тех компетенций, которые сформированы у переводчика. Значение переводчика велико – он позволяет успешно осуществлять предметную деятельность людей, часто находящихся в одном и том же профессиональном пространстве, но лишенных возможности адекватного общения в силу недостаточного владения иностранными языками. Если мы, сопрягая образовательный стандарт с профессиональным, будем настаивать на подготовке узких (в актуальной профессиональному стандарту терминологии – «уровневых») переводчиков, специализирующихся на тех или иных текстах, мы лишим этих специалистов всякого творчества. Сейчас выпускник-переводчик работает с разножанровыми текстами в разных речевых регистрах. Действующие переводчики не раз отмечали, что «заикливание» на какой-то одной узкой области вряд ли можно считать продуктивным. Сегодня вы переводите на конференции, посвященной проблемам филологии, завтра работаете над письменным переводом текста по неорганической химии, послезавтра отправляетесь на экскурсию по пушкинским местам с туристической группой из Новой Зеландии. Каждый новый перевод стимулирует изучение новой лексики, проникновение в новые семантические поля, расширение фоновых знаний. Каждый новый перевод – неоценимый опыт, позволяющий переводчику вновь и вновь доказывать свою профессиональную пригодность и ощущать себя полноправным коммуникантом в определенной коммуникативной ситуации, профессионалом, вырабатывающим нужную стратегию, мыслящим индивидом, *человеком творящим*, а не *существом функционирующим*.

Даже не хочется представлять, каковы могут быть последствия внедрения на практике идей проекта профессионального стандарта, регламентирующего функционирование переводчика. Вот только некоторые из них. Во-первых, на всех факультетах введут курсы подготовки переводчиков в профессиональной сфере. Так как этот ввод будет носить массовый характер и курсы начнут приносить деньги университету (что сейчас как нельзя кстати), практически нивелируется всяческая профессиональная щепетильность, связанная с отбором студентов на подобные курсы. Проще говоря, обучать будут всех платежеспособных, что не есть синоним «способных к переводу». Так как количество желающих будет велико, аудиторного фонда не хватит – количество человек в группе превысит все мыслимые и немыслимые пределы. Придя на занятие в такую группу, преподаватель сначала ощутит беспомощность перед толпой неспособных постичь переводческое ремесло студентов, затем начнет механически выполнять свою функцию выработки положенных часов. Во-вторых, новообученные переводчики ринутся на переводческий рынок и начнут осуществлять свои функции на предписанных уровнях. Отсутствие лингвистического образования вскоре даст о себе знать: переводы будут выполнены на низком уровне, с нарушением норм переводящего языка. В-третьих, в направлении подготовки «Перевод и переводоведение» в принципе не будет необходимости. На факультетах иностранных языков классических вузов просто перестанут готовить переводчиков, отдав такую подготовку на откуп межфаку. Так постепенно начнет выхолащиваться сама суть профессии переводчика.

Можно возразить, сказав, что рынок сам отметит некачественные переводы, и, соответственно, их породивших. Но с этим, к сожалению, можно поспорить. Исходя из того, что благодаря горе-переводчикам наши обыватели уже давно осуществляют «деликатную стирку», вдыхают «деликатный парфюм», практикуют «тимворк» и требуют от своих сотрудников «фидбэка», нельзя не предположить, что все те же обыватели будут с удовольствием пользоваться некачественными переводами. Плохой стиль и отвратительный язык никак не повлияют на образ жизни потребителя. И, действительно, нужен ли сытому обществу потребителей другой профессиональный стандарт профессии «переводчик»?

Библиографический список

1. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 511 с.
2. Ивлева А.Ю., Полетаева Е.Д. Выработка стратегии перевода как залог его адекватности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 302–305.
3. Ивлева А.Ю. Интерпретация текстов «потока сознания»: аксиологический и лингвистический аспекты // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. № 3 (7). С. 64–67.

Сведения об авторе

Ивлева Алина Юрьевна
доктор философских наук, доцент,
профессор, заведующий кафедрой
теории речи перевода
факультета иностранных языков
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарёва
E-mail: a.ivleva77@yandex.ru

УДК 81'255:378.147

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

М.Ю. Родионова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются основные аспекты формирования профессиональных компетенций студентов-переводчиков в условиях нового типа мышления современных студентов, анализируются связанные с этим проблемы и обсуждаются практические шаги по их решению.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, мышление, предпереводческий анализ текста, переводческие трансформации, информационный поиск.

Developing Professional Competencies while Teaching Written Translation

Maria Rodionova

The article discusses main aspects of forming professional competencies of translation students in the context of present-day changes in students' mentality, analyzes related problems, and describes practical steps for solving them.

Key words: professional competencies, mentality, pre-translation text analysis, translation techniques, information retrieval.

В настоящее время все больше и больше говорят и пишут о том, что у сегодняшних студентов формируется иной тип мышления, на развитие которого в значительной степени влияет распространение информационных технологий и электронных средств коммуникации. Феномен клипового мышления спровоцировал жаркие дискуссии среди преподавателей разных учебных дисциплин. И хотя отношение к новому типу мышления нередко бывает негативным, невозможно не согласиться с тем, что это закономерный процесс развития информационного общества. Интернет, социальные сети и мессенджеры становятся для студентов абсолютно естественным источником информации. Быстрый доступ к информации и возможность вернуться к ней практически в любой момент избавляют студентов от необходимости запоминать эту информацию, выстраивая определенные ассоциативные связи. Существование в условиях некоторого избытка информации и необходимости ее непрерывного потребления зачастую препятствует формированию

системных связей. Такое мышление характеризуется фрагментарностью восприятия, нарушением причинно-следственных связей, отсутствием логических цепочек и называется клиповым.

Эти особенности в первую очередь затрудняют формирование тех профессиональных компетенций у студентов-переводчиков, которые относятся к письменному переводу. Практически во всех образовательных стандартах профессиональной подготовки переводчиков прописаны следующие профессиональные компетенции:

- владение методикой предпереводческого анализа текста, способствующей точному восприятию исходного высказывания;
- владение методикой подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях;
- владение основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода;
- способность осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм.

Изучая феномен клипового мышления, многие говорят о необходимости учитывать этот новый тип мышления в процессе обучения, подчеркивая тот факт, что «гораздо продуктивнее было бы использовать те образовательные технологии, которые бы наиболее оптимально учитывали особенности клипового мышления» [1]. Однако в преподавании письменного перевода остается еще целый ряд вопросов: что, как и почему нужно менять, – заставляющих изучать эту проблему комплексно, обсуждая одновременно и саму проблему и способ ее решения.

Первым шагом при обучении письменному переводу является знакомство студентов с техникой предпереводческого анализа текста. Безусловно, статус данного аспекта переводческой деятельности, а значит и соответствующего аспекта обучения переводу, является одной из актуальных проблем. Если обратиться к европейским переводчикам, таким как М. Бейкер [2], К. Норд [3], то в их трудах можно проследить соотнесение переводческого анализа с изучением структуры и прагматики текста. На сегодняшний день существует большое количество работ и учебных пособий по

предпереводческому анализу текста, таких как работы В.В. Сдобникова [4], М.П. Брандес и В.И. Провоторова [5], О.В. Петровой [6], И.С. Алексеевой [7], в которых представлены модели предпереводческого анализа.

В работах многих переводоведов представлены четкие алгоритмы, собирающие воедино все множество параметров предпереводческого анализа текста. Так, С.А. Королькова предлагает пошаговые инструкции при работе с текстом, которые включают в себя следующие операции: «сбор внешних данных о тексте (источник, реципиент), определение состава информации (когнитивная, оперативная, эмотивная, эстетическая), определение коммуникативно-прагматической функции текста (мотивационные установки, система прессупозиций, импликации), определение типа и жанра текста (конвенциональные параметры текста, средства когезии, тема-рематическое членение предложений), лексико-синтаксический анализ текста (видо-временные формы глагола, синтаксические структуры, лексические средства, стилистические средства)» [8. С. 53]. То есть предпереводческий анализ направлен на то, чтобы «вписать» текст в широкий экстралингвистический контекст; определить как цель создания самого текста, так и цель перевода, а также потенциального получателя перевода и его отличия от адресата оригинала, привлечь внимание к особенностям построения самого текста и тем языковым средствам, с помощью которых автор добивается поставленной задачи.

Обычно занятия по письменному переводу строятся по определенной схеме. Студенты получают домашнее задание, что предполагает внимательное прочтение текста с последующими ответами на стандартный набор вопросов о времени, месте написания текста, об авторе, о том, кому текст адресован и с какой целью написан, о том, для кого и с какой целью этот текст будет переводиться. И, кроме того, подразумевает поиск дополнительной информации, которая нужна переводчику для более полного понимания текста, а также для прагматической адаптации текста к фоновым знаниям получателя перевода. Следующий шаг предполагает обсуждение результатов проделанной самостоятельной работы, в ходе которого решается вопрос о цели перевода и его потенциальном получателе. И дальше начинается перевод.

В силу определенных обстоятельств в эту схему нередко приходится вносить изменения, потому что в ходе обсуждения выясняется, что найденная студентами информация не является релевантной. Почему так происходит? Оказывается, что вся информация была взята из первой выходящей по запросу ссылки, из первого попавшегося источника, в названии которого упомянуто что-то, связанное с названием текста и в лучшем случае – с именами собственными. Конечно, при таком подходе студенты не могут ответить, почему и как именно эта информация может пригодиться при переводе.

Поэтому нередко начинать работу приходится с чтения текста оригинала на занятии с последующим определением того, о чем он, какова его тема, какая проблема в нем обсуждается или представлена. И уже на этом этапе приходится уточнять, что, например, статья о проблеме свободы слова и Интернете не может быть просто «об Интернете» и что она, скорее всего, о вызванной появлением Интернета и социальных сетей необходимости пересмотреть взгляды на понятие «свобода слова». Часто преподавателю приходится прогнозировать, что именно может быть неизвестным для студентов, и обсуждать эти фрагменты текста, объясняя, с какой целью автор это написал. Так, например, если речь идет об именах собственных, то необходимо обсудить на занятии, что именно нужно узнать об этих людях. То есть постараться обратить внимание на два вопроса: во-первых, понять, с какой целью автор текста упоминает эти имена собственные, а во-вторых, предположить, на какие знания получателей текста он при этом рассчитывает. Недостаточно знать, кто этот человек, а важно понять, что именно о нем, как полагает автор, знает читатель.

Особо нужно остановиться на вопросе о цели выполнения перевода. Особенно в тех случаях, когда с момента написания текста прошло достаточно длительное время. Сегодняшние студенты не видят текста во временной перспективе. Они не понимают, что цель перевода нельзя формулировать просто как «рассказать это нашему читателю». Необходимо представить себе, какому именно читателю и почему это сегодня может быть интересно или нужно, для какого типа издания и зачем сегодня такой перевод может быть заказан. Примером может служить обсуждение перевода текста «Награда за

сорванный урок» с русского языка на английский. Рассказ о том, как учительница во время пожара спасла из горящего здания школы 19 учеников, за что ее наградили орденом Мужества, который ей лично вручил Борис Ельцин. Студенты понимают, что описанные в тексте события произошли давно. На вопрос о том, зачем это сегодня переводить, чаще всего отвечают: «Чтобы рассказать американцам о подвиге учителя». Ответить на дальнейшие вопросы (кого это может интересовать через 25 с лишним лет, какая газета может заказать такой перевод, почему в качестве примера подвига британская или американская газета захочет опубликовать рассказ о том, что когда-то произошло в неизвестном ее читателям российском городе и т. д.) студенты не могут. Текст, по мнению студентов, переводится всегда с одной и той же целью: «рассказать». Нужно объяснять и постоянно напоминать, что перевод может выполняться с разными целями. И главное – показывать, как цель перевода может повлиять на принятие определенных переводческих решений (если мы переводим с такой-то целью, то мы это переведем так; а если с такой-то – то так). И это важно не только и не столько для поиска вариантов перевода конкретного текста, сколько для того, чтобы студенты осознали, прочувствовали смысл предпереводческого анализа. Поняли, что это не формальная процедура ответа на определенные вопросы, а важнейший этап переводческой работы с текстом.

Обсудив все эксталингвистические вопросы, связанные с текстом, можно перейти к следующему этапу анализа – лингвистическому, то есть к определению жанрово-стилистической принадлежности текста и его композиции. Преподаватель должен пошагово, с помощью вопросов показать, какова композиция текста, попросив студентов разделить текст на смысловые части, установить характер взаимосвязи между ними и оценить степень логической соотнесенности всех частей текста. Кроме этого, необходимо показать, как эта композиция «работает» на реализацию авторского замысла, показать, за счет чего возникает связанность текста. И уже потом в процессе перевода постоянно к этому возвращаться, находя такие варианты перевода, которые будут соответствовать выявленной логике текста. Таким образом, формирование и развитие навыков предпереводческого анализа текста с учетом особенностей мышления и восприятия информации становится одной из основных задач на

занятии по письменному переводу. Пошагово выполнив со студентами процедуру предпереводческого анализа нескольких текстов на занятиях, можно перенести эту работу в раздел домашнего задания с обязательным обсуждением результата на следующем занятии.

С формированием компетенции, связанной с методикой предпереводческого анализа текста, тесно связано и **обучение методике подготовки к выполнению перевода, включая поиск информации в справочной, специальной литературе и компьютерных сетях.** Помимо чисто технических вопросов, таких как, например, формирование правильного запроса для получения необходимой информации, особое внимание стоит уделить двум аспектам: выбору ресурса и определению уже упоминавшейся релевантности информации.

Что касается выбора ресурса, то здесь стоит отметить, что далеко не все студенты умеют отличать достоверные источники от недостоверных, специализированные от неспециализированных и т. д. Сегодня для большинства из них существует один единственный источник информации – Интернет, поскольку на вопрос о том, где была найдена та или иная информация, большинство, как правило, отвечают: «в Интернете», не запоминая при этом даже сайт, не говоря уже об изданиях и авторах. Такой же подход обнаруживается и при работе со словарями, то есть для студентов существует некое общее понятие – словарь, размещенный, как правило, там же – в Интернете. О том, что существуют разные виды словарей, такие как словообразовательные, комбинаторные, словари названий жителей (что чрезвычайно важно для переводчика), лингвострановедческие словари, словари антонимов и синонимов, словари-тезаурусы, словари сленга и идиом, фразеологические словари, студенты, скорее всего, слышали, но найти такие словари не могут и пользоваться ими не умеют. Чаще всего в выборе между одноязычными словарями, где дается точное описание понятия, позволяющее заглянуть в языковую логику номинации тех или иных явлений, и двуязычными словарями предпочтение отдается двуязычным, которые обычно дают лишь возможные соответствия слову в другом языке, наиболее часто встречающиеся в неких типичных контекстах, которые не всегда оказываются пригодными для перенесения в текст перевода. Однако

необходимо объяснить, что основным достоинством одноязычных словарей в глазах переводчика является то, что именно в них переводчик находит значение незнакомых ему слов и очень часто, поняв значение незнакомого слова, без помощи двуязычного словаря находит нужные лексические соответствия в переводящем языке.

Формирование такой компетенции, как **«владение основными способами достижения эквивалентности в переводе и способностью применять основные приемы перевода»**, обычно начинается на занятиях, знакомящих студентов с переводческими трансформациями. Для этого в учебных программах часто предусматривается специальный курс технологии перевода, направленный на выработку навыков использования переводческих приемов. Например, описание этого этапа обучения представлено в коллективной монографии «Методические основы подготовки переводчиков» под редакцией В.В. Сдобникова. В разделе «Вводный курс: технология перевода» О.В. Петрова пишет, что на этапе обучения переводческой технологии, или технологии перевода, необходимо: познакомить студентов с основными принципами перевода, с требованиями к переводчику и к результатам его труда; дать студентам представление об основных приемах перевода, о видах переводческих трансформаций и условиях, в которых они могут или должны применяться; сформировать у студентов умения применения основных приемов перевода [9]. Как правило, в пособиях содержится изложение принципов и объяснение сути приемов перевода, а затем набор упражнений, направленных на отработку приемов перевода. На этом этапе часто возникают проблемы, связанные с тем, что студенты воспринимают отдельно сам прием, его техническую сторону и цель его применения. При выполнении упражнений, направленных на отработку определенной переводческой трансформации, нередко возникает ситуация, когда перевод выполняется либо с использованием указанной в задании трансформации, но с искажением смысла, либо с верной передачей смысла, но без использования требуемой трансформации. То есть на этапе отработки переводческих трансформаций трудно даются как понимание сущности приема, так и определение того, почему этот прием нужен в данном конкретном случае. Обучение переводческим трансформациям, как правило, составляет начальный, технический

этап в обучении переводу, в результате чего студенты должны научиться пользоваться трансформациями как инструментом достижения определенной цели. На следующем этапе обучения переводу, на этапе перевода текстов, переводческие трансформации перестают быть центром внимания, а применяются только там, где в этом есть необходимость. Но поскольку студенты зачастую воспринимают трансформации как нечто чисто механическое, никак не связанное с достижением эквивалентности, они применяют их произвольно и часто не могут объяснить, зачем была использована та или иная переводческая трансформация при переводе определенного фрагмента текста. Так что основная проблема состоит в том, чтобы сделать употребление переводческих приемов осмысленным, направленным на достижение эквивалентности. Полезно бывает сравнить варианты перевода одного и того же фрагмента текста без использования трансформаций и с использованием разных трансформаций, проанализировать степень эквивалентности и различия в смысле. И здесь задача преподавателя состоит не в том, чтобы приучить студентов использовать трансформации во что бы то ни стало, а в том, чтобы научить применять переводческие приемы только там, где они действительно необходимы, где их отсутствие приведет к нарушениям содержания, логических связей, стиля.

Самая трудная задача связана с формированием последней из названных компетенций: **способности осуществлять письменный перевод с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм.** И она остается актуальной не только, когда речь идет о переводе с родного языка на иностранный, но и при переводе с иностранного языка на родной. Если в первом случае результат напрямую зависит от уровня владения иностранным языком, то при переводе на родной язык, казалось бы, подобной проблемы не должно быть. В теории роль преподавателя перевода должна сводиться к борьбе с интерференцией и калькированием. Но на практике приходится решать значительно более широкий круг проблем, связанных с низким уровнем владения русским языком, что приводит к ошибкам, связанным с лексической сочетаемостью, с регистровыми характеристиками слов, со словообразованием, употреблением деепричастных оборотов и т. д.

Преподаватель не имеет права принять вариант перевода, в котором нарушены нормы и узус переводящего языка. Причем студентам нужно объяснять, что разделение понятий «норма» и «узус» фактически существует лишь в сознании лингвистов. А для носителей языка нарушение узуса воспринимается как ошибка, независимо от того, нарушена ли при этом норма. И на этом этапе тоже возникает некоторая коллизия: с одной стороны, узус воспринимается как общепринятое носителями языка употребление языковых единиц, то есть, как обычно говорят студенты, объясняя понятие узуса, – «это то, как горят». Но, с другой стороны, именно тем, что «так говорят», студенты объясняют совершенно малограмотные варианты. В данном случае необходимо объяснять важность понимания того, кто говорит, где говорят, когда говорят, то есть научить использовать корпус, в частности «Национальный корпус русского языка». В качестве упражнений полезно бывает попросить студента разобрать собственное предложение, причем сделать и формальный синтаксический разбор, и смысловой: что к чему стало относиться, как это повлияло на смысл.

Понятно, что в полном объеме профессиональные компетенции формируются не только на занятии по переводу. Это предполагает кропотливую работу на занятиях в рамках других учебных дисциплин, таких как занятия по родному и иностранному языкам, и занятия по курсу «Использование поисковых интернет-систем в переводе», и весь цикл лингвистических дисциплин, таких как грамматика, стилистика, языкознание. Но именно на преподавателя письменного перевода ложится обязанность свести все знания, необходимые для формирования названных компетенций, воедино и помочь студентам превратить эти знания в навыки.

Библиографический список

1. Старицина О.А. Клиповое мышление VS образование. Кто виноват и что делать? // Электронный ресурс Интернет: <https://cyberleninka.ru/article/v/klipovoe-myshlenie-vs-obrazovanie-kto-vinovat-i-chto-delat>.

2. Baker M. In Other Words: a Coursebook on Translation. N.Y.: Routledge. 1992. 304 p.
3. Nord Ch. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi. 2005. 274 p.
4. Сдобников В.В. Суть и роль предпереводческого анализа текста в профессиональной подготовке переводчиков // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Выпуск 10. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 213–222.
5. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ-Тезаурус, 2001. 224 с.
6. Петрова О.В. Переводческий анализ текста // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта. Н. Новгород, 2017. С. 28–33.
7. Алексеева И.С. Письменный перевод. СПб.: Союз, 2006. 368 с.
8. Королькова С.А. Текстотипологическая модель обучения письменному переводу. Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 165 с.
9. Петрова О.В. Вводный курс: технология перевода // Методические основы подготовка переводчиков: обобщение опыта. Н. Новгород, 2017. С. 21–28.

Сведения об авторе

Родионова Мария Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Maria.y.rodionova@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

Исследование иронии в современной германистике

Н.А. Голубева
Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Плисов Е.В., Кузьмичева А.А. Ирония в словаре и речи (на материале немецкого языка): Монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2019. 174 с.**

Проблематика комического является для лингвистики и литературоведения традиционной, однако изучение лишь структуры комического текста, языковых средств и приемов создания комического эффекта представляется в настоящее время недостаточным, так как за рамками исследования оказывается главная проблема – проблема порождения и принципов отбора языковых единиц для репрезентации комического, а также его прагматический потенциал. Возможность решения этих вопросов авторы рецензируемой монографии Е.В. Плисов и А.А. Кузьмичева [1] усматривают в холистическом подходе к изучению комического – на философском, психологическом и лингвистическом уровнях, что обусловлено синтетическим характером объекта исследования. Авторы останавливают свой исследовательский взгляд на иронии как одном из самых сложных проявлений комического с точки зрения механизмов ее создания и интерпретационных возможностей при ее декодировании.

Актуальность обращения к проблемам иронии в языке и механизмам ее реализации в речи определяется, по мнению авторов, следующими ведущими тенденциями развития лингвистики на современном этапе: сменой научной парадигмы описания системного устройства языка в статике описанием функционально-динамических аспектов языковых феноменов в совокупности с экстралингвистическими факторами; поиском взаимодействия в речевой деятельности системных закономерностей функционирования слова с активным использованием т. н. «креативного» речетворчества как обнаружения возможностей

использования потенциала языка, не реализованного узусом и нормой; усилением роли контекста как компонента речевой деятельности; интересом к речевым «аномалиям» как к процессам преднамеренного отступления от языкового канона; повышенным вниманием к изучению комического дискурса; усилением внимания специалистов к исследованию коннотативной составляющей речи, в том числе иронии как одной из наиболее сложных с акустической и перцептивной точек зрения.

Научная новизна рецензируемого научного труда определяется комплексным описанием фондовых языковых единиц, реализующих ироническое значение на внутрисловном и междусловном уровнях функционирования в языке и речи; описанием основных операциональных лингвистических механизмов и приемов создания иронии как реализации уже имеющихся в языковых единицах потенциалов при установке на достижение прагматического эффекта.

Материалом исследования послужил корпус языковых единиц, сопровождаемых семантико-прагматической пометой *ironisch* (иронически). Этот корпус получен авторами в результате сплошной выборки из двух изданий словаря *Duden Deutsches Universalwörterbuch* 1996 [2] и 2001 гг. [3]. Материалом экспериментально-фонетического исследования послужила серия текстов, взятых из современной немецкой художественной литературы, записанных дикторами на цифровой носитель в Институте фонетики и речевой коммуникации Университета Халле-Виттенберг им. М. Лютера г. Халле (Заале) в Германии.

Особенности материала предопределили выбор методов и приемов лингвистического анализа материала в системе языка и в речи. Авторами использовались элементы трансформационного анализа и компонентного анализа с целью выявления семантической структуры исследуемых единиц; количественный анализ для учета численного соотношения различных групп лексических единиц, реализующих комический смысл в ходе их многоаспектной классификации; контекстуальный анализ семантики слова; метод слухового анализа для определения соответствия записанного текста литературным нормам современного немецкого языка и определения степени выраженности иронии в высказывании; инструментально-акустический анализ для обработки материала (сегментация звукового потока, замеры и анализ тональных, динамических и

темпоральных характеристик); метод математико-статистической обработки данных для объективной оценки выявленных закономерностей в полученных результатах.

Главный научный итог работы Е.В. Плисова и А.А. Кузьмичевой заключается в выявлении закономерностей создания языкового комизма и его составляющей – иронии на различных уровнях его реализации. Языковой комизм рассматривается авторами как «многофакторная системно-функциональная актуализация потенциального языкового содержания, которая находится в зависимости от конкретного лингвистического / экстралингвистического контекста» [1. С. 7]. Контекст, речевое поведение, модально-эмоциональное отношение говорящего – все эти факторы обуславливают использование в речи определенного набора лексических, лексико-грамматических и просодических средств, которые коррелируют с модально-эмоциональным значением иронии. Исследователями установлено, что на просодическом уровне значение иронии создается за счет вариаций высоты тона, изменения уровня интенсивности, а также изменения длительности слогов, пауз и варьирования темпа. Использование просодических средств при создании значения иронии в немецком языке варьируется в зависимости от коммуникативного типа высказывания.

В настоящей монографии глубоко обоснована методологическая база исследования, и в соответствии с этим представлена обширная информация по заявленной теме, которые формируют научное представление о факторах и законах, управляющих функционированием языковых средств в различных сферах коммуникации, систематизируют и обогащают знания о функциональном аспекте единиц разных уровней языковой системы в зависимости от целей и задач, характера содержания и различных ситуативных особенностей общения.

Важно отметить, что рецензируемая монография является продолжением исследований, выполняемых в рамках научной школы НГЛУ им. Н.А. Добролюбова «Лингвоконцептуальные и коммуникативно-прагматические феномены языковой действительности», в том числе диссертационных работ по лексикологии [4; 5; 6; 7; 8] и фонетике [9; 10; 11; 12] немецкого языка, а также ряда монографических исследований по дискурсу [13; 14; 15].

Рецензируемая монография является заметным явлением в отечественной германистике и может быть рекомендована ученым-филологам, аспирантам направления подготовки 45.06.01 «Языкознание и литературоведение» (профиль «Германские языки»), студентам магистратуры направлений подготовки 45.04.02 «Лингвистика» (магистерские программы «Германские языки» и «Лингвистика и межкультурная коммуникация»), 44.04.01 «Педагогическое образование» (профиль «Современные технологии преподавания немецкого языка как иностранного»), а также всем, кто заинтересован в изучении языковых механизмов создания и реализации иронии, прагматическое значение которой в протекании любого вида дискурса неоспоримо.

Библиографический список

1. Плисов Е.В., Кузьмичева А.А. Ирония в слове и речи (на материале немецкого языка): Монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2019. 174 с.
2. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996. 1816 S.
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. CD-Rom.
4. Симонова С.В. Коммуникативно-прагматический потенциал «лексики образованных людей» (bildungssprachlich): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 180 с.
5. Симонова Е.Г. Имплицитное цветообозначение в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 197 с.
6. Гайдукова Т.М. Цветообозначения человека и частей его тела (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2008. 238 с.
7. Зинцова Ю.Н. Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 335 с.
8. Хабибулина Э.А. Немецкие адъективные цветообозначения в языке моды: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 248 с.

9. Жарёнова Н.В. Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 217 с.

10. Мацкевич Е.Э. Фонетические средства выражения желания в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. 185 с.

11. Кузьмичева А.А. Просодические средства реализации иронии в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 194 с.

12. Волков А.С. Просодические особенности реализаций ложных речевых актов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2013. 145 с.

13. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. 401 с.

14. Текст как социокультурный феномен: Коллект. монография / Под общ. ред. И.Н. Хохловой. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 216 с.

15. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллект. моногр. / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.

Сведения об авторе

Голубева Надежда Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории
и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nagol@mail.ru

Дифференциальные признаки афоризма

Т.Н. Федуленкова

Владимир

Рецензия на монографию: **Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с. ISBN 978-5-88018-630-3**

В 2018 году в издательстве Смоленского государственного университета вышла монография профессора А.В. Корольковой «Афористика в контексте русской культуры». Данная монография продолжает цикл научных работ автора по русской афористике.

В теории афористики еще множество нерешенных проблем, о которых идет речь в этой книге. Современные представления о свойствах и лингвистических особенностях афоризмов нуждаются в уточнении. При огромном интересе к афоризмам, к мудрым изречениям на протяжении столетий нет ясности в понимании сущности афоризма, в определении объема, в характеристике его структуры, стилистических особенностей и лексического наполнения. В рецензируемой монографии А.В. Корольковой предпринята попытка дать ответы на вопросы о сущности афоризма.

О природе афоризмов написаны сотни работ, где они рассматриваются с точки зрения литературы, философии, теории языка. До настоящего времени однозначной трактовки природы этого языкового явления не существует. Однако сами афоризмы, корпуса афористики в различных языках, в том числе и русском, довольно подробно исследованы и лексикографированы. В современной русской лексикографии существуют сотни словарей афоризмов, где изречения отобраны из художественных, публицистических и научных сочинений по разным критериям и представлены в словарной статье по разным принципам.

Актуальность и новизна проблематики рецензируемой монографии определяется несколькими причинами.

Во-первых, исследование афористики с лингвистических позиций дает возможность автору проанализировать и проследить развитие ее лингвокультурологического потенциала в диахронии и

синхронии. Во-вторых, исследование природы афоризма является актуальным в связи с комплексом нерешенных лингвистических теоретических проблем. В рецензируемой монографии предложена удачная попытка дать комплексную характеристику корпусу русской афористики.

Обращает на себя внимание репрезентативность исследуемого материала, так как все теоретические умозаключения автора построены на объективном исследовании «Словаря афоризмов русских писателей», первое издание которого вышло в 2005 году (словарь неоднократно переиздавался). Кстати, А.В. Королькова является соавтором-составителем этого словаря, в который включены афоризмы более 180 авторов.

В данной монографии феномен афоризма рассматривается как с позиций литературоведения, так и с позиций лингвистики. Междисциплинарный анализ афористики представляется продуктивным и новаторским. Автор применяет комплексный подход к анализу материала. При этом используются нестандартные методы описания и систематизации афоризмов. Принципиальный вопрос о сущности афоризма решается нестандартно, можно даже утверждать, инновационно.

В первой главе «О природе афоризма. История вопроса» А.В. Королькова, пытаясь дать ответ на вопрос, что же такое афоризм, выделяет несколько существенных признаков.

Первым из них является наличие в афоризме слов-концептов. «Фразеологические единицы и афоризмы имеют обобщающий характер. С точки зрения структурно-семантической в их составе можно выделить так называемые слова-концепты, которые репрезентируют наиболее актуальные для народа понятия. Это **первый**, самый существенный **признак афоризма**. В тех случаях, когда в высказываниях нельзя выделить слово-концепт, перед нами любое явление языка и речи, но не афоризм» [1. С. 31]. С этим утверждением можно согласиться, поскольку концепты в том или ином виде, действительно, присутствуют в любом, даже ироничном, изречении.

Вторым существенным признаком видится паспортизированность: «важнейшим дифференциальным признаком афоризмов следует считать их паспортизированность. У каждого афоризма известен автор. В тех случаях, когда афоризм становится

общеизвестным, широкоупотребительным и превращается в крылатое выражение, авторство постепенно перестает быть важным. Однако у афоризма (одновременно являющегося крылатым выражением) все же остается “семантический довесок” в виде памяти об авторе. Так произошло с известными высказываниями: у сильного всегда бессильный виноват (И.А. Крылов); рожденный ползать летать не может (М. Горький); любви все возрасты покорны (А.С. Пушкин); и дым отечества нам сладок и приятен (А.С. Грибоедов, хотя еще ранее фраза использовалась Г.Р. Державиным); человек – это звучит гордо (М. Горький) и пр.» [1. С. 32]. С этим также можно согласиться, поскольку использование любого изречения преследует цель не только сделать свою речь оригинальной, но и продемонстрировать высокий интеллектуальный уровень говорящего, обратившегося к литературной классике. Афоризмы известных писателей наиболее частотны в речевой практике.

Автор монографии в качестве существенных признаков афоризмов называет и воспроизводимость. «Афоризмы практически всегда воспроизводятся в том виде, в котором они были написаны, сказаны кем-то из великих людей. Они не предполагают семантической трансформации, но в их структуре возможны грамматические изменения лексических единиц» [1. С. 33]. Воспроизводимость, на наш взгляд, действительно важна для афоризма. Чем чаще в речевой практике большого количества носителей языка воспроизводится афоризм, тем больше он отражает актуальную для данного исторического периода языковую и концептуальную картину мира народа. Хотя нужно заметить, что активное употребление афоризма ведет зачастую к искажению его первоначальной формы и даже первоначального значения.

Существенным дифференциальным признаком афоризма в монографии предлагается считать лаконичность. С этим, разумеется, никто не спорил и в других теоретических работах, посвященных афористике. Однако в рецензируемой монографии лаконичным считается афоризм, включающий три предложения. В качестве примера приводится изречение А.А. Вознесенского: «Забвение вечных **вопросов**, которыми всегда мучился человек, лишает его человечности. Камень, растения, животные не имеют вопросов. Человека, в отличие от них, мучают вопросы о смысле жизни и смерти, о загадке своего существования» [1. С. 33].

В целом, с такой трактовкой можно согласиться, принимая во внимание отнесение к афористике максим и сентенций в европейской литературоведческой традиции, однако вопросы все же остаются. Афоризмы стремятся к краткости. Чаще всего активно воспроизводимы изречения, состоящие из одного простого (иногда осложненного) предложения. В приложении к монографии есть подобные примеры.

Так, из Ф.М. Достоевского читаем: «**Богатство, грубость** наслаждений порождают **лень**, а лень порождает рабов» [1. С. 217].

«Есть **русские люди**, боящиеся даже русских успехов и русских побед ... они боятся и удач, и побед русских потому-де, что явится после победоносной войны самоуверенность, самовосхваление, шовинизм, застой» [1. С. 219].

И в то же время согласимся с автором рецензируемой книги: невозможно игнорировать изречения более сложной структуры, состоящие из нескольких предложений, которые семантически неделимы. В приложении среди афоризмов Ф.М. Достоевского есть и довольно сложные, состоящие из нескольких предложений: «**Человек** может ошибаться. Мы со своей стороны знаем, что ошибку в фальшь не ставят... Не в ошибках дело. **Дело** правое не погибнет и от нескольких ошибок...» [1. С. 224].

По сути, А.В. Королькова пишет о «компликативных моделях» (термин С.Г. Гаврина [2]) устойчивых констант, которые лежат в основе любого афоризма.

В результате в монографии А.В. Корольковой афоризмом предлагается считать «краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре слов-концептов; паспортизированность; воспроизводимость; раздельнооформленность; лаконичность» [1. С. 37]. При этом такой признак, как раздельнооформленность, все же вызывает некоторые сомнения, поскольку в истории афористики зафиксировано немало предельно лаконичных афоризмов, состоящих из одного слова. Так, у Козьмы Пруткова есть замечательные ироничные, предельно краткие слова-афоризмы: «Бди!», «Козыряй!». Конечно, отнесение таких явлений к афористике – вопрос спорный. Однако наличие слов-афоризмов в корпусе русской афористики заставляет спорить с таким дифференциальным признаком, предлагаемым в монографии, как раздельнооформленность.

При решении вопроса о природе афоризмов в монографии рассматриваются такие их признаки, как «субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, запоминаемость, способность выражения универсальных истин, неповторимость, недосказанность и пр.» [1. С. 37]. Однако эти дифференциальные характеристики афоризмов признаются факультативными, не решающими проблему вычленения афоризма из целого текста.

В I главе помимо анализа существенных признаков афоризмов рассматривается история филологической интерпретации афоризма, анализируются отличия афоризмов и жанров художественной литературы. Структурная равнозначность афоризма предложению роднит их с пословицами, поговорками, крылатыми выражениями, грегориями, однако афоризмы зачастую имеют более сложную форму синтаксической организации. Автор справедливо признает, что афоризмы амбивалентны по своей лингвистической природе.

Однако в первой главе не до конца прояснен вопрос о том, какие условия должны быть соблюдены для превращения обычной цитаты в афоризм или афористическое высказывание. Полагаем, что в дальнейших книгах А.В. Королькова попытается разрешить проблему.

Во II главе «Из истории русской афористики» представлена серия научных очерков о русской афористике разных эпох, начиная от древнерусской и заканчивая афористикой рубежа XX–XXI вв. В этой главе нужно обратить особое внимание на отдельные краткие оригинальные исследования афористики В.К. Третьяковского, В.И. Капниста, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Козьмы Пруткова, М.А. Волошина, И.А. Бродского и др., представляющие собой отдельные очерки. Исследование афористики отдельных авторов позволяет по-иному взглянуть на их внутренний мир, духовно-нравственные ценности, мировоззренческие установки. Так, например, среди афоризмов Бориса Васильева, автора пронзительных произведений о страшной войне, есть такой афоризм: «И пусть все смеются, утирая слезы от хохота, а не горя. Момент смеха – момент проявления человека в человекоподобном. Люди добрые, пожалуйста, будьте веселыми!»

Это замечательное изречение приоткрывает совершенно особый внутренний мир писателя, преобразенную в его сознании реальность.

Интересным представляется утверждение, что творчество отдельных авторов можно считать афористичным, и что это примета индивидуально-авторского стиля. Действительно, если творчество А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого можно считать афористичным, то у И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского афоризмов сравнительно мало.

Также вызывает интерес и утверждение, что в отдельных случаях из-за частотности употребления афоризмы укорачиваются и превращаются в крылатые выражения или крылатые слова. Заслуживает внимания авторская дифференциация афоризмов и крылатых выражений как результата индивидуально-авторского творчества: для крылатого выражения важна широкая известность, а для афоризма – фиксация авторства при необязательной известности.

Особый интерес в монографии представляет III глава – «Семантическая характеристика афоризмов», в которой последовательно доказывается мысль о том, что вводные афоризмы могут быть извлечены из текстов разного рода путем выделения опорного ключевого слова, вокруг которого и строится изречение. Отмечается, что в русской афористике, как и в русской культуре, основными темами являются: любовь и дружба; Россия (Отечество); разум; человек и качества человека; язык; учение; эмоциональные состояния и характеристики человека; смерть / бессмертие, жизнь, война / мир; истина / ложь; трагическое восприятие действительности.

Исследование семантического поля «трагическое восприятие действительности» на материале афористики позволяет объективно рассмотреть ценностно-смысловые ориентиры российского общества на протяжении трагического XX века. В рамках семантического поля рассматриваются различные тематические группы, в частности фашизм. Можно полностью согласиться с автором монографии в том, что изречения, посвященные этому страшному явлению XX века, являются предостережением русских писателей людям XXI века. Например, слова В.С. Гроссмана: «Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преобразенные, человекообразные существа» [1. С. 167].

На основании представленных данных автор убедительно доказывает, что ключевые слова русской афористики совпадают с вербализованными основными концептами русской культуры, а

концептосфера русской культуры практически совпадает с семантическими блоками и семантическими полями русской афористики [1. С. 168].

В монографии «Афористика в контексте русской культуры» представлен новый взгляд на историю развития афористики в России, дана убедительная характеристика фразеосемантических полей афоризмов, поставлена и новаторски решена проблема соотношения тематики русской афористики и концептов русской культуры.

Достоинством монографии является стиль ее изложения, а также логичность построения текста. В целом, книга углубляет наше представление о филологической природе афоризмов, ее отличает новизна и доказательность выдвинутых научных положений.

Научная концепция А.В. Корольковой по теории русской афористики имеет широкие перспективы в плане прикладного анализа афористики отдельных писателей и поэтов.

Как перспектива предложенного в монографии исследования нам видится ответ на существенные вопросы:

1. Из каких источников пополняется корпус русской афористики?
2. Каковы общие тенденции развития фонда русских афоризмов?
3. Какое место занимают афоризмы в языковой (или речевой) системе?

Полагаем, что в дальнейших исследованиях А.В. Королькова ответит на поставленные вопросы.

Библиографический список

1. Королькова А.В. Афористика в контексте русской культуры: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.
2. Гаврин С.Г. Афористическая фразеология как лингвистическая категория // Вопросы теории и методики русского языка. Ученые записки Пермского пединститута. Пермь, 1971. Т. 87. С. 3–23.

Сведения об авторе

Федуленкова Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Иностранные языки
профессиональной коммуникации»
Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64),
член-корреспондент РАН
E-mail: fedulenkova@list.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 46

Редакторы: Н.С. Чистякова
Ю.А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 26.06.2019

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 12,13

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ 9478

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а